АКСЕЛЬ ПАНЦЕР

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ

Книга четвёртая

ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА

Часть третья

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Том 6

Аксель Панцер

Под чёрным крестом. Книга 4. Часть 3. Последняя присяга. Тринадцать лет.

«Автор»
2026

Панцер А.

Под чёрным крестом. Книга 4. Часть 3. Последняя присяга. Тринадцать лет. / А. Панцер — «Автор», 2026

1454 год. Пруссия восстала против Тевтонского ордена, но свобода, казавшаяся такой близкой, оборачивается тринадцатью годами беспощадной войны. Под Хойнице рушатся надежды на скорую победу. Города истощают казну, наёмники требуют жалованья, крепости меняют хозяев, а некогда неприступный Мариенбург становится предметом сделки. Орден сражается за своё существование, польская корона — за власть над землями, а жители Пруссии — за право выжить между двумя силами. На полях сражений и в городских советах, в осаждённых крепостях и домах простых людей решается судьба целого края. Здесь верность проверяют не клятвами, а поступками; победы оплачиваются чужими потерями, а мир может потребовать не меньшего мужества, чем война. «Тринадцать лет» — захватывающее продолжение исторической эпопеи «Под чёрным крестом» о цене свободы, власти и последней присяги.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Под чёрным крестом. Книга 4. Часть 3. Последняя присяга. Тринадцать лет.

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ
ТОМ 6
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА
Часть третья
ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ
Главы 33–48

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 33. Война своих 3
Глава 34. Хойнице 61
Глава 35. После победы 110
Глава 36. Наёмники 148
Глава 37. Пруссия горит 188
Глава 38. Невыплаченное жалованье 227
Глава 39. Мариенбург на продажу 271
Глава 40. Последний выход из Мариенбурга 323
Глава 41. Кёнигсберг 366
Глава 42. Города на войне 402
Глава 43. Воевать за деньги 446
Глава 44. Пётр Дунин 500
Глава 45. Свецин 545
Глава 46. Вислинский залив 587
Глава 47. Последние крепости 638
Глава 48. Торнский мир 692

Глава 33. Война своих

Торн — Мариенбург — Данциг — Кульмская земля — Эльбинг — Хойнице. Апрель — начало сентября 1454 года.

Вдова остановилась у порога торнской канцелярии, крепко держа сына за руку. Мальчик, лет десяти, был укутан в слишком тёплую для апреля куртку; на сапогах засохла дорожная грязь. Он увидел чисто вымытый пол и перестал переступать с ноги на ногу. Конрад Вельке собирался попросить посетителей подождать: перед ним раскрылась денежная книга, и до выплаты городским сторожам оставалась неделя. Но женщина снимала платок медленно, с трудом справляясь с узлом, и он поднялся навстречу.

— Муж погиб при разборке орденского замка, — сказала она. — Мне велели прийти за его последним жалованьем.

Имя погибшего нашлось быстро. Мужчину придавило камнем при разборке орденского замка, однако за последние дни работы семье ничего не выдали. Рядом в книге стояли ещё семь невыплаченных сумм. Конрад провёл пальцем по строкам и остановился на последней: всё это были небольшие долги, не обременительные для богатого города, но именно сейчас казна не могла покрыть даже их. Вдова ожидала, пока он уберёт палец со страницы.

— За работу отвечал город, — произнесла вдова. — Я принесла запись, как мне приказали.

Конрад развернул её бумагу рядом с двумя собственными распоряжениями. Одно требовало выдать жалованье стражникам, другое — оставить запас на непредвиденные военные расходы. Оба были подписаны безукоризненно. Железо для ворот, новые караулы, перевозка зерна из бывшего замкового хранилища — все эти платежи тоже прошли по книгам законно, только разные советники не согласовали их между собой. Город успел истратить больше, чем собрать.

— Сегодня я направлю требование казначею. Ваше имя и сумму внесут в первую очередь.

Женщина не поблагодарила: ей было важнее узнать, прийти завтра или снова через неделю. Конрад не назвал дня, которого не мог обещать. Мальчик переступил с ноги на ногу; из грубой штопки на его рукаве торчала длинная нитка. Он пытался незаметно заправить её внутрь, но не выпускал материнской ладони.

— Если денег пока нет, скажите прямо, — попросила она. — Мне нужно знать, на что кормить сына.

Из открытого окна доносился скрип колёс. Во дворе разгружали колья для укрепления речного берега; возчики ссорились со служителем, требовавшим освободить проезд. Пахло мокрым деревом и весенней грязью. Конрад вдруг с раздражением подумал, что за те самые колья город уже расплатился, а с человеком, погибшим на его службе, — нет.

— Сегодня разберу ваше дело сам, — сказал он. — Оставьте мне копию расписки.

Она долго складывала бумагу, словно боялась повредить единственное доказательство своего права, затем положила её на стол. Когда женщина с мальчиком вышли, Конрад накрыл распиской распоряжение о покупке железа и позвал помощника. Велел немедленно запросить у казначея поступления за последние три дня и пригласить Отто Беренса после складской работы. Ему требовалось не ещё одно объяснение недостачи, а способ выдать хотя бы часть заработанного.

К полудню в канцелярию вошёл Отто Беренс. Зерновая пыль въелась в швы его куртки; левую ладонь он берёг — утром железная петля распорола кожу. Конрад подвинул к нему книгу расходов. Отто не сел, хотя рядом стояла свободная скамья, и дождался, пока помощник затворит дверь.

— Утром прибыли две семьи из западных земель, — сообщил Отто. — Говорят, что в Хойнице снова стоят орденские люди.

Хойнице снова находился под властью Ордена; эта весть пришла ещё в конце марта, но лишь теперь Конрад увидел её последствия не на карте, а в лицах беженцев. Через город у западных дорог шли войска и обозы, а вслед за ними — люди, которым некуда было возвращаться. Он попросил Отто выяснить, кто из прибывших может остановиться у родни, а кого придётся поселить за городской счёт.

Отто уже записал имена обеих семей. Одна женщина рассказывала, что её мужа увели силой; другая говорила, что он остался добровольно, и прятала лицо от детей. О судьбе мужчин никто ничего не знал.

Отто положил на стол небольшой свёрток. Внутри находилась медная пряжка с отломанным язычком.

— Один мальчик пытался продать это на складе. Говорил, что отец дал ему перед дорогой. Хотел купить хлеба. Я велел накормить его и отправил к матери.

Конрад взял пряжку. Металл был истёрт, на внутренней стороне виднелись следы старой пайки. Вещь не имела заметной стоимости.

— Зачем принёс?

— Мальчик сказал, что отец служил при городских воротах. Если он числился на жалованье, здесь может быть запись. Мать имени мужа в чужом городе толком назвать не смогла. Перепугана.

Конрад отложил пряжку и попросил Отто оставить сведения о семье. Ему предстояло разыскать соответствующие записи среди документов, поступивших после восстания. В этот момент со двора послышались крики. Кто-то требовал открыть внутренние ворота. Затем раздался резкий удар железа о дерево, и в комнату вбежал помощник казначея.

Прибыла повозка с ранеными людьми. Их доставили с дороги, ведущей из западной части прусских земель. Один из сопровождавших представился служителем Прусского союза и потребовал немедленно предоставить помещение для пострадавших. Конрад и Отто спустились во двор.

На повозке лежали трое мужчин. У одного была перевязана голова, другой держал руку прижатой к груди. Третий сидел, свесив ноги, и пытался самостоятельно слезть, но каждый раз останавливался от боли. Его сапог был рассечён у щиколотки, кожа потемнела от засохшей крови.

Сопровождавший рассказывал, что их отряд подвергся нападению на дороге. По его словам, нападавшие действовали от имени Ордена. Он говорил быстро, оглядывая собравшихся, словно опасался, что ему не поверят. Отто помог снять раненого с повозки. Тот вцепился ему в плечо и застонал, когда повреждённая нога коснулась земли.

— Осторожнее, — сказал Отто возчику. — Подставь скамью. Не заставляй его прыгать.

Мужчину перенесли под навес. Конрад распорядился позвать лекаря и приготовить помещение, где прежде хранили хозяйственные принадлежности. Пока служители освобождали место, он расспросил сопровождавшего о происшествии.

Постепенно выяснилось, что дело началось не с военного нападения. Отряд пытался задержать обоз, который, по предположению городских людей, направлялся к орденскому гарнизону. Возчики предъявили торговые документы, но их сочли недостаточными. Когда вооружённые потребовали повернуть повозки обратно, один из сопровождавших обоза выхватил оружие. Началась схватка. Несколько человек разбежались, оставив груз на дороге.

Кому принадлежали повозки и что находилось под полотнищами, служитель объяснить не смог. Конрад велел записать показания.

— Мы защищали городские дороги! — возразил сопровождавший. Конрад не стал спорить о праве охранять дороги. Он спросил, кто приказал задержать именно этот обоз и где удостоверение приказа. Служитель, ещё недавно говоривший громче всех, замялся: назвать начальника он мог, а предъявить бумагу — нет.

Служитель назвал человека, которого Конрад не знал. Тот находился на службе у одного из союзных городов, но письменного распоряжения о задержании груза не предъявил. Разговор прервал раненый с повреждённой ногой.

— Там были наши, — сказал он, сидя на скамье.

Конрад подошёл ближе.

— Кто?

— Среди возчиков был человек из моего селения. Мы вместе везли зерно прошлой осенью. Он узнал меня, когда началась драка.

Раненый тяжело дышал. Лекарь, только что прибывший во двор, попросил не заставлять его говорить.

— Он звал меня по имени, — добавил мужчина.

Конрад хотел спросить, что произошло дальше, но больной закрыл глаза. Лекарь принялся разрезать окровавленную кожу сапога. Отто отступил, освобождая место. Его собственная перевязанная рука снова начала кровоточить, но он заметил это лишь тогда, когда на рукаве появилось тёмное пятно.

К вечеру выяснилось, что захваченный обоз доставили в город, а оставшихся на дороге возчиков искали люди союза. Среди них могли находиться и те, кто не служил великому магистру, а просто выполнял оплаченный перевозочный договор.

Конрад составил несколько отдельных записей: о раненых, о грузе, о показаниях сопровождавшего и о необходимости установить владельцев повозок. Он не стал объединять всё в одно дело о вражеском нападении, как требовал служитель. Когда Отто собрался уходить, Конрад напомнил о двух прежних задолженностях.

— По тебе и Генриху ответа всё ещё нет.

Отто остановился у двери.

— Генрих в Мариенбурге?

— Насколько известно, да.

— Значит, пусть там и получает своё.

Конрад не возразил. Но Отто, уже взявшись за дверную ручку, обернулся.

— Если всё-таки найдут старые деньги, его долю не выбрасывай из книги. Он ведь служил до февраля.

После этого Отто ушёл. Конрад остался среди документов, в которых всё чаще встречались слова «неприятель», «мятежник» и «верный подданный». В старых замковых ведомостях имена тех же людей стояли рядом без подобных определений. Он развернул книгу и нашёл соответствующие строки. Отто Беренс. Генрих Линде. Суммы пока оставались неизменными.

Поздно вечером Конрад вернулся к расписке вдовы. Казначей сообщил, что свободных денег нет: ближайшие поступления уже распределены между караулами и людьми у переправы. Конрад мог подписать ещё одно требование и положить его в сундук, но тогда женщина придёт через неделю с тем же мальчиком, а он вновь будет объяснять устройство городской казны. Он вызвал помощника и распорядился приготовить к утреннему заседанию совета не общую ведомость убытков, а список семей погибших на городских работах с суммами, которые им не выдали. Против первой строки стояло имя человека, которого придавило камнем. Остальных семерых он тоже не вычеркнул.

Утром Конрад настоял на отдельном решении: первые поступившие пошлины следовало употребить на выплаты тем, кто погиб или был искалечен при разборке замка, а часть несрочных закупок отложить. Один советник возразил, что недостающий материал задержит ремонт у речного берега. Конрад не стал обещать, что задержка обойдётся без последствий; он лишь положил перед собравшимися оба расчёта и предложил самим поставить подписи под очередностью платежей. После спора совет согласился выделить первый взнос семьям. На полную выплату средств не было. Вдове передали известие без обещания окончательного срока, и Конрад впервые за эти дни смог поставить возле её имени отметку не о новом обращении, а о принятом решении.

В Мариенбургском замке весна ощущалась прежде всего по запахам. Оттаявшая земля вокруг хозяйственных построек начала отдавать сыростью, в нижнем дворе скапливалась вода, а в помещениях, куда доставляли зерно, воздух становился тяжёлым от влажных мешков и соломы.

Генрих Линде привык к другой службе. В Торне он много лет отвечал за ворота, осматривал прибывающие повозки, знал постоянных перевозчиков и умел по одной походке отличить уставшего возчика от человека, который скрывает что-то под плащом. Здесь ему поручили сопровождать выдачу припасов. Большую часть дня он проводил возле складов, проверяя количество мешков и следя за тем, чтобы работники не уносили ничего без отметки.

Сначала он воспринял это как временное унижение. Теперь стал понимать, что даже такая работа требует внимания. Прибывавшие в замок вооружённые люди не всегда знали местный порядок, требовали продовольствие без надлежащих разрешений, а некоторые считали, что службу великому магистру можно начинать с самостоятельного распоряжения его запасами.

Однажды утром Генрих остановил двух воинов, которые пытались вывести со склада три мешка овса. Их старший утверждал, что корм нужен для лошадей, предназначенных к выезду за пределы замка.

— Покажите распоряжение.

— У нас приказ выступать.

— Я не спрашиваю, куда вы выступаете. Покажите запись на выдачу.

Старший раздражённо бросил мешок на землю.

— Ты здесь недавно?

Генрих подтвердил.

— Тогда знай, что лошади не едят печатей.

— Знаю. Но без отметки придётся отвечать мне.

Мужчина собирался возразить, однако находившийся рядом хозяйственный распорядитель вмешался и потребовал вернуть мешки. После короткого спора один из воинов отправился за необходимым разрешением.

Генрих не счёл случившееся победой. Он слишком хорошо понимал необходимость кормить лошадей, особенно теперь, когда вокруг замка стояли неприятельские отряды. Но с таким же успехом мог представить, что произойдёт, если каждый начнёт брать из хранилищ столько, сколько сочтёт нужным.

Несколько дней назад в замок доставили зерно с одного из хозяйств на Жулавах. Часть мешков оказалась подмоченной, а перевозка обошлась дороже прежнего. Дороги становились ненадёжными. На переправах появились новые вооружённые посты, и даже поездка за сеном требовала согласования с людьми, отвечавшими за оборону.

Замок, в котором находился великий магистр, оставался грозной крепостью. Его стены поднимались над Ногатом, башни и надвратные сооружения сохраняли прежнюю мощь, склады содержали значительные припасы. Но за пределами укреплений положение изменилось. Город и подступы к замку находились под угрозой, а войска Прусского союза стремились пресечь сообщение гарнизона с окрестными землями.

С верхней площадки одной из башен Генрих видел дальние огни неприятельских стоянок. Там, где прежде проходили хозяйственные повозки, теперь выставляли караулы. За рекой появлялись вооружённые люди, возводили земляные укрытия, подвозили древесину. Иногда по вечерам доносились удары тяжёлых молотов.

Генрих не участвовал в совещаниях братьев, но слышал разговоры караульных. После неудачных попыток приблизиться к укреплениям осаждающие начали искать удобные места для орудий. В начале апреля вокруг Кальдово произошли столкновения. Орденские отряды выходили из замка, стараясь оттеснить неприятеля от речных подходов. На следующий день туда снова явились вооружённые люди союза.

Во время одного из таких выходов Генриха оставили при внутренних воротах. Ему поручили принять несколько повозок, если отряд сумеет доставить припасы. Вместо них к полудню привезли раненого воина и лошадь с повреждённой ногой.

Раненого перенесли в помещение возле хозяйственного двора. Молодой служитель, помогавший снимать с него снаряжение, внезапно побледнел. На левом боку мужчины темнела кровь, и при каждом движении он хватал воздух открытым ртом. Генрих приказал позвать лекаря и принёс чистое полотно. Потом помог удержать раненого, пока с него осторожно снимали одежду.

Тот был не старше тридцати лет. На шее у него висел маленький деревянный крест, прикреплённый тонким шнуром. Генрих заметил, что крест застрял в застёжке воротника, освободил его и положил возле головы больного. Мужчина открыл глаза.

— Моя сумка...

— Где оставил?

— У седла.

Генрих нашёл небольшую кожаную сумку. Внутри лежали кремень, кусочек воска, два медных гроша и свёрнутая детская рубашка. Ткань была чистой, с аккуратно подшитыми краями.

— Отдай жене, — прошептал раненый.

Генрих спросил, где её искать. Мужчина назвал селение, затем снова закрыл глаза. Лекарь попросил воды. Генрих вышел, оставив сумку на скамье, и некоторое время стоял во дворе, не двигаясь. Из верхнего замка доносился колокольный звон. Возле конюшен спорили о том, как поступить с раненой лошадью. Несколько работников катили тележку, нагруженную дровами.

Мужчина умер ещё до вечерней службы. На следующий день Генрих принёс сумку Маттиасу фон Розенбергу. Орденский служащий занимался списками людей, принятых в замковые отряды, и мог установить, кому следует передать вещи.

Маттиас выслушал обстоятельства, проверил имя погибшего и велел подготовить извещение семье. При этом выяснилось, что жалованье мужчины выплачено не полностью.

— Остаток следует сохранить за вдовой, — сказал Генрих.

Маттиас поднял на него глаза.

— Конечно. Только не знаю, когда удастся его выдать.

Генрих подумал о двух грошах в сумке. Он видел, как тщательно покойный завернул детскую рубашку, чтобы она не испачкалась. Мужчина, вероятно, собирался отправить её домой вместе с кем-нибудь из возвращавшихся сослуживцев.

— Может быть, передать хотя бы эти вещи?

— Передадим. Если дорога позволит.

Маттиас помедлил, затем спросил:

— Ты хорошо устроился?

Генрих рассказал о службе, но ничего не сказал о тесном помещении и недостатке свободных постелей. Маттиас сам знал, в каких условиях размещали прибывающих людей.

— Из Торна новых известий не получал?

— Нет.

— Там продолжают разбирать старые замковые дела.

Генрих сжал губы.

— Пусть разбирают.

Маттиас не стал развивать разговор. После ухода Генриха он долго рассматривал запись о погибшем воине. В последние недели такие случаи перестали быть исключением. За каждой новой выдачей имущества стояла необходимость установить, кто погиб, кто находится при другом отряде, а кто исчез после столкновения и может ещё вернуться. Вечером Маттиаса вызвали к великому магистру.

Людвиг фон Эрлихсхаузен находился в одном из внутренних помещений замка вместе с несколькими сановниками. На столе лежала карта прусских земель, рядом были разложены письма. Одно доставили из германских владений Ордена, другое пришло через посредников с запада.

Великий магистр выглядел утомлённым. За последнее время ему пришлось несколько раз менять порядок распределения припасов и средств. Часть командоров больше не могла высылать положенные доходы. В других местах орденские имущества удерживали города и рыцарство. Средства, на которые прежде содержались многочисленные учреждения, теперь приходилось направлять на оборону и привлечение вооружённых людей.

Маттиас представил сведения о запасах. Людвиг внимательно прочитал перечень, затем попросил назвать расходы на гарнизон. Услышав сумму, один из присутствующих братьев недовольно качнул головой.

— Это больше, чем мы рассчитывали.

— Потому что людей стало больше, — ответил Маттиас. — И потому что перевозка обходится дороже.

Великий магистр положил документ.

— Понадобятся новые отряды. Хойнице удержан, но там требуется подкрепление. Если противник перекроет западную дорогу окончательно, помощь из германских земель станет ещё труднее доставлять.

Он указал на карту. Для Людвига происходившее имело особую тяжесть. Он знал эти земли задолго до избрания великим магистром. Знал расположение комтурств, состояние дорог, особенности хозяйств. Ему были знакомы люди, которые теперь выступали против орденской власти. Некоторые ещё недавно принимали участие в его совещаниях, обращались с просьбами, приносили положенные повинности.

Он не мог относиться к ним как к далёкому неприятелю, о котором известно только по донесениям. Один из братьев предложил принять более строгие меры в отношении владений тех рыцарей, которые поддержали союз. Маттиас напомнил, что часть этих земель фактически недоступна и распоряжения о конфискации ещё не дают возможности получить с них доход.

— Тогда следует начать с того, что доступно, — раздражённо сказал брат.

Людвиг остановил спор.

— Мне нужны средства и люди, а не перечень владений, которые невозможно занять.

После совещания Маттиас вышел во внутренний двор. Было уже темно. Несколько окон освещались изнутри, возле ворот дежурили вооружённые люди. Из хозяйственных помещений тянуло дымом и запахом варёной капусты.

У стены стоял Генрих Линде. Он помогал молодому служителю закрепить повреждённую петлю на дверце погреба. Работа оказалась неудобной: старое железо не совпадало с отверстиями, и приходилось заново подгонять деревянную накладку. Маттиас остановился возле них.

— Почему не позвали кузнеца?

— Занят, — ответил Генрих. — Чинит подковы для конюшни.

Он придержал доску, пока молодой служитель забивал последний гвоздь. Маттиас некоторое время наблюдал за работой. Генрих действовал уверенно, как человек, привыкший собственными руками исправлять неисправности, прежде чем обращаться за помощью.

— Тебе не надоело здесь? — спросил Маттиас, когда молодой работник ушёл за инструментом.

Генрих не сразу понял вопрос.

— Служба есть служба.

— Я не о службе. Ты оставил дом, товарищей, прежнее место. Живёшь в складском помещении. Получаешь меньше, чем раньше.

— Я приехал к великому магистру не за удобством.

Маттиас кивнул, но заметил, что Генрих смотрит в сторону ворот, за которыми лежала дорога на Торн. В замке несколько раз за день слышали рассказы о людях, продолжавших жить в городах союза. Среди них оставалось много бывших орденских служащих. Некоторые не скрывали, что приняли новую власть ради семьи и имущества.

— Отто Беренс всё ещё там? — спросил Маттиас.

Генрих подтвердил.

— Он хороший работник?

— Был хорошим.

— Наверное, и теперь.

Маттиас не стал расспрашивать дальше. Наутро он поручил писарю приготовить два извещения о невыплаченном жалованье. Одно предназначалось семье погибшего воина. Другое — бывшему торнскому служителю Генриху Линде, теперь состоявшему при Мариенбург-

ском замке. Маттиас понимал, что удостоверенная запись не заменит денег. Но без неё человек мог потерять даже право требовать заработанное.

В Данциге Мартин Краузе впервые увидел настоящую военную закупку, когда на склад привезли сорок коротких копий, связав их в два больших пучка. Древки были свежими, местами липкими от смолы, железные наконечники изготовили наскоро. Кузнец, доставивший оружие, жаловался, что ему пришлось отложить заказы горожан: прежде он занимался преимущественно подковами, скобами для ворот и железными частями подъёмных устройств.

Мартин помог пересчитать копья. Одно имело трещину возле наконечника. Он отложил его и показал мастеру.

— Дерево сухое, — сказал кузнец.

— Но трещина идёт вдоль волокон.

Кузнец нахмурился. Мартин попросил его согнуть древко. Тот попробовал, и повреждение сразу стало заметнее.

— Заменю, — буркнул кузнец. — Только не сегодня.

Мартин записал недостающее копьё отдельно. Из конторы вышел Маттиас, управлявший торговым домом покойного Хеннинга Бранта, и спросил, почему работа задерживается. Выслушав объяснение, он осмотрел оружие.

— Это городской заказ?

— Да, — ответил кузнец. — Совет торопит.

Маттиас велел убрать копья под навес. Железо можно было использовать без промедления, но древки следовало ещё раз проверить. Он не хотел, чтобы из-за спешки городская стража получила оружие, которое сломается при первом сильном ударе. Кузнец ушёл недовольным. Мартин проводил его взглядом.

Мартин видел, что кузнец считает проверку копий придиркой. Маттиас, однако, не уступил: если оружие потребуется уже завтра, треснувшее древко окажется опаснее задержанной выдачи. Мартин провёл ладонью по одному из древков и почувствовал под пальцами тонкую неровность, которую легко было не заметить под свежей смолой.

Маттиас вернулся к конторе. Мартин остался возле копий, а затем вместе с двумя работниками перенёс их в сухую часть склада. С ранней весны торговый дом всё чаще принимал товары, не предназначенные для обычной продажи. Привозили пеньку для канатов, запасные колёса, железные скобы, древесину для временных укреплений, соль для гарнизонного продовольствия. Некоторые закупки оплачивал городской совет, другие производили представители Прусского союза. Отдельные купцы давали деньги в долг, рассчитывая получить их обратно после установления более надёжного порядка.

Маттиас старался не смешивать эти операции с торговыми обязательствами дома. Он помнил, как Хеннинг Брант много лет добивался доверия покупателей и перевозчиков, и не хотел разрушить это доверие случайным обещанием, которое невозможно исполнить. Однако отделять торговлю от военных расходов становилось всё труднее.

В тот же день пришёл Томас Лемке. За годы знакомства его характер почти не изменился: он по-прежнему говорил громко, сердился быстрее, чем разбирался в обстоятельствах, и не любил, когда ему задавали уточняющие вопросы. Теперь поводом для недовольства стала лодка с зерном.

— Она стоит уже четвёртый день, — объявил Лемке. — Груз предназначен покупателю, а совет требует проверить, не понадобится ли зерно для городских запасов.

— Покажи договор.

Лемке тяжело вздохнул, но достал бумаги. Маттиас изучил их. Покупатель находился за пределами Пруссии, товар был оплачен лишь отчасти. Если задержка продолжится, придётся возвращать задаток или договариваться о новых условиях.

— Я могу представить дело на совете, — сказал Маттиас. — Но нельзя требовать, чтобы город открыл все склады, если завтра придётся кормить людей под Мариенбургом.

— Тогда пусть город покупает зерно.

— За какие деньги?

Лемке раздражённо отбросил край плаща.

— Вы хотите, чтобы купцы оплатили войну, а потом ещё благодарили за сохранение торговых прав?

Маттиас не ответил сразу. Он и сам задавался подобным вопросом. Совет обещал возмещение ряда расходов, но деньги поступали медленно. Из торгового дома уже несколько раз выдавали припасы под обязательства, которые ещё предстояло подтвердить.

— Я хочу, чтобы ты получил плату, — сказал он наконец. — И чтобы люди, которых отправляют на войну, не остались без хлеба. Пока придётся искать способ выполнить оба условия.

Лемке остался неудовлетворённым, но согласился ждать ответа. После его ухода Мартин принёс письмо из Кульмской земли. Отец сообщал, что ремонт дороги закончен лишь наполовину. Весенние дожди снова повредили деревянные настилы возле канавы, лошадей приходилось выводить из грязи вручную, а несколько соседей отказались участвовать в общей работе, потому что получили требования предоставить подводы для вооружённых людей.

Петер просил сына не отправлять домой деньги, предназначенные для будущих закупок. Ему удалось сохранить необходимый запас зерна, но он опасался, что военные отряды станут требовать продовольствие непосредственно у хозяйств. Мартин перечитал письмо и задумался.

Он хорошо помнил жизнь на отцовском дворе. Весной почти всё время уходило на пахоту и ремонт, а к лету начинались заботы об урожае. Петер редко жаловался на трудности. Если он писал о возможных реквизициях, значит, положение действительно вызывало тревогу. Мартин показал письмо Маттиасу.

— Хочешь съездить домой?

— Хотел бы.

Маттиас посмотрел на календарную запись предстоящих поставок. В ближайшие дни торговый дом должен был отправить продовольствие для городского отряда и получить несколько партий товара с верховьев Вислы.

— Сейчас не отпущу. Через неделю вернёмся к этому разговору.

Мартин согласился, хотя ожидал иного ответа. Вечером они вместе отправились к причалам. Над водой опускался туман, с нижнего течения тянуло холодным ветром. Возле одного из судов люди натягивали мокрый канат. Капитан требовал закончить работу до темноты, но грузчики возражали: настил расшатался, и переносить тяжёлые бочки без ремонта опасно. Маттиас осмотрел причал и велел принести новые доски.

Пока работники занимались настилом, Мартин заметил неподалёку небольшую группу вооружённых людей. Они спорили с молодым лодочником. Тот стоял возле своей лодки, показывая на пустое дно и объясняя, что не может перевезти лошадей без дополнительного плота. Один из вооружённых схватил его за куртку. Мартин направился к ним. Маттиас остановил его жестом, но пошёл следом.

— Что случилось?

Воин отпустил лодочника.

— Нам приказано переправить людей. А этот требует платы.

Лодочник торопливо объяснил, что денег ещё никто не требовал. Он лишь сказал, что понадобится древесина для настила и несколько дополнительных работников. Маттиас попросил назвать старшего отряда. Тот находился неподалёку, возле трактира. После короткого разговора выяснилось, что приказ действительно существовал, но предусматривал использование городских перевозочных средств по согласованию с советом.

Вооружённый мужчина не захотел признаваться, что пытался решить дело силой. Он буркнул, что все слишком долго разговаривают, и отошёл. Лодочник дрожал от злости.

— Я работаю здесь с детства. Мой отец перевозил орденских служащих, купцов и городских людей. Никто не хватал его за ворот из-за досок.

Маттиас велел ему утром прийти в контору. Нужно было определить стоимость необходимых материалов и представить расчёт. Мартин некоторое время наблюдал, как вооружённые уходят вдоль берега.

— Они же наши.

Маттиас поправил плащ.

— Да. Поэтому разбираться с ними придётся нам.

Они вернулись на причал, где плотники уже заменяли повреждённую доску. Вода ударяла о сваи, поднимая тёмные брызги. На соседнем судне зажгли фонарь, и его отражение дрожало между лодками.

Мартин подумал, что осенью поедет домой с деньгами и подарками для младшего брата, как делал прежде. Теперь он не знал, удастся ли вообще проехать через земли, где городские и орденские люди выставляли собственные караулы.

В конце апреля Иоганн фон Байзен получил известие о положении под Мариенбургом во время обеда. Он сидел у окна, стараясь не менять положения спины. После возвращения из Кракова болезнь давала о себе знать всё чаще. Иногда ему удавалось провести несколько часов за работой, но затем боль становилась такой сильной, что приходилось откладывать даже самые срочные дела.

Посланник приехал из лагеря осаждающих. Он привёз сведения о расположении неприятельских постов, расходе припасов и настроении вооружённых людей. Под стенами Мариенбурга продолжались столкновения. Попытки ограничить движение по дорогам не давали полного результата, а замок сохранял возможность получать помощь через участки, которые войска союза не удерживали постоянно.

Иоганн попросил развернуть карту. Габриэль стоял возле стола. Вильгельм Иордан готовился записывать распоряжения, но старший Байзен остановил его.

— Сначала выслушаем всё.

Посланник рассказал о трудностях осады. Люди уставали от караулов и земляных работ. Одни отряды прибыли с собственным продовольствием, другим приходилось выдавать его из общих запасов. Несколько командиров спорили о порядке подчинения. Городские представители требовали решительных действий против замка, тогда как опытные военные предупреждали, что приступ к мощным укреплениям без достаточной артиллерии обойдётся слишком дорого.

Иоганн слушал, не перебивая.

— Каково положение раненых?

Посланник назвал число тех, кто находился при лагере, и объяснил, что нескольких тяжёлых больных уже отправили в города. Помещения для ухода не хватало. Люди лежали в хозяйственных строениях, а весенняя сырость затрудняла выздоровление.

— Понадобятся повозки и лекарские припасы, — сказал Габриэль.

— И люди, которые будут сопровождать больных, — добавил Иоганн.

Посланник попросил разрешения передать ещё одно сообщение. Командиры ожидали поступления денег. Нанятые воины начали требовать подтверждения сроков выплаты. Некоторые утверждали, что без жалованья не станут продолжать службу. Габриэль раздражённо отложил принесённую ведомость.

— Они знали, на какую войну идут.

— Знали, за какое жалованье договорились, — возразил Иоганн.

Габриэль промолчал. Он не любил, когда брат отвечал подобным образом при посторонних, но сейчас не стал продолжать спор. Посланника отпустили отдыхать. Иоганн велел приготовить письма городским советам с просьбой о дополнительном продовольствии и деньгах. Затем поручил Вильгельму связаться с представителями королевской власти. Когда они остались вдвоём с Габриэлем, старший Байзен попросил закрыть окно.

— Тебе холодно? — спросил Габриэль.

— Нет. С улицы слишком шумно.

Габриэль подошёл к окну. Внизу двое рабочих разгружали доски с повозки. Проходившие мимо дети пытались рассмотреть оружие караульных. Один из стражников прогнал их, и мальчишки с криками убежали за угол. Иоганн осторожно отодвинул тарелку.

— Приходило письмо от Сандера?

Габриэль нахмурился.

— Ты уже спрашивал.

— После моего последнего ответа.

— Нет.

Несколько дней назад Габриэль отправил брату короткое послание. Он просил Сандера хотя бы не поддерживать вооружённые отряды великого магистра и предупредил, что положение его владений может стать опасным, если через них начнут проходить неприятельские обозы. Ответа не было.

Габриэль считал молчание проявлением упрямства. Иоганн не был столь уверен. Он хорошо знал характер Сандера: тот мог долго не отвечать не потому, что не хотел разговаривать, а потому, что не находил слов, которые не сочли бы уступкой.

— Он остаётся нашим братом, — произнёс Иоганн.

Габриэль резко повернулся.

— Я этого не отрицаю.

— Тогда не требуй от него того, чего он пока не способен сделать.

— А чего мне ждать? Пока его люди начнут сопровождать орденские повозки?

Иоганн не ответил сразу. Боль усиливалась, и ему пришлось опереться рукой о край стола.

— Если появятся доказательства, будем решать. Но не наказывай его за то, что он ещё не совершил.

Габриэль отошёл к двери. Он понимал, что старший брат не защищает орденскую власть. Однако его осторожность порой казалась чрезмерной. Восстание уже перешло в открытую войну, и промедление могло стоить жизни людям, доверившим союзу свою безопасность.

В тот вечер Стибор фон Байзен приехал к Иоганну из одного из прусских владений. Он привёз новости о настроении рыцарства, о дорогах и о нескольких землевладельцах, которые не решались принять новую присягу.

Стибор выглядел усталым. По дороге пришлось дважды менять лошадей. На одной из переправ он задержался до вечера, ожидая разрешения городского караула. За ужином сначала говорили о хозяйственных делах. Затем Стибор рассказал о встрече с Сандером.

Тот продолжал признавать орденскую власть, но не собирался выступать против братьев. Его беспокоило положение людей, живших на семейных землях. Некоторые арендаторы уже получали требования о поставках продовольствия от представителей обеих сторон.

— Он хотел бы увидеть тебя, — сказал Стибор Иоганну.

Габриэль поднял глаза.

Габриэль удивился, что Сандер не приехал сам. Стибор объяснил: после задержаний людей с орденскими письмами тот не решался показываться на союзных дорогах. Иоганн попросил рассказать, как дошло до этой опаски.

Иоганн попросил брата рассказать подробнее. Стибор объяснил, что у Сандера возник спор с одним из вооружённых постов. Через его владения проходила дорога к нескольким хозяйствам. Люди союза хотели выставить там постоянный караул, но Сандер отказался передавать помещение и корм для лошадей без письменного распоряжения. Караульные пригрозили считать его сторонником неприятеля.

— Он ведь действительно сторонник Ордена, — заметил Габриэль.

— Да. Но его люди не должны лишаться хлеба только потому, что он иначе понимает присягу, — ответил Стибор.

Иоганн долго смотрел на братьев. Они спорили не впервые, и он знал, что одними словами их не примирить. Он велел Вильгельму подготовить охранную грамоту для Сандера, позволяющую прибыть на встречу без задержания по дороге. В документе следовало ясно указать, что грамота относится только к личной поездке и не освобождает от разбирательства возможных нарушений военного порядка.

Габриэль не одобрил решения, но возражать не стал. Через несколько дней Сандер приехал. Его встретили без торжественности. В небольшом помещении, где прежде собирались для семейных разговоров, приготовили стол и несколько кресел. Сандер вошёл первым, снял плащ и осторожно положил дорожные перчатки рядом с собой. На лице его были заметны следы усталости.

Иоганн поднялся навстречу. Они обнялись. Сандер ощутил, насколько брат похудел, и не смог скрыть тревоги.

— Ты нездоров.

— Бывают дни получше.

Сандер помог ему сесть, затем поздоровался со Стибором и Габриэлем. С последним обменялся коротким рукопожатием. За столом сначала говорили о семье. Сандер рассказывал о хозяйстве, о повреждённой дороге, о женщине, чей муж ушёл на службу и не прислал известий. Иоганн слушал внимательно, расспрашивал об урожае и состоянии мельницы. В этих вопросах ещё сохранялось прежнее родство, не требовавшее объяснять политические взгляды.

Но разговор неизбежно вернулся к войне.

— У меня стоят вооружённые люди, — сказал Сандер. — Не мои. Они пришли от имени союза и требуют кормить лошадей.

Габриэль выпрямился.

— Если они действуют по законному распоряжению, нужно исполнить.

— Я не видел распоряжения.

— Значит, его следует потребовать.

— Потребовал. Мне ответили, что я противник короля и не вправе ничего требовать.

Иоганн попросил назвать командира отряда. Сандер сообщил имя и добавил, что несколько всадников уже увели с одного хозяйства двух лошадей.

— Вернут, когда закончится служба, — сказал Габриэль.

— Кто обещал?

Габриэль замолчал. Сандер достал из дорожной сумки короткую записку. Она была составлена наспех, с неразборчивой подписью. Иоганн внимательно рассмотрел её и передал Стибору.

— Этого недостаточно для постоянного размещения людей, — сказал он. — Разберёмся с их начальником.

Сандер благодарности не выразил. Он приехал не за личной милостью и не хотел, чтобы помощь старшего брата выглядела как награда за возможную уступку.

— Я всё ещё считаю себя связанным прежней присягой, — произнёс он.

— Знаю.

— И не могу обещать другого.

Габриэль резко придвинул к себе чашу. Стибор бросил на него предупреждающий взгляд. Иоганн попросил Сандера продолжать.

— Но я не стану предоставлять свои земли для нападения на вас, — сказал тот. — Не позволю брать людей против их воли. Если от меня потребуют военной службы, придётся решать тогда.

Сандер говорил медленно. Ему было трудно произносить такие слова перед братьями, потому что они звучали менее определённо, чем собственные убеждения. Он не желал отказываться от Ордена, но и представить, как направляет вооружённых людей против родственников, не мог.

Иоганн посмотрел на его руки. На одном пальце виднелась старая царапина, оставшаяся после хозяйственной работы. Сандер всегда предпочитал лично осматривать владения, а не довольствоваться рассказами управляющих.

— Береги людей, которые живут на твоей земле, — сказал Иоганн. — Остальное пока оставим.

Габриэль не выдержал.

— А если завтра оттуда пройдёт орденский обоз?

Сандер повернулся к нему.

— Тогда ты пришлёшь своих людей и остановишь его. Но не требуй, чтобы я сегодня обещал сделать это за тебя.

Разговор оборвался. Некоторое время слышались только шаги служителей за дверью. Затем Стибор поднялся и предложил пройти во двор. Там приготовили свежих лошадей, а Габриэлю предстояло отправить письмо. Когда братья разошлись, Иоганн и Сандер остались вдвоём.

Сандер подошёл к окну. Снаружи доносился шум улицы. Мимо ворот проходили вооружённые горожане, несколько женщин несли корзины с хлебом. Вдали стучал молот.

— Ты помнишь, как мы ездили к отцу? — спросил Сандер.

Иоганн улыбнулся.

— По какой дороге?

— Через мельницу. Там каждую весну размывало мост.

— Помню. Однажды мы едва не утопили повозку.

Сандер повернулся.

— Теперь на той дороге стоят люди с копьями. Они спрашивают, кому я присягнул.

Иоганн не нашёлся с ответом. Он хотел предложить брату остаться на несколько дней, но понимал, что тот не согласится. Дома его ждали хозяйственные дела и люди, за которых он отвечал. Перед отъездом Сандер попросил разрешения взять копию охранной грамоты. Иоганн распорядился приготовить её немедленно. Они простились у ворот. Сандер сел верхом, поправил плащ и посмотрел на старшего брата, стоявшего под навесом.

— Береги здоровье.

— И ты себя.

Сандер тронул поводья. Иоганн ещё некоторое время наблюдал, как всадник удаляется по улице. Попросил служителя помочь вернуться в дом. К вечеру пришёл ответ от одного из командиров, действовавших в Кульмской земле. Он подтверждал, что через владения Сандера проходил вооружённый отряд, но утверждал, что местные жители сами обещали поставить корм.

Иоганн велел проверить это заявление. В ту же ночь Габриэль отправился к людям, собиравшим сведения о состоянии дорог. Ему предстояло решить, какие перевозки действительно направлялись к противнику, а какие задерживали по подозрению. Перед выходом он остановился возле комнаты старшего брата. За дверью было тихо.

Габриэль не вошёл. Он знал, что Иоганн измучен дневными разговорами, но ещё сильнее его тревожило другое: военные распоряжения уже начали затрагивать тех, кого нельзя было просто объявить неприятелями.

Петер Краузе узнал о появлении вооружённых людей возле своего хозяйства ещё до рассвета. Его разбудил младший сын. Мальчик стоял у постели босиком, держал в руках рубашку и говорил шёпотом, словно боялся, что незнакомцы услышат его через стены.

— Отец, на дороге лошади.

Петер поднялся, надел сапоги и вышел во двор. Ночь была холодной. Над низиной лежал туман, из которого постепенно выступали тёмные очертания деревьев. Возле недавно отремонтированного мостка стояли несколько всадников. Один спешился и осматривал деревянный настил. Другой держал под уздцы двух лошадей, от которых поднимался пар. Петер подошёл ближе.

Старший отряда назвал себя служащим людей Прусского союза. Он объяснил, что отряд направляется на запад и нуждается в корме. При себе у него имелось письмо, удостоверенное печатью одного из городских представителей. Петер попросил показать документ. Тот помедлил, затем достал бумагу из кожаной сумки. Запись разрешала требовать подводы и продовольствие в установленном порядке, однако количество припасов не было указано.

Петер уточнил число лошадей и количество хлеба, которое отряд рассчитывал получить за два дня. Пока конных было восемь, но к полудню ждали остальных; сколько именно, старший не сказал. Петер невольно прикинул, насколько опустеет собственный овсяный закром, если накормить весь отряд без счёта.

Петер не стал сразу отвечать. Собственный запас овса он ещё зимой рассчитал до нового урожая. Отдать часть можно было, но тогда пришлось бы уменьшить корм рабочим лошадям, которым предстояла летняя перевозка зерна.

— Восемь лошадей накормлю, — сказал он. — На остальных понадобится отдельный расчёт.

Старший раздражённо посмотрел на него.

— У нас распоряжение.

— У меня тоже есть обязательства. Перед семьёй и людьми, работающими на земле.

Мужчина хотел возразить, но один из всадников, пожилой человек с серыми усами, остановил его. Он предложил взять корм на одну ночь и продолжить путь утром, когда удастся получить новые указания.

Петер проводил людей к хозяйственным постройкам. Он сам отмерил овёс и велел младшему сыну принести воду. Всадники разместились под навесом. Некоторые сразу принялись чистить оружие, другие легли на солому, не снимая сапог. Когда рассвело, Петер обнаружил, что одна из его лучших верёвок исчезла. Он нашёл её возле чужой лошади. Всадник использовал верёвку, чтобы закрепить повреждённую подпругу, и теперь утверждал, что взял её лишь на время.

Петер потребовал вернуть вещь.

— Неужели жалко? — спросил воин.

— Она нужна для работы.

Мужчина снял верёвку, бросил её на землю и что-то недовольно пробормотал. Петер поднял её, осмотрел и увидел, что один конец перетёрся. Верёвка была старой, но ещё прочной. Теперь её пришлось укоротить. Вернувшись к дому, он обнаружил, что жена стоит у дверей с пустым ведром.

— Из кладовой взяли хлеб, — сказала она.

Петер остановился.

— Кто?

— Двое из тех, что приехали ночью. Говорят, им разрешено.

Он прошёл к навесу. Старший отряда уже собирался в дорогу. Услышав жалобу, тот велел вернуть хлеб, но один из молодых воинов успел отрезать от каравая большую часть. Петер посмотрел на остаток, лежавший на деревянной доске.

— Я дал вам овёс. Воды не пожалел. Вы заняли мой двор, и я не потребовал платы. Но хлеб следовало попросить.

Старший отряда вынул из кошеля несколько мелких монет. Денег оказалось меньше стоимости взятого хлеба, однако Петер принял их. Он не хотел продолжать ссору перед младшим сыном, который наблюдал за происходящим из дверей конюшни. Когда всадники уехали, жена спросила, будут ли они теперь приходить постоянно.

— Не знаю.

— А если завтра явятся орденские?

Петер посмотрел на дорогу.

— Тогда и с ними придётся разговаривать.

В тот день он почти не работал в поле. Нужно было проверить запасы, убрать солому после ночлега и починить дверную петлю, которую один из всадников повредил, вводя лошадь под навес.

К вечеру подошёл сосед. Он рассказал, что на другой дороге вооружённые люди задержали двух крестьян, везших муку к мельнице. Их обвинили в намерении доставить продовольствие орденскому гарнизону. Один из задержанных приходился соседу родственником. Мужчины вместе работали на жатве несколько лет назад, и Петер хорошо знал обоих.

— Они ведь просто везли муку, — сказал сосед.

— Кому?

— Мельнику. А дальше кто знает? Может, он продал бы её людям великого магистра.

Петер выслушал его.

— Тогда и спрашивать следовало с мельника, если есть доказательства.

— Теперь так не делают. Сначала забирают мешки, потом выясняют.

Они долго разговаривали возле конюшни. Сосед опасался, что скоро никто не сможет вывезти зерно без разрешения вооружённых людей. Петер не возражал. Он уже видел, как быстро торговая дорога превратилась в место, где каждую повозку могли остановить по подозрению. Поздно вечером пришёл старый мельник. Петер удивился его появлению. Мужчина обычно не выходил из дома после заката, особенно когда дорога была размокшей.

Мельник попросил поговорить без посторонних. Они вошли в хозяйственную комнату. Жена Петера принесла светильник и оставила мужчин вдвоём. Выяснилось, что двое задержанных крестьян действительно везли муку к мельнице. Но мельник договорился продать часть товара одному из перевозчиков, который прежде доставлял припасы в орденские владения.

— Ты знал, куда повезут муку? — спросил Петер.

Мельник долго молчал.

— Знал, что покупатель служил Ордену.

— А теперь?

— Теперь не знаю, кому он служит.

Петер опустился на скамью. Мельник объяснил, что должен деньги за прошлогодний ремонт колеса. Если не продаст муку, придётся отказаться от покупки древесины и остановить работу. Его дочь недавно родила ребёнка, в доме жило слишком много людей, чтобы обходиться случайными заработками.

— Я не воюю, Петер. Я мелю зерно.

Петер посмотрел на старика. За многие годы тот привык говорить о своём хозяйстве с уверенностью. Теперь голос его звучал почти просительно.

— Ты должен был предупредить людей, чью муку собирался продать.

— Если бы предупредил, они отказались бы от перевозки.

— Значит, понимал, что рискуешь их свободой.

Мельник опустил голову. Петер не стал читать ему наставлений. Он велел утром прийти вместе с родственниками задержанных и представить все имеющиеся записи. Затем обещал обратиться к местным представителям союза и потребовать разбирательства.

Ночью Петер долго не мог уснуть. Он думал о письме Мартина, о новых дорожных караулах, о соседях, которые прежде совместно чинили мосты и собирали урожай. За последние недели каждый разговор о торговле начинался с вопроса, кому будет продано зерно. Наутро он поехал в ближайшее селение, взяв с собой мельника.

У помещения, где размещались вооружённые люди, уже собралась небольшая толпа. Среди ожидавших находились две женщины, несколько возчиков и молодой ремесленник, добивавшийся возвращения конфискованного инструмента. Петер обратился к старшему караула. Тот выслушал объяснения, но предупредил, что задержанные останутся под стражей до выяснения назначения груза.

— Мы не вправе пропускать продовольствие к неприятелю.

— Они не собирались воевать.

— С продовольствием тоже воюют.

Петер не нашёлся с немедленным ответом. Он видел, что человек говорит не из одной злобы. От поставок зависело содержание орденских гарнизонов, а значит, и безопасность городов, поддержавших восстание. Но задержанные крестьяне не были вооружёнными людьми.

Он предложил оставить муку под охраной, а самих мужчин отпустить до суда, обязав являться по первому требованию. За их присутствие Петер соглашался поручиться вместе с родственниками.

Старший караула долго совещался с помощником. Позволил отпустить одного задержанного. Второй оставался под стражей: при нём нашли письмо покупателя, содержание которого требовалось проверить.

Когда решение объявили, жена освобождённого заплакала. Её муж выглядел измученным, но стоял прямо. Он не благодарил мельника и даже не смотрел в его сторону. Петер проводил их до повозки.

— Не возите пока товар без ясного разрешения, — сказал он.

Мужчина кивнул.

— А кто даст это разрешение, если завтра здесь будет другой караул?

Петер не смог ответить. Вечером он вернулся домой. Младший сын встретил его возле ворот и сообщил, что один из жеребят повредил ногу о выступающий гвоздь. Петер сразу отправился в конюшню. Повреждение оказалось неглубоким. Он промыл рану, осторожно удалил гвоздь и велел сыну принести чистую тряпицу.

За этой работой он почувствовал некоторое облегчение. Здесь было ясно, что следует делать: остановить кровь, очистить рану, убрать опасное железо. Никакого распоряжения для этого не требовалось.

Позднее жена принесла письмо Мартина. Сын сообщал, что торговый дом пока не может отправить часть закупленного зерна. Он хотел приехать, но Маттиас просил его остаться до завершения срочных работ. Петер прочитал письмо вслух. Затем вместе с женой подсчитал, сколько зерна можно оставить для семьи и сколько понадобится для посева. Они решили не продавать весь свободный запас.

В Эльбинге Лукас Реннер получил необычное поручение в начале июня. Городские власти требовали подготовить несколько плоскодонных судов для перевозки людей, продовольствия и тяжёлых грузов. Использовать предполагалось как готовые речные лодки, так и старые корпуса, которым требовался ремонт.

Лукас занимался плотницким ремеслом много лет. Он умел укреплять перекрытия, подгонять балки и восстанавливать повреждённые деревянные сооружения. Но теперь ему пред-

стояло работать на воде, где ошибки обнаруживались быстрее и исправлять их было значительно труднее. Вместе с другими мастерами он осмотрел суда, стоявшие возле берега.

Одно оказалось пригодным почти без переделки. Другое имело повреждённый борт. Третье давно использовали для перевозки древесины, но его днище в нескольких местах прогнило. Хозяин уверял, что лодка ещё прослужит, если не нагружать её слишком сильно. Лукас велел вытащить её на берег. Когда корпус подняли, обнаружилось, что две нижние доски держатся главным образом на старой смоле и ржавых креплениях.

— На этом нельзя перевозить людей, — сказал он.

Хозяин возмутился.

Хозяин уверял, что ходил на этой лодке и прошлой осенью — возил доски и дрова. Лукас расспросил его о весе груза, но точного числа тот назвать не сумел. По следам на днище было видно: столько, сколько собирались положить теперь, лодка прежде не принимала.

Мужчина назвал примерное количество. Лукас попросил его показать места, где лежал груз, и убедился, что лодку нагружали значительно меньше, чем теперь собирались. Один из городских служащих, присутствовавших при осмотре, раздражённо заметил, что времени на обстоятельный ремонт нет.

— Под Мариенбургом ждут припасы.

Лукас опустился на колено и показал повреждённую доску.

— Если она разойдётся посреди реки, припасов не получит никто.

Служащий потребовал назвать срок ремонта.

— Пригодную древесину привезут завтра. Сначала заменим нижние доски, потом проверим швы. Раньше выпускать не стану.

Работа началась на следующий день. Лукас привёл двух помощников. Один из них был молодым плотником, недавно женившимся и ещё не привыкшим самостоятельно принимать решения. Другой служил в мастерской несколько лет и хорошо разбирался в устройстве речных судов.

Они работали с утра до вечера. Старые доски снимали осторожно, стараясь сохранить неповреждённые части корпуса. Некоторые крепления приходилось вырубать, другие удавалось извлечь клещами. Древесина была сырой, и Лукас велел подогнать новые доски так, чтобы после высыхания не появились широкие щели.

В полдень пришёл человек из городского совета. Он сообщил, что король Казимир принимает присяги прусских сословий и подтверждает обещанные права. В городе об этом уже говорили на улицах и в торговых рядах. Молодой помощник оживился.

— Значит, война скоро закончится?

Старший плотник рассмеялся.

— С чего ты взял?

— Если теперь с нами король...

Лукас остановил работу и попросил его принести новые клинья. Сам он не стал обсуждать услышанное. В последние месяцы ему не раз приходилось слушать людей, уверенных, что очередное решение окончательно изменит положение. Между тем город продолжал заказывать древесину для укреплений, а мастерские всё чаще занимались ремонтом военного имущества.

Вечером Лукас вернулся домой усталым. Сын встретил его у дверей и попросил показать маленькую лодку, которую отец обещал вырезать из куска дерева. Лукас вспомнил об обещании только теперь.

— Завтра, — сказал он.

Мальчик нахмурился.

— Ты вчера тоже сказал.

Лукас присел рядом с ним.

— Знаю. Сегодня поздно вернулся.

— А завтра опять будешь чинить большие лодки?

— Буду.

Ребёнок долго смотрел на отца, затем принёс из угла небольшую деревянную заготовку. Лукас взял её и увидел, что сын уже пытался самостоятельно придать дереву форму. Один край оказался срезан слишком глубоко, другой остался почти нетронутым.

— Кто помогал?

— Никто.

— А нож?

Мальчик показал маленький тупой нож, которым обычно пользовались для хозяйственных мелочей. Лукас отложил его.

— Без меня больше не режь. Покажу, как держать дерево, чтобы не поранить руку.

Он достал собственный инструмент и принялся осторожно исправлять заготовку. Через некоторое время в руках появилась маленькая лодка с широким днищем. Сын захотел немедленно испытать её, но мать напомнила, что наступает время ужина. Они поставили лодку на край стола. Ночью Лукас проснулся от стука в дверь.

Пришёл молодой помощник из мастерской. Он сообщил, что одно из уже подготовленных судов ночью попытались вывести на воду без разрешения плотников. Люди торопились отправить груз и не дождались окончания проверки.

При спуске корпус ударился о камень. Доска возле носовой части треснула, вода начала поступать внутрь. Лодку успели вернуть к берегу, однако несколько мешков с зерном намокли. Лукас быстро оделся и отправился к реке. Там его встретил сердитый служащий. Он требовал немедленно исправить повреждение и обвинял плотников в недостаточно прочной работе. Лукас выслушал его, затем попросил показать, кто приказал спускать судно.

Оказалось, что разрешение отдал другой служащий, не знавший о незаконченной проверке. Лукас не стал спорить о виновности. Он велел снять груз и осмотреть повреждение при свете факелов. Трещина проходила через новую доску. Её можно было заменить, но для этого требовалось вновь вытащить лодку на берег.

Пока рабочие готовили снасти, к ним подошёл один из грузчиков. Он держал мокрую шапку и выглядел напуганным. Во время неудачного спуска молодой работник оказался между бортом и причалом. Его успели оттащить, но рука была сильно повреждена. Лукас отправился к нему. Мужчина сидел под навесом, прижимая к груди предплечье. Пальцы опухли, на коже выступали ссадины.

Лекарь ещё не прибыл. Лукас осторожно осмотрел руку и приказал не пытаться самостоятельно выпрямлять повреждённые пальцы. Затем велел привести пострадавшего в сухое помещение и послать за лекарем повторно. К рассвету лодку подняли на берег.

Лукас стоял возле повреждённого корпуса, когда над Эльбингом зазвонили колокола. Город просыпался. На торговых улицах открывали лавки, из пекарен тянуло запахом свежего хлеба, возле городской стены уже собирались люди для очередных работ. Он отправил помощника домой за едой, а сам принялся размечать новую доску. К полудню пришёл городской представитель. Он сообщил, что повреждённая лодка понадобится через три дня, и спросил, можно ли ускорить ремонт.

Лукас ответил, что понадобится дополнительный мастер.

— Возьми кого-нибудь из свободных.

— Свободных почти не осталось. Одни работают на укреплениях, другие отправлены к осаждающим.

Служащий задумался. Затем предложил прислать нескольких молодых людей, не имевших опыта.

— Присылайте, — согласился Лукас. — Будут переносить дерево и готовить крепления. Но к корпусу без мастера не подпущу.

Работу продолжили. Через три дня лодку снова спустили на воду. Лукас настоял на проверке без груза. Судно держалось ровно, швы не пропускали воду. Лишь после этого он разрешил начать погрузку. Молодой помощник спросил, почему он так долго стоял на берегу, наблюдая за лодкой.

— Хотел убедиться, что всё сделано как следует.

— Ведь она уже не течёт.

— Сейчас не течёт.

Лукас поднял с земли оставшийся деревянный клин и положил в ящик с инструментом. Он знал, что через несколько дней судно могут повредить снова. Но на этот раз люди отправятся по реке на исправной лодке.

Летом в Мариенбурге всё чаще говорили о нехватке денег, хотя склады замка ещё содержали значительные запасы продовольствия и вооружения. Маттиас фон Розенберг замечал это по мелочам, прежде не привлекавшим внимания. Кузнецам задерживали плату за срочный ремонт. Конюхи просили выдать корм не по прежним нормам, а исходя из фактического числа животных. Некоторые служители соглашались получить часть содержания зерном.

С каждым новым отрядом возникал вопрос о жалованье. Люди, прибывавшие из германских земель, не были одинаковы. Среди них встречались опытные воины, привыкшие к тяжёлой службе, молодые искатели заработка, люди разорившиеся и рассчитывавшие поправить положение за счёт военного найма. Одни приходили со своим оружием и лошадьми, другие получали необходимое снаряжение после поступления на службу.

Их объединяло одно: почти все ожидали своевременной платы. В один из июльских дней Маттиаса вызвали в хозяйственное помещение, где произошла ссора между несколькими наёмниками и замковыми служащими.

Поводом стала выдача продовольствия. Старший отряда потребовал дополнительные порции мяса и хлеба, ссылаясь на тяжёлую службу у внешних укреплений. Распорядитель отказал, поскольку запасы были рассчитаны по установленной норме. Наёмники начали угрожать, что перестанут выходить на караулы.

Маттиас прибыл, когда спор уже перешёл в открытое столкновение. Один служитель лежал на полу, прижимая ладонь к разбитой губе. Возле двери стояли вооружённые люди. Их старший сердито требовал позвать кого-нибудь, кто вправе принимать решения. Маттиас попросил всех отойти от входа.

— Кто ударил служителя?

Никто не ответил. Он повторил вопрос. Старший отряда заявил, что его люди защищались после оскорбления. Служитель, сидевший на скамье, утверждал, что лишь отказался открыть кладовую без разрешения. Маттиас осмотрел повреждённую дверь. Замок был сорван, но внутри хранилище оставалось нетронутым.

— Запасы вы получите по установленному порядку, — сказал он. — Оскорбления и побои придётся разбирать отдельно.

Старший наёмников раздражённо рассмеялся.

— Мы приехали воевать, а не ходить по судам.

— Тогда исполняйте военную службу, — ответил Маттиас.

Мужчина приблизился к нему. Генрих Линде, находившийся рядом, сделал шаг вперёд, но Маттиас остановил его.

— Ваш договор предусматривает жалованье и продовольствие, — продолжил он. — Если условия не исполняются, вы вправе предъявить требование. Но силой открывать кладовые не позволено.

Старший долго смотрел на него. Отступил. Вопрос удалось временно уладить. Отряду выдали предусмотренные припасы, а спор о дополнительных порциях передали командованию. Пострадавшего служителя отправили к лекарю. Однако Маттиас понимал, что подобные слу-

чаи будут повторяться, если деньги не поступят вовремя. Когда вечером он представил сведения великому магистру, Людвиг выслушал его с раздражением, которое не пытался скрывать.

— Они требуют жалованье ещё до того, как выполнили всё порученное.

— Некоторые уже несколько недель несут службу, — заметил Маттиас.

— А кто защитит замок, если каждый начнёт выбирать, когда стоять на стене?

Маттиас не ответил сразу. Он не сомневался в праве великого магистра требовать исполнения договора, но видел и другое: люди, нанятые за деньги, не считали себя связанными той же присягой, что братья Ордена. Людвиг встал из-за стола и подошёл к окну.

За стенами замка снова слышались удары орудий. Осаждающие продолжали обстреливать отдельные участки укреплений, но серьёзного повреждения крепость пока не получила.

— Нам обещали помощь, — сказал великий магистр. — Из германских земель должны прийти новые отряды. Деньги тоже обещаны.

Маттиас осторожно напомнил о сроках. Людвиг повернулся.

— Ты предлагаешь ждать, пока неприятель укрепится окончательно?

— Нет. Я предлагаю заранее определить, чем платить людям, когда они прибудут.

Великий магистр вернулся к столу. Он долго рассматривал разложенные бумаги, затем велел подготовить новый перечень доступных доходов и обязательств. Маттиас поклонился и вышел. Во дворе его ожидал Генрих Линде.

— Служитель поправится, — сообщил он. — Лекарь говорит, что кость не повреждена.

Маттиас поблагодарил. Они направились к нижним складам. Здесь работали несколько человек, готовивших зерно к очередной выдаче. Возле двери стояла повозка с пустыми бочками. Генрих рассказал, что один из вновь прибывших воинов спрашивал дорогу на Торн.

— Зачем?

— Говорит, там живёт его сестра. Хочет узнать, можно ли передать письмо.

Маттиас остановился.

Маттиас уточнил, что речь идёт о письме в город союза. Генрих признался, что не решился сам разрешить отправку, и правильно сделал: теперь даже простое частное послание могло вызвать подозрения на заставе.

Маттиас задумался. Письма между разделёнными владениями продолжали ходить, но каждый раз возникал вопрос, какие сведения они содержат и кому их позволено передавать.

— Пусть принесёт письмо в канцелярию, — решил он. — Проверим, есть ли возможность отправить его с надёжным человеком.

Генрих кивнул. Потом неожиданно спросил:

— А в Торн от нас ещё кто-нибудь ездит? — спросил Генрих неожиданно. Маттиас ответил, что изредка через посредников; затем заметил, как тот замялся, и спросил, не осталось ли у него там вещей.

Генрих некоторое время молчал.

— Неважные. Книга, несколько инструментов. Я не смог всё взять.

Он не сказал, что оставил эти вещи на попечение Отто Беренса. После их последнего разговора ему было неловко даже вспоминать об этом. Он опасался, что товарищ сочтёт просьбу о возвращении вещей попыткой восстановить прежние отношения, словно между ними не произошло ничего существенного. Маттиас предложил составить перечень. Генрих отказался.

— Пока не нужно. Обойдусь.

Они дошли до склада. На дворе стоял тёплый вечер. Солнце освещало верхние части стен, но нижний двор уже погрузился в тень. Несколько работников сидели возле бочки с водой, отдыхая после разгрузки. Генрих направился к ним.

Маттиас вернулся в канцелярию, где его ожидали новые письма. Среди них было донесение о движении вооружённых людей к западным землям и просьба подготовить средства для содержания дополнительных отрядов. Он открыл книгу и начал считать.

В Данциге июньские королевские привилегии вызвали оживление, какого Маттиас давно не наблюдал среди городских купцов. На собраниях обсуждали подтверждение прав, расширение городских владений и доходов, новые возможности распоряжаться имуществом и сборами, прежде зависевшими от орденского управления.

Некоторые считали, что город наконец получил основания для самостоятельного хозяйственного развития. Другие предупреждали, что вместе с новыми правами придут расходы, которые пока трудно оценить. Маттиас присутствовал на одном из таких совещаний.

Ему было приятно слышать о подтверждении городских свобод. Хеннинг Брант много лет добивался законного порядка торговли, и теперь некоторые давние требования получили королевскую поддержку. Но Маттиас понимал, что ни одна грамота не доставит зерно к осаждённому городу, если на дороге стоят вооружённые люди. После заседания он вернулся на склад и обнаружил, что Мартин Краузе спорит с перевозчиком.

Один из обозов, предназначенных для отправки продовольствия, оказался недоукомплектован. Возчик сообщил, что двое работников отказались идти дальше после известия о столкновениях на дороге к Мариенбургу.

— Они нанимались перевозить товар, — объяснил Мартин. — Но теперь боятся.

Маттиас осмотрел приготовленные мешки.

— Сколько осталось людей?

— Четверо. Для такого груза мало.

— Придётся искать замену.

Мартин помедлил.

— Я могу поехать.

— Ты нужен здесь.

— Я знаю записи и покупателей. Если груз задержат, смогу представить документы. Кроме того, хочу увидеть, что происходит на дороге. Мы всё время получаем разные рассказы.

Маттиас Он задумался. Он видел, что молодой человек уже давно перестал быть простым помощником. Мартин научился проверять договоры, вести расчёты и разговаривать с перевозчиками. Но дорога через военные земли требовала другого опыта.

— Поедешь только с отрядом, который имеет надлежащий пропуск, — сказал он. — И не станешь вмешиваться в распоряжения вооружённых людей.

Мартин согласился. Подготовка заняла два дня. Вместо большой повозки часть груза переложили на речное судно. Другую часть оставили на складе до получения новых сведений о переправах. Маттиас лично проверил перечень товаров. Среди них были зерно, сушёная рыба, соль, железные принадлежности и небольшое количество ткани. Перед отправлением он отвёл Мартина в сторону.

— Если увидишь, что дорога закрыта, возвращайся. Не пытайся пробиваться только потому, что товар уже погружен.

— Понимаю.

— И не обещай никому дополнительных денег от имени торгового дома.

Мартин улыбнулся.

— Ты говоришь как Хеннинг.

— Он не зря так говорил.

Путешествие началось спокойно. Сначала судно шло по знакомой воде, мимо берегов, где крестьяне работали на полях, а возле небольших пристаней дети наблюдали за проходящими лодками. Но чем ближе становились районы, занятые вооружёнными людьми, тем чаще приходилось останавливаться.

На одной из пристаней Мартин увидел два сожжённых сарая. Рядом стоял старик, складывавший обугленные доски. Он рассказал, что несколько дней назад здесь произошла стычка между людьми союза и орденским отрядом. Кто поджёг постройки, установить не удалось.

Одни утверждали, что это сделали отступавшие, другие обвиняли пришедших следом. Мартин хотел расспросить подробнее, но старик не пожелал продолжать разговор.

— У меня крыша сгорела, — сказал он. — От того, кто виноват, она обратно не появится.

На следующей стоянке Мартин обнаружил, что один мешок зерна повреждён. Его задели железным крюком при перегрузке. Часть зерна высыпалась на дно лодки. Он вместе с работниками собрал пригодное, отделил намокшее и велел зашить мешок. Работа заняла почти час. Капитан недовольно торопил людей.

— Скоро закроют переправу.

Мартин не стал спорить. Он понимал, что задержка опасна, но оставлять зерно на сыром дне тоже не собирался. Когда судно наконец подошло к очередному посту, там уже собралась небольшая очередь. Несколько лодок ожидали проверки. На берегу стояли вооружённые люди. Один из них держал список судов, пропускаемых к местам разгрузки. Мартин предъявил документы.

Стражник внимательно просмотрел их и потребовал открыть часть груза. Проверка продолжалась долго. Затем возник вопрос о железных принадлежностях: их можно было использовать как для ремонта хозяйственных построек, так и для укреплений. Мартин объяснил назначение товара и показал соответствующую запись. Старший караула согласился пропустить судно, но велел оставить копию перечня.

Пока писарь готовил выписку, Мартин заметил возле поста молодого человека с перевязанной головой. Тот сидел на земле, прислонившись к дереву, и держал в руках небольшой мешок. Мартин спросил, что с ним случилось.

— Был под замком, — ответил раненый.

— Под Мариенбургом?

Мужчина кивнул. Он служил при одном из отрядов осаждающих. Несколько дней назад их отправили укреплять земляные сооружения. Во время внезапного столкновения он получил удар по голове. Теперь его собирались отправить обратно в город, где находились родственники.

— Далеко ехать?

— До Эльбинга.

Мартин посмотрел на лодку. Места в ней оставалось немного, но одного человека можно было разместить возле кормы. Он подошёл к капитану и спросил, нельзя ли взять раненого до ближайшей удобной переправы. Капитан возразил, что судно торговое и не предназначено для перевозки больных.

— Он не сможет идти пешком, — сказал Мартин.

— А если умрёт у нас?

Мартин не ответил сразу. Раненый всё ещё сидел у дерева. Возле него лежал мешок, в котором, вероятно, находилось всё его имущество.

— Тогда доставим туда, где его смогут похоронить, — произнёс Мартин.

Капитан недовольно махнул рукой, но согласился. Мартин помог мужчине подняться. Тот оказался слабее, чем выглядел. Пришлось поддерживать его под руку, пока он осторожно переступал через борт.

В дороге раненый почти не разговаривал. Он лежал на сложенной ткани и время от времени просил воды. Мартин несколько раз менял ему повязку, стараясь не потревожить рану. Когда они достигли места, откуда можно было отправить больного дальше, капитан велел остановиться. Мартин передал раненого людям, занимавшимся перевозкой больных. Перед уходом мужчина с трудом поднял голову.

— Ты из Данцига?

— Да.

— У меня там был брат. Работал на пристани.

Он назвал имя, но Мартин его не знал.

— Если встретишь...

Раненый замолчал. Ему стало тяжело говорить. Мартин попросил повторить адрес. Мужчина назвал улицу и дом, затем закрыл глаза. На обратной дороге Мартин долго думал об этой встрече. Он не знал, выживет ли раненый. Не знал и того, сможет ли найти его брата среди множества людей, работавших в Данцигской гавани. Но записал имя и адрес на отдельной бумаге, чтобы не забыть.

Когда он вернулся, Маттиас встретил его у конторы.

— Груз доставлен?

— Да.

— Серьёзные затруднения были?

Мартин рассказал о проверках, повреждённом мешке, задержках на переправах и раненом. Маттиас выслушал внимательно.

— Деньги не потеряли?

— Нет. Но перевозка обошлась дороже.

Они вместе проверили расходы. Затем Мартин достал бумагу с именем раненого и рассказал о просьбе разыскать его брата. Маттиас прочитал запись.

— Завтра отправим человека.

Мартин кивнул. Он хотел ещё что-то сказать, но не нашёл подходящих слов. Вместо этого попросил разрешения написать отцу и сообщить, что вернулся благополучно. Маттиас согласился.

В тот вечер Мартин долго сидел над письмом. Он рассказывал о дороге, о товарах, о состоянии переправ. Сначала собирался упомянуть раненого, затем передумал. Отец и без того тревожился, и Мартин не хотел прибавлять к его заботам чужую беду. Закончив письмо, он вышел во двор.

У склада стояла пустая повозка. Один из работников проверял колесо, другой выметал остатки зерна из кузова. Работа шла как обычно, и Мартин невольно почувствовал благодарность за знакомый порядок. На следующий день ему снова предстояло заниматься счетами.

В августе известие о взятии Штума пришло в Эльбинг вместе с людьми, возвращавшимися из осадного лагеря. Восемь месяцев городские и союзные отряды занимались укреплениями, перевозками и обеспечением гарнизонов, и теперь одно из важных укреплений, удерживавшихся Орденом, капитулировало после продолжительной осады. На улицах начали говорить о победе.

У городского дома собрались жители. Некоторые радовались, считая, что успех позволит приблизиться к Мариенбургу с новыми силами. Другие расспрашивали о своих родственниках, служивших при осаждающих. Людей интересовали имена погибших, состояние раненых и то, когда отряды вернутся домой. Лукас Реннер услышал известие в мастерской. Один из помощников прибежал с улицы и объявил, что Штум сдался.

Работники отложили инструменты. Несколько человек начали обсуждать, сколько времени понадобится теперь для взятия Мариенбурга. Лукас не участвовал в разговоре. Он продолжал осматривать деревянную раму, предназначенную для укрепления лодочного борта. Через некоторое время молодой помощник спросил:

— Разве это не хорошая новость?

— Хорошая, — ответил Лукас.

— Тогда почему ты молчишь?

Лукас отложил инструмент.

— Я думаю о том, сколько новых лодок теперь потребуют.

Молодой человек рассмеялся, но вскоре понял, что мастер говорит серьёзно. Действительно, ещё до вечера пришло распоряжение подготовить дополнительные перевозочные сред-

ства. После падения Штума часть вооружённых людей собирались направить к Мариенбургу, а значит, вновь требовались продовольствие, инструмент, древесина и средства для ремонта дорог. Лукас отправился к городскому служащему, чтобы выяснить объём работ.

Там он встретил женщину, ожидавшую известий о муже. Тот служил при осаждающих Штум и не возвращался домой несколько месяцев. Ей сказали, что войско одержало победу, но имени мужа среди прибывших она не нашла. Служащий предложил ей прийти на следующий день, когда доставят полные списки. Женщина стояла у двери, не двигаясь.

— А если его там нет?

Служащий не сразу понял вопрос.

— В каком смысле?

— Если он не вернётся.

Мужчина осторожно объяснил, что пока не располагает сведениями о судьбе всех участвовавших в осаде. Лукас подошёл к женщине и предложил проводить её домой. Она отказалась, однако попросила его помочь прочитать короткую записку, которую передали с одним из посланников. В записке сообщалось, что её муж ранен, но находится при людях, отправляемых в Эльбинг.

Лукас прочитал сообщение дважды. Женщина попросила уточнить, говорится ли там о тяжёлой ране. Такого указания не было. Она выдохнула, прижала бумагу к груди и впервые за всё время улыбнулась.

— Значит, жив.

Лукас подтвердил. Он проводил её до улицы и вернулся к своим делам. В мастерской помощники уже начали готовить новые доски. Лукас распределил работу, затем отправился домой за инструментом.

Сын встретил его с деревянной лодкой в руках. Мальчик успел покрасить её остатками краски, найденной у соседнего мастера. Один борт получился темнее другого, зато лодка теперь выглядела почти настоящей.

— Она плавает, — сообщил ребёнок.

Лукас попросил показать. Они вышли во двор, где стояла бочка с водой. Мальчик осторожно опустил лодку. Та покачалась, затем выровнялась. Лукас наблюдал за ней.

— Хорошо держится.

Ребёнок радостно толкнул лодку пальцем. Она пересекла бочку и ударилась о противоположную стенку.

— А можно сделать парус?

— Можно.

Лукас обещал принести вечером маленький кусок ткани.

В Мариенбурге известие о потере Штума встретили иначе. Маттиас фон Розенберг узнал о капитуляции из донесения, доставленного в замок. Документ содержал сведения о сдаче укрепления и перемещении неприятельских сил. Он передал его великому магистру вместе с перечнем доступных припасов. Людвиг фон Эрлихсхаузен прочитал сообщение молча.

Штум находился недалеко от Мариенбурга. Его потеря изменяла положение окружающих дорог и позволяла осаждающим сосредоточить больше сил против главной орденской крепости. Великий магистр приказал усилить наблюдение за подступами и проверить состояние ближайших укреплений. Когда Маттиас вышел, во дворе уже готовили людей к дополнительным караулам. Генрих Линде помогал распределять продовольствие между постами.

Он заметил Маттиаса и подошёл.

— Правда, что Штум сдался?

— Правда.

Генрих некоторое время молчал.

— Значит, их станет больше под нашими стенами.

Маттиас подтвердил.

— А помощь?

— Ожидают.

Генрих посмотрел в сторону западных ворот.

— Всё время ожидают.

Маттиас не стал отвечать. В тот же день Генрих получил письмо из Торна. Его доставили через посредников вместе с несколькими хозяйственными сообщениями. Письмо было коротким, без украшений. Отто Беренс сообщал, что оставленные Генрихом инструменты и книга находятся в сохранности. Он также писал, что городская канцелярия продолжает разбирать вопрос о невыплаченном жалованье прежних замковых служащих.

Генрих прочитал письмо дважды. В нём не было ни осуждения, ни просьбы вернуться. Отто просто сообщал о вещах, которые обещал сохранить. Генрих долго держал бумагу в руках. Достал свою старую служебную грамоту и положил письмо рядом. Вечером он ответил.

Поблагодарил за сохранённые вещи, попросил не отправлять их без надёжного человека и сообщил, что пока остаётся при Мариенбургском замке. О жалованье написал лишь несколько слов: если город признает прежний долг, он не откажется от заработанного, но не намерен обращаться за милостью к новому управлению. Он хотел прибавить, что рад известию от старого товарища, однако долго не решался написать это прямо.

Наконец вывел отдельную строку: «Передай жене и детям мой привет. Надеюсь, они здоровы». Генрих перечитал письмо, высушил чернила и сложил бумагу. На следующий день он передал её Маттиасу.

— Если найдётся человек, который поедет в Торн...

— Постараемся.

Маттиас взял письмо. Генрих уже собирался уходить, когда остановился.

— Он написал первым.

— Хорошо.

Генрих кивнул и отправился к складам.

К концу августа на западных дорогах всё чаще встречались вооружённые люди. Одни двигались к Хойнице, другие направлялись оттуда к польским землям. Через Новую Марку поступали известия о приближении новых орденских сил, набранных в германских и чешских землях. В польском королевстве готовили ополчение, призванное остановить их и поддержать прусские города.

В Данциге Маттиас получил распоряжение подготовить партию продовольствия для людей, действовавших на западном направлении. Мартин Краузе предложил сопровождать груз. На этот раз Маттиас не возражал, но потребовал особенно тщательно проверить документы. Военные отряды перемещались быстро, и товар мог оказаться не там, где его первоначально собирались принять.

Мартин провёл несколько дней за подготовкой. Нужно было договориться о подводах, закупить дополнительный корм для лошадей, проверить состояние колёс и уточнить места возможных остановок. В одном из дворов он встретил возчика, недавно вернувшегося с запада.

Тот рассказал, что возле Хойнице дороги уже контролируют орденские вооружённые люди. В окрестных селениях размещаются отряды, прибывающие из германских земель. Некоторые жители помогают гарнизону, другие стараются не вмешиваться и укрывают имущество.

— А город? — спросил Мартин.

— Стоит. Стены крепкие.

Возчик рассказал о тяжёлых воротах, о караулах и о том, что подойти к укреплениям незаметно почти невозможно. Затем добавил, что среди городских жителей тоже нет согласия. Одни приветствуют возвращение власти Ордена, другие опасаются расправы за участие в вос-

стании. Мартин слушал внимательно. Он никогда прежде не бывал в Хойнице. Теперь ему предстояло ехать в земли, где война уже изменяла привычный порядок жизни.

Перед отправлением он написал отцу. Сообщил, что направляется с торговым грузом на запад, но не собирается приближаться к неприятельским укреплениям. Попросил передать привет матери и младшему брату. Затем добавил несколько строк о состоянии торгового дома и о том, что Маттиас продолжает вести дела покойного Хеннинга Бранта с прежней тщательностью.

Письмо он передал надёжному перевозчику. На рассвете обоз вышел из Данцига. Сначала дорога проходила через земли, где ещё сохранялось обычное движение. Крестьяне работали в полях, на небольших рынках продавали овощи, возле трактиров стояли повозки. Но уже через несколько дней появились первые серьёзные задержки.

На одной переправе пришлось ожидать, пока вооружённые люди проверят движение в обе стороны. На другой возчики узнали, что впереди обнаружен орденский разъезд, и решили остановиться до получения новых сведений. Мартин не пытался торопить их. Он помнил наставление Маттиаса и понимал, что потерянный день обойдётся дешевле потерянного обоза.

Вечером на стоянку пришёл молодой мужчина с повреждённой рукой. Он просил воды и немного хлеба. По его словам, несколько дней назад служил при одном из отрядов, но после ранения отстал от своих. Мартин приказал накормить его. Раненый ел жадно, почти не поднимая глаз. Закончив, он спросил, куда направляется обоз.

— На запад.

— К Хойнице?

— В ту сторону.

Мужчина покачал головой.

— Там собираются большие силы.

— Чьи?

— Разные. Королевские, городские, наёмные. И со стороны Ордена идут новые люди.

Мартин спросил, видел ли он их собственными глазами. Раненый признался, что слышал об этом от других. Мартин не стал продолжать расспросы. Он уже привык к тому, что на военных дорогах слухи нередко опережают подлинные известия. Ночью обоз остановился возле небольшой деревни.

Хозяин двора согласился принять людей, но отказался размещать их в доме. Он объяснил, что несколько дней назад здесь ночевали вооружённые люди, после ухода которых пропали две курицы и часть инструментов.

— Не знаю, кто вы, — сказал он. — И знать не хочу. Лошадей поставьте под навесом. Люди пусть спят возле повозок.

Мартин согласился. Утром хозяин вышел из дома и обнаружил, что один из возчиков помогает его сыну исправить повреждённую ось тележки. Мужчина некоторое время наблюдал за работой, затем принёс ведро воды и предложил людям позавтракать. Мартин поблагодарил его. Когда обоз собирался в дорогу, хозяин спросил, кто теперь управляет землями, через которые они едут.

— Где-то люди союза. Где-то ещё Орден, — ответил Мартин.

— А мой двор кому принадлежит?

Мартин посмотрел на старика. Тот не улыбался.

— Вам, если он ваш по праву.

Хозяин покачал головой.

— Я это и раньше знал.

Он вернулся в дом, а Мартин велел возчикам готовить лошадей.

В первых числах сентября король Казимир Ягеллончик находился среди людей, занятых подготовкой похода против орденских сил. Ему докладывали о движении войска, о запасах

продовольствия и о состоянии дорог. Из Пруссии поступали сведения о положении городов и гарнизонов. Король рассчитывал соединить силы польского рыцарства с прусскими отрядами и нанятыми воинами. Но подготовка оказалась труднее, чем предполагалось.

Часть шляхты прибыла со своими людьми и обозами. Другие ещё только собирались в дорогу. Некоторые требовали предварительно решить вопросы, касавшиеся прав и обязанностей участников ополчения. Командиры спорили о распределении мест в походном строю, о порядке снабжения и о том, кому следует поручить отдельные отряды. Казимир выслушивал эти сообщения с растущим нетерпением.

Он был молод, но уже успел столкнуться с сопротивлением людей, чьё участие требовалось для осуществления королевских решений. В Пруссии ему приходилось учитывать права городов и рыцарства, добившихся подтверждения своих свобод. В польских землях собственные сословия также не желали отказываться от привычного порядка. На одном из совещаний Миколай Шарлейский представил сведения о положении под Хойнице.

Город продолжал удерживаться противником. Его положение позволяло контролировать важную дорогу, по которой Орден получал помощь с запада. Пока гарнизон оставался на месте, движение королевских войск к прусским землям было затруднено. Шарлейский предложил сосредоточить силы и не допустить соединения отдельных неприятельских отрядов. Один из сановников возразил, что прежде необходимо дождаться прибытия всех призванных людей.

Король спросил, сколько времени это займёт. Точного ответа не последовало. После совещания Казимир остался с несколькими приближёнными. Он подошёл к карте и внимательно рассмотрел дороги, ведущие к Хойнице.

Его беспокоила не только крепость. Вокруг неё собирались люди, имевшие различный военный опыт. Среди королевских сил находилось много рыцарей, привыкших к конному бою, но мало знакомых с продолжительными осадами. Орден же всё заметнее опирался на наёмных воинов, среди которых были люди, прошедшие не одну войну. Казимир понимал, что простого численного превосходства может оказаться недостаточно.

Он потребовал ещё раз проверить сведения о неприятельских силах, состоянии дорог и возможностях снабжения. Когда советники ушли, король долго стоял возле окна. Во дворе готовили лошадей. Служители переносили вооружение, проверяли ремни и седельные принадлежности. Несколько молодых дворян смеялись, обсуждая предстоящий поход. Один пытался показать товарищам новый меч, другой хвастался силой коня.

Казимир наблюдал за ними. Ему предстояло вести этих людей против армии, прибывавшей на помощь великому магистру.

Мартин Краузе увидел Хойнице издалека. Сначала над полями показались башни, затем стали различимы городские стены. Дорога проходила через местность, где низкие участки чередовались с возвышенностями. Возле некоторых дорог стояли вооружённые посты. На дальних холмах виднелись дымки костров. Обоз остановился в стороне от основного движения.

Старший сопровождавших сообщил, что дальше двигаться пока нельзя. Нужно было установить, где находятся ближайшие дружественные отряды и каким путём лучше доставить груз. Мартин не стал возражать. Он поднялся на небольшую возвышенность и посмотрел в сторону города.

Стены Хойнице казались прочными. Над ними поднимались крыши домов, а возле ворот можно было различить движение людей. Издали город выглядел почти мирным. Только вооружённые посты и обозы, медленно двигавшиеся по дорогам, выдавали необычное положение. Рядом остановился пожилой возчик.

— Раньше здесь торговали хлебом, — сказал он.

Мартин повернулся.

— И теперь торгуют.

— Теперь сначала спрашивают, кому продашь.

Они некоторое время стояли молча. Внизу на дороге появилась небольшая группа всадников. Люди ехали быстро, поднимая пыль. Один из них свернул к обозу и спросил старшего, откуда прибыл груз. Мартин спустился с возвышенности и предъявил документы. Всадник просмотрел их, затем сообщил, что продовольствие потребуется доставить к месту сбора прусских отрядов. Он предложил выделить проводника.

Мартин согласился, но попросил прежде определить безопасную стоянку на ночь. Всадник указал на небольшую деревню за ближайшей рощей. Обоз тронулся. Когда они подъехали к деревне, Мартин заметил возле одного из домов мужчину, чинившего колесо. Рядом стояла женщина с ребёнком. На дворе лежали несколько мешков, прикрытых старым полотнищем. Хозяин смотрел на проходящие повозки настороженно.

Мартин остановился и спросил, нельзя ли купить немного сена. Мужчина ответил, что сена почти не осталось.

— Всё забрали.

— Кто?

— Сначала одни. Потом другие.

Он показал на пустой сарай. Мартин предложил заплатить за небольшое количество корма, если хозяин всё-таки сможет его выделить. Мужчина долго размышлял. Согласился продать одну охапку, но предупредил, что больше ничего дать не сможет. Мартин расплатился и попросил позволения напоить лошадей. Пока возчики носили воду, женщина вышла из дома и спросила, далеко ли до Данцига.

Мартин назвал примерное расстояние по дороге.

— Там спокойно?

— Спокойнее, чем здесь.

Женщина посмотрела на ребёнка.

— У меня там сестра. Говорит, можно приехать.

Мартин спросил, есть ли у неё повозка.

— Нет.

Он подумал, затем объяснил, что обоз вскоре отправится обратно, но решение о перевозке посторонних людей должен принять старший сопровождавших. Женщина поблагодарила и вернулась в дом. Мартин направился к возчикам.

Вечером он договорился, что на обратном пути смогут взять женщину с ребёнком, если она решит уехать и подготовит необходимые вещи. Для перевозки предстояло освободить часть повозки. Когда работа закончилась, Мартин сел возле костра.

Рядом отдыхали сопровождавшие обоз вооружённые люди. Они говорили о прибытии новых отрядов, о состоянии дорог, о возможных распоряжениях командования. Один рассказывал, что видел людей, пришедших из германских земель. Другой утверждал, что королевское войско значительно превосходит неприятеля. Мартин слушал, не вмешиваясь.

Он вспомнил склад Хеннинга Бранта, отцовский двор и мосток, который Петер вместе с соседями чинил каждую весну. Ему хотелось написать домой, но письма теперь отправляли только с надёжными людьми, а ближайший посыльный должен был выехать утром. Мартин достал из сумки маленький кусок бумаги и начал письмо.

Он сообщил, что прибыл благополучно, что груз находится под охраной и что вокруг Хойнице собираются большие силы. Остановился, прислушиваясь к разговору возле костра. Один из воинов рассказывал о брате, который служил у великого магистра.

— Он прислал письмо из Мариенбурга, — говорил мужчина. — Просит мать переехать к нему. А она не хочет. Говорит, пока дом стоит, останется.

Другой спросил, не боится ли он встретить брата в бою. Мужчина долго не отвечал.

— Если увижу, постараюсь не поднимать на него оружие.

— А если он поднимет?

Воин бросил в костёр сухую ветку.

— Не знаю.

Мартин не стал дописывать письмо. У костров спорили о братьях, оказавшихся по разные стороны войны, а за деревней темнели поля, с которых крестьяне ещё недавно без помех увозили урожай. Он сложил лист так, чтобы незаконченные строки оказались внутри, и убрал в сумку. Под утро его разбудили приглушённые голоса у повозок.

Через деревню проходили всадники, придерживая коней под уздцы, чтобы не разбудить спящих. Один поговорил с караульным; вскоре возчиков начали поднимать. Обозу предстояло переместиться ближе к прусским отрядам, и Мартин, ещё не остывший после короткого сна, пошёл проверять упряжь.

У первой повозки ослаб ремень, удерживавший задний борт. Мартин затянул его сам: под пальцами грубая кожа была влажной от росы. Работники проверили колёса и молча вернулись к лошадям. Никто не спрашивал, когда закончится ожидание; оставалось слушать дорогу и следить за грузом.

Мартин отошёл к краю деревни. На востоке небо постепенно светлело. За полями виднелись очертания Хойнице. В городских стенах ещё не было заметно движения, но над несколькими башнями уже поднимался дым. С соседней дороги доносились звуки приближавшегося обоза. Колёса тяжело катились по неровной земле, лошади фыркали, возчики перекликались в темноте.

Мартин вернулся к своим людям. Один из них протянул ему кусок хлеба. Он взял хлеб, отломил половину и передал молодому возчику, который с вечера почти ничего не ел. Тот поблагодарил.

Вскоре пришёл проводник. Он объяснил, что обоз следует переместить ближе к месту размещения прусских отрядов. Мартин проверил документы и велел готовить лошадей. Повозки медленно выехали из деревни.

Позади оставались дома с ещё тёмными окнами, впереди — лагерь, которому требовались хлеб, соль, железо и древесина. Мартин шёл возле первой лошади, чувствуя, как она устала от стоянок и переходов. Он знал цену каждому мешку, но после разговора у костра всё настойчивее думал о людях, которым предстояло принять этот груз и снова уйти навстречу друг другу с оружием.

На одном из поворотов она остановилась перед глубокой колеёй. Возчик потянул повод, но животное не двигалось. Мартин подошёл, осмотрел дорогу и попросил двоих работников подложить несколько досок. Лошадь осторожно ступила на настил. Повозка качнулась, затем колёса медленно преодолели повреждённое место. Люди убрали доски и перенесли их к следующему возу.

Пока через колею провели последний воз, рассвело. По дороге шли всадники, пехотинцы с оружием, люди с запасными конями и сложенными палатками. Мартин поправил ремень сумки, где лежали расписки, и двинулся дальше: груз следовало доставить, но рядом с ним ехали люди, за которых никакая расписка не могла поручиться.

На дороге к Хойнице люди продолжали прибывать с разных сторон.

Глава 34. Хойнице

Сентябрь 1454 года.

За день до сражения Мартин Краузе заметил под повозкой тёмное пятно. Из бочки с солониной сочился рассол: рассохшийся шов уже пропускал жидкость, и к утру мясо могло испортиться. Мартин велел снять бочку. Пока люди подводили тележку под тяжёлый груз, за изгородью снова загремели копыта; королевское войско заполнило все дороги вокруг деревни.

Под навесом сняли верхний обруч, подбили клинья и начали стягивать доски. Солёная жидкость разъедала царапины на руках, и рабочие то и дело вытирали ладони о грубую ткань. Мартин помогал держать бочку: стоило ослабить хватку, как она норовила покатиться к стене.

С улицы доносились команды, ругань возчиков, скрип ободьев и короткие окрики испуганным лошадям.

Когда обруч наконец сел на место, Мартин провёл пальцами вдоль шва. Сухое дерево уже перестало сочиться, однако бочку оставили под навесом: от нового толчка всё могло начаться сначала. Он вымыл руки, но соль продолжала щипать трещины возле ногтей. Тревожило его не мясо — к завтрашнему дню войско могло потребовать груз в любой час, а никто так и не сообщил, где именно его примут.

Пока они возились с бочкой, мимо двора непрерывно проходили вооружённые люди. Одни двигались пешком, другие ехали верхом, третьи сопровождали телеги с оружием и продовольствием. Изредка появлялись небольшие отряды, впереди которых несли хоругви. Всадники старались держаться вместе, но на узкой дороге строй постоянно нарушался. Пехотинцам приходилось уступать место повозкам, а возчики ругались, когда чужие лошади цепляли упряжь.

Деревня, где остановился Мартин, находилась неподалёку от расположения королевских войск. Ещё несколько дней назад местные жители продолжали обычные осенние работы, хотя и присматривались к дорогам с опаской. Теперь деревенские дворы заполнились чужими людьми. У колодца выстраивалась очередь, в сараях размещали лошадей, а вокруг домов появилось столько костров, что по вечерам дым застилал улицу.

Хозяин двора, у которого Мартин покупал сено, с утра пытался перевезти на гумно последние снопы. Ему помогали жена и старший сын. Младший, мальчик лет семи, бегал между повозками, разглядывая вооружение и цветные полотнища на копьях. Отец несколько раз прогонял его со двора, но ребёнок возвращался, едва взрослые отворачивались. Мартин заметил, что мужчина всё чаще смотрит в сторону поля.

— Не успеваете убрать хлеб?

— Убрал бы, если бы дорогу не заняли, — ответил хозяин. — С утра ни одной повозки спокойно не провести.

Он вытер лоб рукавом и показал на небольшую тележку, стоявшую возле изгороди. Одно колесо было снято. Ступица треснула, и хозяин пытался укрепить её железной полосой. Мартин предложил воспользоваться инструментами обоза.

Они вместе подогнали повреждённую часть. Работа заняла около часа. Мужчина благодарил неловко, словно опасался, что чужой купеческий служащий потребует за помощь больше, чем стоило само колесо. Когда тележку наконец поставили на землю, хозяин спросил:

— Вы завтра уедете? — спросил хозяин, всё ещё держась за починенную оглоблю.

— Если войсковые люди примут груз. Сами мы здесь лишний день не останемся.

Мартин перевёл взгляд на дорогу, занятую чужими повозками. Хозяину не пришлось повторять второй вопрос: когда уйдёт войско, не знал никто.

Хозяин ничего не ответил. Он взялся за оглоблю и покатил тележку к полю. К вечеру Мартин отправился к людям, ведавшим приёмом продовольствия. Ему необходимо было получить письменное подтверждение, что груз доставлен, и договориться о возвращении пустых повозок. Без такого подтверждения Маттиас не смог бы предъявить расходы городским властям и заказчикам.

Временная канцелярия помещалась в большом доме, возле которого стояли две вооружённые стражи. Внутри было душно. Стол покрывали бумаги, на скамьях сидели посыльные, ожидавшие распоряжений. У дальней стены несколько писарей составляли списки поступивших припасов. Мартин предъявил документы.

Писарь внимательно изучил их, затем сообщил, что зерно и солонину примут на следующий день. Сейчас ответственные служащие заняты распределением новых поставок, а места в ближайших хранилищах недостаточно.

— Но нам велели доставить груз сегодня, — возразил Мартин.

— Вы его доставили. Теперь ожидайте.

— Людям нужно платить за простой.

Писарь поднял глаза.

— Я это понимаю.

Он говорил устало, без раздражения. На столе перед ним лежало столько распоряжений, что крайние листы свисали почти до пола. Мартин попросил хотя бы удостоверить прибытие обоза. После недолгих переговоров писарь согласился составить отдельную запись. Пока он работал, в комнату вошёл вооружённый дворянин и потребовал немедленно выдать распоряжение о предоставлении дополнительных подвод.

— Для какой хоругви? — спросил старший служащий.

Мужчина назвал своего воеводу.

— У нас нет свободных повозок.

— Тогда возьмите у купцов.

Мартин поднял голову. Служащий указал на него.

— Вот купеческий представитель. Он доставил продовольствие и ожидает разгрузки. Его повозки заняты.

Дворянин оглядел Мартина.

Дворянин выяснил, что у Мартина пять подвод, и объявил: после разгрузки они останутся при войске. Мартин возразил, что возчики наняты для возвращения в Данциг, но тот отмахнулся — вернутся позднее. На дороге это «позднее» могло означать и завтрашний день, и конец похода.

Мартин почувствовал, как начинает раздражаться.

— Возчики наняты на определённый срок. Лошади принадлежат разным хозяевам. Я не могу отдать их без нового договора.

Дворянин хотел возразить, но старший служащий вмешался. Он объяснил, что вопрос о привлечении купеческих подвод должен решаться отдельным распоряжением и что теперь важнее не задерживать уже доставленное продовольствие. Мартин получил необходимую запись и вышел.

На улице было прохладно. Над крышами домов виднелось красноватое вечернее небо. В стороне Хойнице поднимались слабые дымки, а по дороге продолжали двигаться последние обозы. Мартин вернулся к своим людям и распорядился приготовить ужин.

Ели возле повозок. Варили похлёбку из крупы, добавив немного сушёного мяса. Возчики сидели на перевёрнутых ящиках, разговаривали о дороге, о цене овса и о том, сколько времени придётся провести возле войска.

Старший из них, Матей, считал, что возвращаться нужно немедленно после разгрузки. Молодой Якуб, напротив, хотел дождаться исхода предстоящего сражения. Он уверял, что королевское войско превосходит орденское и потому дело закончится быстро.

— Ты видел неприятеля? — спросил Матей.

— Видел наших. Их столько, что дорога не вмещает.

— Я спрашивал о неприятеле.

Якуб пожал плечами. Матей продолжал есть. Они молчали. Молодой возчик спросил, почему старший не верит в победу.

— Верить можно во что угодно, — ответил Матей. — А лошадей всё равно надо кормить.

Мартин невольно улыбнулся. Он знал, что Матей не трус. Тот много раз ездил по опасным дорогам, однажды сумел вывести обоз из весеннего разлива и никогда не бросал повреждённую повозку, если её ещё можно было починить. Но к людям, уверенно рассуждавшим о военных успехах, относился с недоверием. Позднее Мартин отправился к дому, где жила женщина с ребёнком, просившая в предыдущие дни помочь ей добраться до Данцига.

Её звали Маргарета. Она встретила его настороженно. Услышав, что обоз пока остаётся в деревне, заметно встревожилась.

— Вы обещали взять нас обратно.

— Обещал. Но груз ещё не приняли.

— А если завтра начнут сражаться?

Мартин посмотрел на мальчика, стоявшего за материнской юбкой.

— Тогда будем искать возможность уехать, не дожидаясь разгрузки.

Маргарета пригласила его войти. В небольшой комнате было чисто, хотя почти вся мебель принадлежала хозяевам дома. На скамье лежали два узла. Рядом стояла корзина с хлебом и яблоками.

— Это всё, что возьмёте? — спросил Мартин.

— Остальное оставим.

Он заметил на стене деревянную полку. На ней стояли глиняная чашка, небольшой кувшин и связка засушенных трав. Женщина проследила за его взглядом.

— Здесь жили родители мужа. Он родился в этом доме.

— Где ваш муж?

Маргарета опустила глаза.

— Ушёл весной с людьми, которые отправились под Хойнице. Сначала говорил, что будет возить припасы. Потом его взяли в вооружённый отряд.

— Известия есть?

Она покачала головой. Мартин не стал расспрашивать дальше. Мальчик подошёл ближе и показал ему небольшую деревянную лошадку. У игрушки не хватало одного уха, зато ноги были аккуратно вырезаны, а на спине виднелись следы красной краски.

— Отец сделал, — сообщил ребёнок.

Мартин взял игрушку, осмотрел и вернул.

— Хорошая лошадь.

Мальчик улыбнулся. Перед уходом Мартин попросил Маргарету держать вещи собранными. Если положение изменится, времени на подготовку может не оказаться. Вернувшись к повозкам, он ещё раз проверил упряжь.

За деревней наступила темнота. В королевском лагере один за другим зажигались костры. Вдалеке слышались лошадиное ржание, голоса караульных и редкие удары молотков. Мартин лёг под полотняным навесом, но долго не мог уснуть. Его беспокоила не только судьба груза. Он всё чаще думал о том, как легко чужое распоряжение могло изменить жизнь человека, который всего лишь собирался доставить товар и вернуться домой.

В конце концов он поднялся, достал письмо отца и перечитал его при слабом свете лампы. Петер сообщал, что на хозяйстве начали осенние работы. Погода пока благоприятствовала, но людей не хватало. Один сосед ушёл в городской отряд, другой потерял лошадь, реквизированную для перевозки припасов. Младший сын помогал по мере сил, однако тяжёлую работу приходилось выполнять самому Петеру.

Мартин сложил письмо. Он представил отца возле старой телеги, мать, хлопотавшую у печи, младшего брата, которому ещё недавно обещал привезти из Данцига новый нож для хозяйственных работ. Потом погасил лампу. До рассвета оставалось несколько часов.

Пятнадцатого сентября в Цереквице король Казимир Ягеллончик уступил требованиям великопольского рыцарства. Решение далось нелегко. Собравшееся ополчение требовало подтверждения старых прав и предоставления новых гарантий, прежде чем выступить против неприятеля. Несколько дней переговоров сопровождались раздражением, взаимными обвинениями и угрозами не продолжать поход.

Король подписал грамоту, поскольку не мог позволить себе распустить войско, когда орденские наёмники приближались к Хойнице. Но теперь, семнадцатого сентября, когда королевские хоругви подошли к городу, прежние разногласия продолжали ощущаться во всём.

В расположении отдельных отрядов спорили о местах стоянок, о порядке выступления и о том, кому подчиняются прибывшие позже рыцари. Одни воеводы стремились получить передовое место в строю, другие считали, что их люди должны сохранить силы до главного удара. Некоторые отказывались уступать распоряжениям командиров, не равных им по положению. Казимир выслушивал донесения в большом шатре, поставленном на возвышении.

На столе лежали карты дорог, ведущих к Хойнице. Несколько мест были отмечены небольшими деревянными знаками. Рядом находились письма от прусских городов и сведения о неприятельских силах. Миколай Шарлейский, возглавлявший войска, прежде действовавшие под Хойнице, объяснял положение осады.

За месяцы стоянки его люди успели хорошо изучить окрестности. Они знали, какие дороги проходят через заболоченные места, где можно провести конницу и где тяжёлая повозка наверняка увязнет. Но этих знаний оказалось недостаточно, чтобы овладеть городом.

Хойнице защищали прочные стены и гарнизон, готовый к упорному сопротивлению. Попытки приступа не принесли успеха. Артиллерия не сумела создать достаточно широких проломов, а наёмники, недовольные задержками жалованья, не всегда желали участвовать в опасных работах. Шарлейский указал на южные подступы.

— Здесь болотистая низина. Через неё проходит дорога, которой можно пользоваться только при определённом порядке движения. Если неприятель сам пойдёт по этой дороге, его конница не сумеет развернуться сразу.

Казимир внимательно осмотрел карту.

— А если они не пойдут?

— Тогда придётся решать, насколько выгодно оставлять их перед городом.

Один из сановников заметил, что орденская армия не может бесконечно ожидать под стенами. Её наёмники нуждаются в корме, продовольствии и деньгах. Возможно, удастся вынудить их начать движение. Шарлейский не разделял такой уверенности.

— Они ведут с собой пеших и боевые повозки. Если станут укреплять лагерь, наша конница не сможет действовать так свободно, как в открытом поле.

— Неужели ты предлагаешь уклониться от боя? — спросил один из великопольских воевод.

— Я предлагаю выбрать место, — ответил Шарлейский.

Говорил он без раздражения, но король заметил, как напряглись сидевшие возле стола люди. Казимир попросил объяснить расположение болот. Шарлейский указал на низину возле озера. Подступы к ней были неодинаковыми. В некоторых местах вода скрывалась под травой, и человек мог принять влажный луг за твёрдую землю. Тяжёлая конница, двигаясь плотным строем, рисковала попасть в затруднительное положение.

— Здесь нужен проводник, — сказал король.

— Есть люди, знающие эти дороги.

— Пусть проверят их ещё раз.

После совещания сановники разошлись. Казимир остался с несколькими приближёнными. На дворе слышались громкие голоса. Двое дворян спорили из-за места для лошадей, и служителям пришлось вмешаться, чтобы избежать ссоры. Король подошёл к выходу из шатра.

За ограждением размещалась его собственная стража. Люди чистили оружие, сушили одежду и готовили вечернюю пищу. Несколько рыцарей стояли возле лошадей, осматривая ремни и подпруги. Казимир задержал взгляд на одном из молодых дворян.

Тот пытался самостоятельно затянуть повреждённую застёжку на седле. Ремень оказался слишком коротким, и юноша несколько раз безуспешно тянул его, пока пожилой оруженосец не подошёл и не показал, как следует переставить пряжку.

Король знал, что таких людей в его войске немало. Они явились на призыв, привели собственных лошадей, запаслись оружием и считали себя готовыми сражаться. Но не все прежде участвовали в большом бою, где судьба каждого зависела от движения соседних хоругвей. Подошёл канцлер Ян Конецпольский.

— Государь, посланники из прусских земель ожидают ответа.

Казимир вернулся к столу. Городские представители просили подтвердить, что после соединения войск королевское командование примет на себя обеспечение общей операции. Они беспокоились о расходах, понесённых за время осады, и требовали ясных распоряжений относительно поставок. Король велел приготовить ответ. Затем спросил канцлера, сколько ещё продовольствия имеется в лагере.

Тот назвал срок, рассчитанный по представленным ведомостям, но предупредил, что в них не учтены все прибывающие люди. Казимир устало провёл рукой по лицу.

— Завтра сведём расчёты.

Однако он знал, что завтра могут понадобиться не расчёты, а совершенно другие решения. Вечером король ещё раз вышел к страже. Со стороны Хойнице доносился глухой шум. Где-то в полях работали люди, готовившие укрытия и исправлявшие дороги. Над лагерем висел запах дыма. Казимир всматривался в темноту.

Он хотел разбить неприятеля до того, как орденские силы смогут закрепиться в западных прусских землях. Но для этого нужно было заставить множество отдельных отрядов действовать как одно войско. Пока ему это не удавалось даже в хозяйственных распоряжениях.

В Хойнице семнадцатого сентября жители готовились к сражению, не зная, когда именно оно начнётся. В городе уже несколько месяцев не было прежней жизни. После возвращения под власть Ордена сюда прибыли вооружённые люди. Их размещали в домах, хозяйственных строениях и помещениях, предназначенных для хранения товаров. Часть жителей встретила орденский гарнизон с облегчением, другие опасались расправы за поддержку Прусского союза. Среди ремесленников находились люди, прежде состоявшие в городском ополчении на стороне восставших. Теперь они старались избегать разговоров о февральских событиях.

У пекаря Николая Хартмана с утра закончились дрова. Он обнаружил это, когда в печи оставались только угли, а на столе лежало тесто для очередной партии хлеба. Нужно было немедленно растопить огонь, иначе весь дневной порядок работы нарушился бы. Николай отправил старшего сына к соседу, но тот вернулся ни с чем. Сосед сообщил, что сам получил требование поставить дрова для гарнизонной кухни.

Пришлось разобрать старую деревянную перегородку в заднем помещении. Жена возражала. Перегородка отделяла кладовую от места, где хранили муку, и без неё осенью в помещение будет проникать сырость.

— После починим, — сказал Николай.

— Из чего?

Он не ответил. Сын принёс топор. Они вместе разобрали несколько досок, вынесли их во двор и раскололи на короткие поленья. Николай работал быстро. Он знал, что к полудню за хлебом придут орденские служители. Часть поставок оплачивали, часть записывали в долг. Получить деньги полностью пока не удавалось.

В городских домах говорили, что из германских земель приближается большое войско, нанятое для помощи Ордену. Эти известия приносили надежду на прекращение осады, но одновременно вызывали тревогу. Дополнительные вооружённые люди означали новые расходы и новые требования продовольствия. В полдень к пекарне подошёл солдат. Он был одет в

потёртую куртку, поверх которой висел короткий кожаный пояс с ножом. На правой руке виднелся старый ожог.

Солдат предъявил разрешение на получение хлеба. Николай прочитал документ и велел сыну вынести положенное количество. Пока хлеб пересчитывали, солдат спросил, давно ли пекарь живёт в городе.

— С рождения.

— Значит, помнишь прежнюю осаду?

Николай посмотрел на него.

— Какую именно?

Солдат усмехнулся.

— Теперь их много?

— Достаточно, чтобы не путать одну с другой.

Воин взял хлеб и ушёл. Жена Николая, слышавшая разговор, сердито сказала, что не следует отвечать вооружённым людям подобным образом.

— Он ничего дурного не сделал, — заметил пекарь.

— Пока не сделал.

Николай вернулся к печи. Вскоре на улице послышались шаги многочисленного отряда. Люди шли к стенам. Среди них были наёмники, недавно прибывшие в Хойнице, и местные горожане, назначенные помогать гарнизону. Один из соседей остановился у двери и сообщил, что готовят дополнительные караулы.

— Говорят, завтра неприятель выступит.

— Кто говорит?

— Люди из замка.

Николай не стал расспрашивать. Вечером он закрыл пекарню раньше обычного. Муку перенесли в сухую часть кладовой, готовый хлеб сложили в корзины и накрыли полотном. Старший сын проверил засовы на дверях, а младший принёс из колодца воду. После ужина семья сидела возле печи. Жена шила рубашку, Николай чинил старую деревянную лопату для хлеба. Сыновья спорили, кто утром пойдёт за водой.

Внезапно зазвонил колокол. Не тревожный, но настойчивый звон разнёсся над улицами. Люди начали выходить из домов. Николай открыл дверь. Возле городской стены собирали дополнительных работников. Им предстояло доставить камни, древесину и ёмкости с водой к тем местам, где ожидали возможного неприятельского приступа. Пекарь велел старшему сыну остаться дома, взял плащ и отправился к стенам.

Там он увидел Генриха Рейсса фон Плауэна, одного из военачальников гарнизона. Генрих стоял возле группы вооружённых людей и выслушивал сообщение о движении королевских отрядов. Лицо его оставалось спокойным. Он задавал короткие вопросы, уточняя расстояние до ближайших неприятельских позиций и состояние ворот. Николай не слышал всего разговора, но заметил, что после донесения военачальник велел проверить выходы из города и подготовить лошадей.

Потом рабочим приказали переносить камни. Николай вместе с другими горожанами поднимал тяжёлые корзины на деревянную площадку у стены. Работа была неудобной. Лестница скрипела, ступени покрылись грязью, а над головой то и дело проходили вооружённые люди. Когда закончили, уже стемнело. Николай остановился возле бойницы и посмотрел на окрестности. По ту сторону стены виднелись огни королевского лагеря.

Многие месяцы он жил с сознанием, что неприятель находится неподалёку. Но теперь огней стало гораздо больше. Они тянулись вдоль дорог и над полями, словно вокруг города выросло множество новых селений. Николай подумал о своей пекарне, о разобранной перегородке, о муке, которую нужно было сохранить сухой. Спустился со стены и вернулся домой. Жена встретила его у двери.

— Что там?

— Люди готовятся.

— А завтра?

Николай снял плащ.

— Завтра надо будет печь хлеб.

Он произнёс это не для того, чтобы успокоить её. Просто другого дела, которым он мог распоряжаться, у него не было.

На рассвете восемнадцатого сентября над низинами стоял плотный туман. Он скрывал дальние деревья, заполнял канавы и стелился над водой, оставляя открытыми лишь верхушки холмов. В королевском лагере уже поднимали людей, но утренние распоряжения передавались медленно. Одни хоругви готовились выступать, другие ещё разыскивали своих оруженосцев и лошадей.

В лагере Мартина Краузе день начался с пропажи одного из возчиков. Якуба не оказалось возле повозки. Его постель из соломы оставалась нетронутой, а кожаная сумка висела на обычном месте. Матей утверждал, что видел юношу незадолго до рассвета, когда тот отправился к колодцу за водой. Мартин обошёл двор и нашёл его у дороги.

Якуб стоял среди нескольких молодых людей, рассматривавших проходившую мимо конницу. Впереди двигались рыцари в полном вооружении, за ними ехали менее богатые дворяне со своими слугами. На некоторых лошадях были защитные попоны, другие шли без них. Копья возвышались над всадниками, железо доспехов поблёскивало в утреннем свете.

— У нас работа, — сказал Мартин.

Якуб обернулся.

— Они выступают.

— Вижу.

— Значит, сегодня будет бой.

Мартин взял его за плечо и отвёл в сторону.

— Если хочешь смотреть на сражение, сначала спроси себя, кто станет возвращать лошадей в Данциг.

Юноша смутился.

— Я только хотел увидеть.

— Увидел. Теперь пойдём.

Возле повозок их уже ожидал старший служащий, присланный из хозяйственной канцелярии. Он сообщил, что часть груза необходимо передать королевским людям немедленно, а остальные припасы оставить под охраной до нового распоряжения. Мартин предъявил ведомости и настоял на пересчёте.

Служащий раздражался, однако согласился. Зерно выгружали под навес, солонину переносили в приготовленное помещение. Два мешка оказались повреждены при перевозке. Мартин велел поставить их отдельно, чтобы не возникло спора о количестве. Работа продолжалась несколько часов. Временами со стороны поля доносился звук труб. Тогда Якуб останавливался, прислушиваясь, пока Матей не заставлял его снова браться за мешки.

После полудня разгрузку прервали. Люди, занимавшиеся приёмом припасов, получили распоряжение отправиться к главным обозам. Мартин остался с несколькими повозками, частью продовольствия и неподписанной ведомостью.

Он хотел разыскать старшего служащего, но дорога уже заполнилась вооружёнными людьми. Пехотинцы двигались к своему месту, конница проходила большими группами, оруженосцы вели запасных лошадей. Приходилось то и дело отступать в сторону, чтобы не попасть под колёса. Матей предложил вывести свободные повозки на соседнюю дорогу. Мартин согласился. Он понимал, что получить недостающую подпись сейчас не удастся. Гораздо важнее было сохранить людей и лошадей.

Собрав возчиков, он отправил двух человек искать безопасное место для стоянки. Сам остался возле главной повозки, где находились документы, деньги и личные вещи работников.

Над полями туман давно рассеялся. Воздух стал тёплым, солнце освещало низкие холмы. Издали виднелись длинные ряды всадников, постепенно занимавших позиции. Мартин впервые видел столь большое войско в боевом строю.

Издали оно казалось единым: хоругви, конница, движение людей, отражение света на железе. Но чем дольше он наблюдал, тем яснее замечал отдельные беспорядочные движения. Одни отряды останавливались, другие продолжали идти. Посыльные скакали между начальниками, а в некоторых местах всадникам приходилось поворачивать назад, освобождая дорогу следующим хоругвям.

В стороне от них стояли артиллерийские повозки. Мартин видел, как люди проверяли крепления орудий и подвозили бочки с порохом. Несколько работников переносили тяжёлые ядра. Пехотинцы ожидали распоряжений возле своих знамён. Всё это представляло огромную силу, но требовало такого порядка, какого Мартин не встречал даже при самых сложных торговых перевозках.

Он подумал, что Маттиас, увидев расположение обоза, непременно потребовал бы отделить продовольствие от пороха и освободить место для проезда. Но здесь никто не собирался слушать торгового служащего.

Бернард Шумборский не торопился. Его войско уже прошло немалый путь, и он хорошо знал состояние людей. Лошади нуждались в отдыхе, пехотинцы устали от переходов, а часть повозок пришлось несколько раз ремонтировать на дороге. Тем не менее наёмная армия сохраняла порядок.

Старшие рот знали, сколько людей находится при их знамёнах. Вооружение проверяли перед выходом. Пехоту и артиллерию распределяли с учётом того, как придётся действовать на местности. Между всадниками и людьми, сопровождавшими боевые повозки, существовал установленный порядок взаимодействия.

Шумборский был моравским рыцарем. Он служил за деньги и не скрывал этого. Для него обязательство перед великим магистром имело вполне определённое содержание: он должен был привести людей, вести их в бой и исполнить условия договора. Если жалованье задержат, возникнет спор, но пока он командовал армией, подчинённые обязаны были выполнять распоряжения.

Рядом находился князь Рудольф Жаганьский. В отличие от многих наёмников, князь придавал большое значение личному участию в сражении. Он стремился находиться там, где можно было увидеть неприятеля собственными глазами и немедленно принять решение. Они осмотрели позиции королевского войска.

Между противниками лежала низина с озером и заболоченными участками. Через неё проходила дорога, пригодная для организованного движения, но слишком тесная, чтобы многочисленная конница могла свободно развернуться. На возвышенности стояли польские хоругви. Шумборский долго рассматривал их расположение.

— Если они останутся там, идти к ним будет неудобно, — сказал один из командиров.

— Тогда не пойдём.

Рудольф повернулся к нему.

— Они могут ждать.

— Пусть ждут.

Князь посмотрел на укреплённый город.

— А гарнизон?

— Он знает, что мы здесь.

Шумборский не собирался расходовать конницу на поспешный приступ к позиции, которую неприятель выбрал сам. Польские рыцари имели численное преимущество в коннице. Но

для решительного удара им требовалось пространство, а именно его следовало лишить противника. Позади конных отрядов уже готовили оборонительный лагерь.

Боевые повозки ставили тесно, соединяя их так, чтобы образовать преграду. Между ними оставляли места для прохода своих людей и для действия оружия. Пехотинцы распределялись возле колёс, у земляных укрытий и за укреплениями. Артиллеристы осматривали орудия. Стрелки проверяли тетивы арбалетов и запасы болтов. Один из младших командиров доложил, что часть возчиков недовольна расположением повозок: в случае отступления вывести их быстро будет трудно.

Шумборский ответил, что сейчас повозки предназначены не для отступления. Он приказал закончить укрепление лагеря. Работа продолжалась в напряжённом молчании. Люди передвигали тяжёлые колёса, забивали колья, переносили мешки и деревянные щиты. Несколько лошадей пришлось вывести из упряжи, поскольку животные нервничали от шума. Шумборский прошёл вдоль построения и остановился возле одного из орудий.

Артиллерист показал ему подготовленные заряды. Военачальник спросил, сколько времени понадобится на повторный выстрел и хорошо ли просматривается подход к укреплению. Получив ответ, он направился к коннице. Всё было готово настолько, насколько позволяли обстоятельства.

Шумборский не испытывал удовольствия от ожидания. Но слишком хорошо знал, что в сражении нередко приходится дольше ждать удобного момента, чем действовать.

Казимир Ягеллончик наблюдал за неприятелем с возвышенности неподалёку от мельницы. Всадники орденского войска постепенно выстраивались перед укреплённым лагерем. Позади них виднелись многочисленные повозки. Из отдельных мест поднимался дым, слышались удары молотов. Король спросил, сколько неприятельской конницы находится перед ними. Ответы расходились.

Одни разведчики уверяли, что основные силы ещё не подошли. Другие считали, что перед польским войском уже находится вся орденская армия. Некоторые говорили о значительном числе пеших воинов, которых невозможно было рассмотреть из-за повозок. Шарлейский вновь указал на дорогу через заболоченную низину.

— Если неприятель не станет переходить, придётся либо ждать, либо самим двигаться к нему.

Один из воевод раздражённо заметил, что ждать больше нельзя. Рыцари уже несколько часов находятся под оружием, лошади устают, а неприятель, очевидно, не решается вступить в открытый бой. Казимир не ответил.

Он видел, что перед ним не беспорядочное скопление людей. Орденские отряды стояли спокойно. Их командиры не пытались привлечь внимание громкими манёврами. Пехота оставалась возле повозок, а конница сохраняла назначенные места. Король спросил, можно ли заставить противника сдвинуться с позиции действиями стрелков.

От разведчиков поступили противоречивые вести. Одни указывали на неприятельскую конницу впереди, другие уверяли, что орденский обоз уже готов к отходу. Казимир видел, как великопольские рыцари всё нетерпеливее подводят коней к дороге: они не желали уступать первый удар наёмным людям. Он приказал развернуть конницу за переправой и удержать задние хоругви, пока передние не займут место. Приказ дошёл не до всех.

Ряды вытянулись в узкую вереницу. Посыльный, пробираясь навстречу всадникам, едва не попал под копыта и вынужден был спрыгнуть в придорожную канаву. Впереди уже звучали боевые крики. Шарлейский требовал остановить задних, но король видел, как первая хоругвь поворачивает в сторону неприятеля. Исправлять порядок приходилось в тот самый миг, когда люди начали сражаться.

Первое столкновение произошло так стремительно, что стоявшие вдали люди не сразу поняли, кто начал атаку. Польская конница, преодолевшая тесный проход, развернулась на

более открытом месте. Впереди поднялись копья. Над строем прозвучали возгласы, затем несколько хоругвей двинулись навстречу неприятелю. Удар оказался сильным.

Тяжеловооружённые всадники столкнулись с орденской конницей, и первые ряды противника не выдержали натиска. Лошади падали, люди с трудом удерживались в сёдлах, некоторые пытались развернуться, но сзади напирали свои. Среди польских рыцарей поднялся радостный крик. Они увидели, как неприятельский строй начинает распадаться, и усилили натиск.

В одном из отрядов находился молодой великопольский рыцарь Богуслав. Он приехал на войну вместе с дядей и несколькими людьми из соседних владений. До этого участвовал лишь в небольших вооружённых столкновениях и никогда не видел, как сражаются большие конные отряды. Перед атакой дядя велел ему не удаляться от хоругви. Богуслав запомнил распоряжение, но выполнить его оказалось труднее, чем предполагалось.

Когда лошади пошли вперёд, пространство вокруг словно сузилось. Он видел спину всадника перед собой, наконечник собственного копья и быстро приближавшуюся линию неприятельских людей. Грохот копыт заглушал команды.

В момент столкновения его копьё ударило во что-то твёрдое. Древко сломалось, и Богуслав едва не выпустил поводья. Лошадь резко подалась в сторону, задела соседнего коня, затем снова понеслась вперёд. Богуслав успел выхватить меч. Возле него неизвестный всадник в тёмном плаще падал с лошади. Другой пытался развернуться, но его прижали к соседям. Кто-то кричал о помощи.

Богуслав не понимал, что происходит за пределами нескольких шагов. Потом заметил, что перед ним больше нет плотного неприятельского строя. Орденские всадники отходили. Он услышал радостный крик своего товарища и впервые подумал, что они побеждают. Дядя появился сбоку. Его шлем был помят, на плече виднелись следы удара.

— К хоругви! — приказал он.

Богуслав повернул коня. Но впереди уже двигались новые польские отряды, и удержать порядок становилось всё труднее. Одни преследовали отступающих, другие пытались вернуться к своим, третьи останавливались возле упавших товарищей. Среди орденских командиров погиб князь Рудольф Жаганьский. Его смерть быстро стала известна ближайшим людям. Несколько всадников пытались вынести тело из схватки, но польская конница продолжала наступать.

Бернард Шумборский также оказался среди окружённых и на некоторое время попал в плен. Эти известия передавались от одного отряда к другому. В польских рядах росла уверенность, что главные неприятельские силы уже разбиты. Богуслав видел, как мимо него провели пленного в дорогом вооружении. Рядом ехали возбуждённые рыцари, громко называвшие имя Шумборского.

Богуслав не успел как следует рассмотреть пленника. Со всех сторон кричали, что вражеские командиры разбиты и осталось взять обоз. Кто-то рядом смеялся, ударяя ладонью по седлу; кто-то звал отставшего товарища. Богуслав разыскивал дядю и всё время оборачивался, теряя из виду хоругвь. На мгновение он принял чужого всадника за своего родственника и направил коня к нему, но тот свернул в сторону. Впереди стояли соединённые орденские повозки, возле которых никто не собирался отступать.

У укреплённого обоза польская конница остановилась перед препятствием, которое невозможно было преодолеть одним натиском. Повозки стояли близко одна к другой. Между колёсами были устроены заграждения. За ними находились пешие воины с арбалетами, ручным огнестрельным оружием и длинными древками. На отдельных участках расположили небольшие орудия. Первым приблизившимся рыцарям пришлось резко осаживать лошадей.

Конь, привыкший идти вперёд за соседями, не мог перескочить через соединённые повозки. В тесноте некоторые животные начинали пятиться, другие поворачивали боком, стал-

киваясь с подоспевшими сзади всадниками. Из-за укреплений ударил огонь. Сначала послышался глухой выстрел, затем несколько более резких хлопков. Над повозками поднялся дым. Почти одновременно полетели арбалетные болты.

Один из всадников возле Богуслава внезапно выронил меч и схватился за шею. Его лошадь продолжала двигаться, пока не столкнулась с другой. Мужчина упал между животными. Богуслав попытался добраться до него, но сзади напирали новые всадники.

— Назад! — крикнул кто-то.

Однако отступить было некуда. Позади стояли следующие ряды конницы, уверенные, что впереди продолжается победоносная атака. Передние пытались развернуться, задние требовали двигаться вперёд. Богуслав почувствовал, как чужая лошадь прижимает его колено к седлу. Он с трудом освободил ногу и отъехал на несколько шагов. Над повозками снова появился дым.

Пешие наёмники стреляли из-за прикрытий, после чего отходили, уступая место товарищам. Другие подавали им новые заряды и болты. Люди с длинными копьями и пиками не позволяли всадникам приблизиться к открытым участкам укрепления. Польские рыцари попытались атаковать с другого направления. Но и там их встретили плотным огнём.

Богуслав увидел лежавшего возле колеса человека. Тот пытался подняться, цепляясь за землю. Его лошадь стояла неподалёку, опустив голову. Поводья волочились по траве. Юноша спешился, не вполне понимая, что делает. Он подбежал к раненому и схватил его за плечи. Мужчина оказался незнакомцем. Лицо его было покрыто грязью, губы посинели.

— Помоги, — прошептал он.

Богуслав попытался поднять его, но человек вскрикнул. Тогда юноша осторожно перевернул его и обнаружил, что нога повреждена ниже колена. Раненый не мог идти. Рядом проскакали несколько всадников. Богуслав закричал, требуя помощи. Один остановился. Вместе они оттащили мужчину к низкому земляному выступу, где его не могли затоптать лошади. Спутник Богуслава указал на приближающихся неприятельских пеших воинов.

— Уходим!

Богуслав хотел возразить. Но раненый сам схватил его за руку.

— Иди.

Юноша отступил. Он вернулся к лошади, с трудом вскочил в седло и направился к своим. В этот момент сзади раздались новые крики. Орденская конница, разбитая в первом столкновении, начала возвращаться на поле боя.

Генрих Рейсс фон Плауэн наблюдал за развитием сражения с городской стены. Ему были видны не все участки поля. Низины скрывали движение людей, а поднявшаяся пыль мешала различать отдельные хоругви. Но он понимал главное: значительная часть польской конницы уже оказалась на противоположной стороне заболоченного прохода, а королевский лагерь остался позади.

Рядом находились опытные наёмные командиры, в том числе Вит фон Шёнбург и Георг фон Шлибен. Они следили за движением неприятельских отрядов и ожидали удобного момента. Когда польские всадники прорвались к орденскому обозу, один из наблюдателей сообщил, что часть караула, стоявшего напротив городских ворот, покинула прежние позиции. Генрих попросил уточнить.

Посланник подтвердил, что несколько польских отрядов двинулись вслед за главной конницей. Оставшихся людей было заметно меньше, чем прежде. Среди них находились пешие стражники и вооружённая обслуга лагеря. Генрих спустился со стены. Во дворе уже ожидали подготовленные люди.

Коней держали под уздцы, стараясь не допустить шума. Несколько солдат проверяли оружие. Другие поправляли ремни и снимали лишние вещи, которые могли помешать в коротком стремительном выходе. Генрих велел передать распоряжения старшим. Предстояло открыть

ворота и нанести удар по неприятельским тылам, пока основная конница связана боем возле орденского обоза.

Один из воинов спросил, что делать, если перед городом окажутся более сильные отряды, чем предполагалось.

— Тогда отступим к воротам, — ответил Генрих. — Но сначала надо выяснить, кто остался на дороге.

Он осмотрел собравшихся. Среди них находились люди, недавно прибывшие на орденскую службу, и те, кто уже несколько месяцев защищал Хойнице. Многие были усталыми. Их одежда носила следы долгой осады. Но теперь они ожидали приказа с заметным напряжением. На мгновение Генрих подумал о горожанах.

Если вылазка закончится неудачей, неприятель может попытаться ворваться в открытые ворота следом за отступающими. Поэтому он распорядился оставить надёжную стражу возле подъёмного устройства и подготовить внутренние заграждения. После этого дал сигнал. Ворота начали открывать. Тяжёлые створки двигались медленно. Сначала между ними появилась узкая щель, затем проход расширился настолько, что можно было вывести лошадей.

Генрих поднял руку. Вооружённые люди двинулись вперёд. Они вышли из Хойнице в тот момент, когда польская конница всё ещё пыталась прорвать оборону орденского обоза. Удар направлялся не против главных неприятельских хоругвей. Генрих повёл людей к королевскому лагерю.

Сначала Мартин услышал крики со стороны дороги, ведущей к городским воротам. Он стоял возле повозки, ожидая возвращения Матея. Старший возчик отправился к ближайшему караулу узнать, можно ли вывести обоз с занятой дороги. Из хозяйственной канцелярии так и не принесли окончательное подтверждение приёма груза, но Мартин уже решил, что оставаться среди военных повозок опаснее, чем возвращаться с неполным набором документов.

На поле продолжалось сражение. Издали доносились глухие удары орудий, временами слышались громкие крики. Несколько человек, стоявших возле лагеря, утверждали, что королевская конница разбила неприятеля и теперь захватывает его укрепления. Мартин не видел оснований радоваться заранее. Он смотрел на дорогу, где исчез Матей. Вдруг возле дальней изгороди появился бегущий солдат. Мужчина потерял шлем, держал в руках короткое копьё и всё время оглядывался.

— Из города! — закричал он. — Они вышли из города!

Сначала никто не понял, о чём он говорит. Несколько стражников направились навстречу, требуя объяснений. Солдат остановился, тяжело дыша, и показал рукой в сторону Хойнице. За ним появились другие люди. Один бежал без оружия. Другой тащил за собой лошадь. Третий пытался удержать раненого товарища, но в конце концов отпустил его и бросился дальше. Затем со стороны города послышался нарастающий топот.

Мартин поднялся на край повозки. Между лагерем и Хойнице двигались вооружённые всадники. Их было значительно больше, чем он сначала предположил. Они быстро приближались к участку, где размещались королевские обозы. Стража попыталась выстроиться поперёк дороги.

Несколько человек подняли копья. Кто-то побежал к ближайшей хоругви, призывая подкрепление. Но большая часть конницы находилась далеко впереди, на противоположной стороне заболоченной низины. Мартин спрыгнул с повозки.

— Якуб! К лошадям! Немедленно!

Юноша стоял возле мешков с зерном и смотрел на приближавшихся всадников.

— Что случилось?

— Отвязывай лошадей. Матей где?

Якуб не ответил. Мартин схватил его за плечо.

— Делай, что говорю!

Они бросились к упряжи. Первую лошадь удалось вывести быстро. Вторая испугалась шума и начала пятиться. Якуб попытался успокоить её, но животное дёрнуло головой, едва не сбив его с ног. Со стороны лагеря раздались новые крики.

Мартин увидел, как несколько вооружённых людей ворвались между повозками. Один из стражников попытался остановить их, но его оттеснили к телеге. Другие бросились к дороге, по которой уже бежали слуги и возчики. Вдруг рядом появился Матей. Он тяжело дышал, на лице его виднелись следы грязи.

— Обоз не вывести, — сказал он. — Дорога занята.

— Есть другой путь?

— За домами, вдоль канавы. Но повозки там не пройдут.

Мартин посмотрел на груз. На первой повозке оставались несколько бочек солонины, часть зерна, железные принадлежности и личные вещи людей. На второй лежали пустые мешки, инструменты и запасные части для ремонта колёс. Всё это принадлежало торговому дому либо было принято им для перевозки.

Мартин понимал, что потеря обоза обойдётся дорого. Но в следующий момент увидел, как у соседней повозки упал человек, а лошадь, вырвавшаяся из упряжи, понеслась между телегами. Он перестал думать о стоимости товара.

— Берём верховых лошадей и документы. Остальное оставляем.

Матей коротко кивнул. Они начали освобождать животных. Мартин схватил сумку с бумагами, проверил, на месте ли кошель с деньгами, затем снял с повозки небольшой свёрток с личными вещами. Якуб пытался отвязать последнюю лошадь, но узел затянулся слишком туго. Юноша достал нож. В этот момент возле них раздался удар. Что-то тяжёлое врезалось в бок повозки, и та резко качнулась.

Мартин обернулся. Чужая лошадь, потерявшая всадника, налетела на телегу. Животное пыталось подняться, ударяя ногами по деревянным доскам. Один из обручей бочки сорвался, и солёная жидкость потекла по земле. Якуб отскочил. Мартин перерезал верёвку сам.

— Уходим!

Они направились к проходу между хозяйственными строениями. Позади продолжался шум. Слышались удары, треск дерева, крики людей. Над лагерем поднимался дым. Отдельные возы уже горели, и пламя быстро переходило на сложенные рядом сухие материалы. Мартин оглянулся.

Он увидел, как вооружённые люди захватывают повозки. Некоторые солдаты пытались обороняться возле своих вещей, но неприятельская конница уже проходила через лагерь. Внезапно он вспомнил Маргарету и её сына. Женщина оставалась в доме на другой стороне деревни.

— Матей, веди Якуба к роще, — сказал Мартин. — Я вернусь.

Старший возчик посмотрел на него с недоверием.

— Куда?

— За женщиной с ребёнком.

— Там уже идут всадники!

— Дом ближе к огородам. Попробую пройти сзади.

Матей выругался, но не стал спорить.

— Долго не задерживайся. Если дорогу перережут, не выберемся.

Мартин отдал Матею одну из лошадей и пошёл обратно к дому, откуда слышал детский плач. На улицу уже выходили всадники. Он пробирался через огороды, перелезал через жерди и один раз упал коленом в мокрую землю. У сарая валялись перевёрнутая тележка и разбитое ведро; дверь дома стояла настежь. Мартин не знал, что скажет женщине, если она снова откажется уйти, но уже протянул руку к дверной скобе.

Маргарета застыла посреди комнаты с сыном за руку. У её ног лежали два связанных узла, один распущенный, и детская одежда, которую она не успела собрать. Мальчик плакал от страха; мать смотрела не на него, а на вещи, словно от того, какой узел выберет первым, зависело, что останется от прежней жизни.

— Идёмте, — сказал Мартин.

Она вздрогнула.

— Что происходит?

— В лагерь ворвались орденские люди. Нужно уходить.

Маргарета схватила большой узел. Мартин забрал его и бросил возле двери.

— Это слишком тяжело. Берите только то, без чего не сможете обойтись.

Женщина вытащила из узла небольшой свёрток с одеждой, завернутые в ткань бумаги и мешочек с деньгами. Потом сняла со стены деревянный крест. Мальчик продолжал плакать.

— Где отец?

Маргарета присела перед ним.

— Сейчас пойдём. Держись за меня.

Мартин вывел их через заднюю дверь. Они направились к огородам. Позади слышались голоса и лошадиное ржание. Несколько раз приходилось останавливаться, когда поблизости проходили вооружённые люди. Возле канавы мальчик поскользнулся и упал. Маргарета бросилась к нему, но Мартин успел поднять ребёнка. Он взял его на руки, и они продолжили путь. Когда достигли рощи, Матей уже ожидал их вместе с Якубом.

На краю рощи Мартин едва не выпустил ребёнка из рук: мальчик вдруг стал выворачиваться и тянуться назад. Под рубахой у него была деревянная лошадка, но маленькая уздечка из нитки зацепилась за ветвь и оборвалась. Мальчик плакал уже не от страха перед всадниками, а из-за вещи, которую собирался искать в траве. Мартин увидел нитку под ногами, поднял её и отдал мальчику вместе с игрушкой. До опушки было всего несколько шагов; за этими шагами могли появиться чужие люди. Он торопливо сказал Маргарете, что о потерянных вещах будут думать после того, как доберутся до дороги. Женщина кивнула, но, прежде чем они двинулись дальше, проверила спрятанные за пазухой бумаги: среди них была запись с именем мужа. Она ничего не сказала о том, что оставила в доме остальное имущество.

— Думал, не придёшь, — сказал старший возчик.

Мартин осторожно опустил мальчика на землю.

— Сколько лошадей?

— Три. Ещё одну пришлось отпустить. Совсем взбесилась.

— Люди?

— Все наши здесь.

Мартин облегчённо выдохнул. Однако оставаться в роще было опасно. С дороги доносились крики бегущих людей, а в стороне поля раздавались новые удары оружия. Матей предложил идти вдоль лесной окраины, пока не найдут дорогу, ведущую на восток. Мартин согласился. Они двинулись пешком, ведя лошадей под уздцы. Маргарета держала сына за руку. Мальчик время от времени оглядывался на дым, поднимавшийся над деревней.

— Наш дом горит? — спросил он.

Женщина не ответила. Мартин посмотрел назад. Из-за деревьев нельзя было различить, какие именно постройки охвачены огнём.

— Пока не знаю, — сказал он.

Они продолжили путь.

На главном поле сражения королевская конница ещё пыталась удержать позиции. Богуслав находился среди людей, отступавших от орденского обоза. Его лошадь устала, на шее животного выступила пена. Сам юноша почти не чувствовал правой руки после сильного удара, полученного возле укреплений. Он разыскивал свою хоругвь.

Но вокруг двигались разрозненные группы всадников. Одни возвращались от неприятельского лагеря, другие спешили к заболоченному проходу. Несколько человек пытались собрать товарищей возле небольшого возвышения. Богуслав остановил одного из них.

— Где великопольские хоругви?

Мужчина указал рукой назад.

— Все там.

— Где именно?

— Не знаю!

Всадник погнал коня дальше. Богуслав направился к низине. На дороге образовалось скопление людей. Некоторые пытались двигаться вперёд, другие уже возвращались. Лошади сталкивались, всадники кричали друг на друга, требуя освободить проход. Вдруг кто-то закричал, что королевский лагерь захвачен. Новость быстро распространилась среди отступавших.

Богуслав не поверил сразу. Он видел, что неприятельские повозки остаются перед ним, а главные польские силы ещё находятся в поле. Но затем заметил дым, поднимавшийся над местом, где стоял собственный обоз. Он остановился. Там находились его запасная одежда, деньги, слуги и лошадь, принадлежавшая дяде. Главное же — там должны были ожидать люди, к которым он собирался вернуться после боя.

Богуслав повернул коня. Но с противоположной стороны уже приближалась орденская конница. Наёмники сумели восстановить порядок после первого поражения. Их отряды снова действовали согласованно, ударяя по растянутым польским хоругвям и не позволяя им спокойно отойти от укреплённого обоза. Польские рыцари пытались сопротивляться. В нескольких местах завязались новые схватки. Но командиры не могли соединить разрозненные силы, а посыльные с трудом пробирались через толпу.

Богуслав оказался среди людей, пытавшихся удержать проход возле заболоченной низины. Он увидел дядю. Тот стоял со спешившимися всадниками, стараясь освободить дорогу для раненых. Его лошадь была ранена и больше не могла идти. Доспехи покрывала грязь.

— Слава Богу, жив! — воскликнул Богуслав.

Дядя схватил его за руку.

— Слезай! Здесь верхом не пройдёшь!

Богуслав спешился. Они попытались пройти к ближайшему участку дороги, но толпа двигалась навстречу. Несколько человек тащили раненого, другие бежали, оставив оружие. Внезапно сзади раздался громкий крик. Орденские всадники приближались. Дядя оглянулся, затем подтолкнул Богуслава к дороге.

— Иди!

— А ты?

— Не стой!

Богуслав попытался возразить, но пожилой рыцарь уже направился к нескольким товарищам, собиравшимся задержать преследователей. Юноша сделал несколько шагов, затем остановился. Он видел дядю среди вооружённых людей, слышал звон оружия, но не мог понять, что происходит. Кто-то толкнул его сзади. Богуслав упал на колени. Когда поднялся, дорога уже была заполнена бегущими. Вернуться назад стало невозможно.

Он пошёл вместе с ними. Возле заболоченного участка люди начали тесниться ещё сильнее. Несколько лошадей сошли с твёрдой дороги и увязли. Всадники пытались вытащить животных, но под копытами проваливалась почва. Один мужчина, потеряв равновесие, упал в воду.

Ему протянули древко копья. Он ухватился за него, но древко выскользнуло из рук. Несколько человек бросились помочь, однако напиравшая толпа заставила их отступить. Богуслав увидел, как мужчина снова исчезает в грязной воде. Он хотел остановиться, но кто-то схватил его за плечо и потащил дальше.

— Не стой! Затопчут!

Юноша вырвался и попытался обернуться. Но человека уже не было видно. Вокруг продолжали бежать. Богуслав потерял шлем. Затем кто-то наступил на край его плаща, и пришлось перерезать застёжку, чтобы освободиться. Он не знал, где находится дядя. Не знал, что стало с товарищами, с которыми ещё утром стоял у хоругви. К вечеру ему удалось выбраться на твёрдую дорогу.

Там он сел возле дерева и долго не мог подняться. Мимо проходили люди, потерявшие оружие, лошадей и вещи. Некоторые были ранены, другие просто слишком устали, чтобы говорить. Богуслав посмотрел на свои руки. Правая ладонь была рассечена, пальцы почти не сгибались. Он попытался достать из-за пояса нож, но обнаружил, что ножа тоже нет. Тогда он прислонился к дереву и закрыл глаза.

Впервые за весь день ему стало страшно не от приближения неприятеля. Он боялся узнать, что произошло с дядей.

Казимир Ягеллончик пытался остановить бегущих у дороги через низину. Он видел, как отступающие хоругви смешиваются друг с другом, как всадники бросают строй, как люди стремятся попасть на узкий проход прежде товарищей. Король приказал своей страже удерживать место возле дороги. Посыльных отправили к ближайшим командирам с требованием собрать людей и восстановить оборону.

Но распоряжения запаздывали. Одни хоругви уже были разбиты, другие потеряли начальников. Часть воинов продолжала сражаться возле орденского обоза, не зная, что происходит на другом участке поля. Казимир попытался обратиться к проходившим рыцарям.

— Остановитесь! К хоругвям!

Некоторые поворачивались на его голос. Несколько всадников присоединились к страже. Но вслед за ними появлялись новые бегущие, и удержать порядок становилось невозможно. Король видел дым над лагерем.

Он понимал, что неприятель ударил по тылам. Теперь главные силы оказались между укреплённым обозом орденских наёмников, восстановившей строй конницей и гарнизоном, вышедшим из города. Казимир приказал послать людей к обозам, но вскоре получил известие, что дорога занята неприятелем. Несколько приближённых начали убеждать его отступить. Король отказался.

Он не хотел оставлять войско, пока ещё существовала возможность собрать хотя бы часть людей и остановить преследование. Но вскоре один из военачальников сообщил, что Миколай Шарлейский потерял связь с королевским окружением. Другие командиры также исчезли из виду. На дороге появились новые неприятельские всадники. Королевская стража сомкнулась вокруг Казимира.

Он ещё пытался отдавать распоряжения, но приближённые всё настойчивее требовали покинуть опасное место. В конце концов его вывели из сражения. Некоторое время Казимир ехал молча. Рядом двигались уцелевшие всадники. Временами на дороге встречались отставшие люди, которые, увидев короля, пытались присоединиться к его отряду. Один из них спросил, где собирается войско.

Никто не смог ответить. Вечернее солнце уже опускалось к горизонту. Казимир оглянулся. Вдалеке над полями всё ещё поднимался дым. Он хотел остановиться и приказать отправить людей за ранеными, но командиры объяснили, что неприятель продолжает преследование и возвращаться сейчас невозможно. Король сжал поводья. Перед ним лежала дорога, по которой он ещё утром рассчитывал вести победоносное войско дальше в прусские земли.

Теперь приходилось искать место, где можно было собрать хотя бы оставшихся людей.

Генрих Рейсс фон Плауэн вернулся к королевскому лагерю, когда сопротивление там уже ослабевало. Наёмники захватывали повозки, оружие и запасы. Некоторые преследовали бегущих, другие занимались разоружением оставшихся в лагере людей.

Среди телег стояли испуганные лошади. Несколько животных вырвались из упряжи и бродили по полю. В одном месте горела повозка с сухим сеном, и солдаты торопливо оттаскивали от неё соседние телеги. Генрих приказал потушить огонь.

Его интересовали прежде всего исправные повозки, продовольствие и оружие. Всё это требовалось сохранить для армии, которая ещё недавно испытывала серьёзные трудности со снабжением.

Возле одной из палаток двое наёмников спорили из-за захваченного сундука. Один утверждал, что первым нашёл его, другой ссылался на право своей роты участвовать в разделе добычи. Генрих велел отнести сундук к месту, где собирали имущество для последующего учёта. Солдаты подчинились, хотя и неохотно. Неподалёку находилась группа пленных.

Среди них были вооружённые слуги, пехотинцы и несколько рыцарей, потерявших лошадей. Некоторые стояли молча, другие требовали позвать старших офицеров и установить условия содержания. Один из пленных оказался совсем молодым. Он держал окровавленную руку возле груди и едва мог стоять. Генрих приказал посадить его и вызвать человека, способного перевязать рану.

Солдат, сопровождавший пленных, возразил, что прежде следует установить, имеет ли юноша деньги для выкупа. Генрих посмотрел на него.

— Сначала перевязать. Потом спрашивать.

Солдат замолчал. Пленные начали размещаться возле захваченных палаток. Генрих прошёл дальше. На земле лежали разбросанные бумаги. Среди них находились хозяйственные ведомости, письма, записи о выдаче продовольствия. Некоторые листы были затоптаны, другие развевались на ветру. Он поднял одну бумагу. Это был перечень повозок, отправленных из Данцига.

На листе стояли отметки о количестве зерна, соли и мяса. Внизу имелось имя человека, ответственного за доставку. Генрих быстро просмотрел документ и передал ближайшему служителю.

— К остальным книгам. Не выбрасывать.

Служитель удивился.

— Зачем нам чужие торговые записи?

— Чтобы знать, что здесь находилось и кому принадлежало.

Генрих продолжил обход. Возле небольшой телеги он заметил убитого возчика. Мужчина лежал рядом с колесом, одной рукой всё ещё держась за поводья. Лошадь стояла неподалёку, испуганно поводя ушами. Генрих велел освободить животное и отвести к остальным. Затем приказал перенести тело. Наёмник, получивший распоряжение, спросил, следует ли искать при покойном деньги.

— Сначала установите имя, — ответил Генрих.

Он посмотрел на лежавшего человека. Одежда была обычной, купеческой. Рядом находилась небольшая сумка с инструментами. Ничто не указывало, что мужчина принимал участие в сражении. Генрих подумал, что тот мог оказаться здесь по торговому договору. Но выяснять обстоятельства было некогда.

В лагерь продолжали приводить пленных, подвозить захваченные орудия, собирать лошадей. Командиры отдавали распоряжения о размещении людей и сохранении припасов. К вечеру стало известно, что королевское войско разбито.

Среди погибших называли Петра Воду из Щекоцин, королевского подканцлера. Поступали сведения о пленении высокопоставленных военачальников, в том числе Миколая Шарлейского и Лукаша Гурки. Бернард Шумборский, ненадолго оказавшийся в польском плену в начале сражения, вновь находился среди своих людей. Но известия приходили обрывками, и установить точное положение всех командиров ещё не удавалось.

Генрих направился к городу. У ворот его встретили несколько вооружённых людей. Они поздравляли друг друга, обсуждали захваченные повозки и рассказывали о бегстве неприятеля. За стенами Хойнице раздавался колокольный звон.

Николай Хартман услышал о победе ещё до возвращения военачальников. Сначала по улице пробежали несколько мальчишек, крича, что королевские войска разбиты. Затем появились солдаты, которые требовали открыть городские ворота для возвращавшихся отрядов. Люди начали выходить из домов.

Некоторые радовались, другие осторожно расспрашивали о происходящем. В последние месяцы жители слишком часто слышали обещания скорой победы, чтобы сразу поверить новым известиям. Николай оставался в пекарне. Он вынул последнюю партию хлеба и разложил караваи на деревянной полке. Жена помогала ему, но всё время прислушивалась к уличному шуму. Вскоре пришёл старший сын.

Он рассказал, что видел множество пленных и захваченные королевские повозки.

— Говорят, сам король едва спасся.

Николай отложил хлебную лопату.

— Кто говорит?

— Солдаты.

— Они видели?

Сын пожал плечами. Пекарь велел ему принести воды. Через некоторое время в дверь постучали. На пороге стоял молодой воин с повреждённой рукой. Он держал шлем под мышкой, а левый рукав его куртки был разорван.

— Хлеб есть?

Николай показал на полку. Воин попросил два каравая и достал кошель. Пока пекарь заворачивал хлеб в ткань, молодой человек опустился на скамью. Он выглядел измученным.

— Вас ранили? — спросила жена Николая.

— Немного.

— Лекарь смотрел?

— Потом.

Она принесла ему воды. Воин пил жадно, затем попросил ещё. Николай заметил, что мужчина не притронулся к хлебу, хотя, судя по виду, давно не ел.

— Возьми кусок сейчас, — предложил он.

Солдат отломил немного мякиша и медленно прожевал. Они молчали. Затем Николай спросил, тяжёлым ли было сражение. Мужчина посмотрел на него.

— Сначала мы думали, что всё потеряно.

Он рассказал, как польская конница прорвала первые ряды, как погиб князь Рудольф, как люди отступали к обозу. Замолчал.

— А после? — спросил пекарь.

— После вышли наши из города. И всё переменилось.

Воин опустил глаза.

— Я видел, как люди тонули в болоте. Лошади не могли выбраться. Кто-то кричал, чтобы ему помогли, но туда уже никто не мог подойти.

Николай ничего не сказал. Солдат допил воду и поднялся.

— Мне надо идти.

Пекарь передал ему хлеб. Мужчина поблагодарил и вышел. Жена долго стояла у двери, глядя ему вслед.

— Он же победил, — тихо сказала она.

Николай взял со стола оставшийся каравай.

— Да.

Он положил хлеб на полку и вернулся к печи. К ночи в Хойнице начали доставлять раненых. Городские власти распорядились подготовить для них помещения. В нескольких домах освободили комнаты, принесли солому и воду. Лекари работали почти без отдыха. Николай отправил старшего сына с корзиной хлеба в один из домов, где разместили пострадавших. Мальчик вернулся поздно.

Он был непривычно тих. Отец спросил, всё ли доставил. Сын кивнул. Неожиданно сказал:

— Там лежит один человек. У него нет руки.

Николай посмотрел на мальчика.

— Ты помог донести хлеб?

— Да.

— Хорошо.

Сын сел возле печи. Николай хотел отправить его спать, но передумал. Он сел рядом, положил руку мальчику на плечо и остался с ним, пока жена заканчивала вечернюю работу. За окнами продолжали звонить колокола.

Мартин Краузе провёл ночь в лесу. Они остановились в небольшой ложбине, где деревья защищали от ветра. Развести большой костёр не решились. Матей собрал сухие ветви и приготовил немного тёплой воды в маленьком котелке. Маргарета уложила сына на плащ, расстеленный поверх сухих листьев. Ребёнок уснул почти сразу. Якуб сидел неподалёку от лошадей. Он весь вечер молчал и только теперь попросил воды.

Мартин протянул ему чашу.

— Ранен?

— Нет.

— Покажи руки.

Юноша неохотно вытянул ладони. На правой виднелась глубокая ссадина. Мартин промыл её и перевязал чистой полосой ткани. Якуб наблюдал за ним.

Якуб смотрел на пустое место, где прежде стояли их повозки. Он боялся не только разбитого обоза, но и разговора с Маттиасом: кто поверит, что они не могли спасти больше? Мартин затянул повязку на его ладони. Сам он уже перебирал в памяти уцелевшие бумаги и людей, способных подтвердить случившееся.

Мартин затянул повязку.

— Тогда покажем всё, что осталось.

Он достал сумку с документами. Большая часть бумаг сохранилась. Но окончательной записи о приёме груза не было. Некоторые товары уже передали королевским служащим, другие остались на захваченных повозках. Доказать точное количество утраченного теперь будет трудно. Матей подошёл ближе.

— Главное, люди живы.

Мартин кивнул. Но старший возчик заметил, что он всё ещё смотрит на бумаги.

— Не считай сегодня, — сказал Матей. — Завтра разберёмся.

Мартин убрал сумку. Через некоторое время Якуб спросил, правда ли, что королевское войско разбито.

— Не знаю, — ответил Мартин. — Мы видели только лагерь.

— Но наши ведь сначала побеждали.

— Возможно.

Юноша опустил голову.

— Я думал, они всех прогонят.

Мартин посмотрел на него. Ещё утром Якуб стоял возле дороги, восхищаясь вооружёнными всадниками. Теперь он сидел в сыром лесу, без своей сумки, с перевязанной рукой и не знал, удастся ли вернуться домой. Мартин хотел сказать что-нибудь ободряющее, но подходя-

щих слов не нашёл. Вместо этого достал остаток хлеба и разделил между людьми. Ночью со стороны дороги несколько раз доносился топот лошадей.

Каждый раз Матей поднимался, прислушивался и осторожно подходил к краю ложбины. Но никто не обнаружил их стоянку. На рассвете они снова отправились в путь. Дорога оказалась заполнена бегущими людьми. Некоторые двигались пешком, другие ехали на уставших лошадях. Среди них встречались раненые, вооружённые слуги и рыцари, потерявшие своё имущество. Мартин несколько раз останавливался, чтобы пропустить большие группы.

Возле небольшой речки они увидели человека, сидевшего на берегу. Он был в дорогом, но сильно повреждённом вооружении. Шлем лежал рядом, волосы слиплись от пота и грязи. Мужчина пытался снять сапог, однако не мог согнуться из-за боли. Матей подошёл первым.

— Что с ногой?

— Не знаю. Лошадь упала.

Мартин помог снять сапог. Щиколотка сильно распухла. Мужчина не мог наступить на ногу. Пришлось посадить его на одну из лошадей. Рыцарь назвался Богуславом и спросил, не встречали ли они людей его хоругви. Мартин ответил, что видел множество отступавших, но не знает их имён. Богуслав рассказал, что потерял дядю возле заболоченного прохода.

— Он остался сражаться, — сказал юноша. — Я пытался вернуться.

Мартин помог ему удобнее устроиться в седле.

— Сейчас тебе нужно добраться до безопасного места.

— А если он жив?

— Тогда будет искать своих.

Богуслав не возразил. Они продолжили путь. Возле следующего селения обнаружили небольшое скопление людей. Несколько повозок стояли поперёк дороги. На одной лежали раненые, другие были нагружены оружием и личными вещами. Среди собравшихся находился человек, служивший при королевском обозе. Мартин узнал его по одежде. Он спросил, где теперь находится король.

— Ушёл с охраной, — ответил служащий. — Говорят, направился к Накло.

— А войско?

Мужчина покачал головой.

— Кто где.

Он рассказал о захваченной артиллерии, о потерянных обозах и о многочисленных пленниках. Некоторые высокопоставленные люди исчезли во время сражения. Судьба других уже была известна. Пётр Вода из Щекоцин погиб. О Миколае Шарлейском говорили, что он попал в плен. Мартин слушал и постепенно понимал масштаб случившегося.

У обочины сидел возчик и пытался связать оборванным ремнём два колеса, которые уже не подходили к оси. Напротив него стоял рыцарь без шлема: он предлагал коня в обмен на место для раненого товарища. Вчера за подобную лошадь платили бы дорого, а теперь возчик только покачал головой — повозка не выдержит ещё одного человека. Мартин прошёл мимо и впервые вполне понял, что произошло с королевским войском. Там, где утром были обозы, хоругви и назначенные начальники, теперь каждый отдельно искал дорогу, воду и человека, который согласится помочь.

Один рыцарь искал брата. Другой расспрашивал о слуге, который должен был вывести запасную лошадь. Пожилой мужчина ходил между повозками, называя имя сына. Ему отвечали, что такого человека не видели. Иногда находился кто-нибудь, кто помнил пропавшего. Но чаще люди только качали головами. Мартин помог посадить Богуслава возле раненых и попросил одного из сопровождавших записать его имя.

Юноша схватил его за рукав.

— Ты едешь в Данциг?

— Да.

— Если узнаешь о моём дяде...

Он назвал имя и место, откуда они прибыли. Мартин записал сведения.

— Постараюсь передать, если что-нибудь услышу.

Богуслав отпустил его руку. Маргарета всё это время стояла неподалёку, держа сына за плечо. Когда они снова вышли на дорогу, женщина спросила, могут ли среди возвращавшихся быть люди, знавшие её мужа. Мартин посмотрел на неё.

— Может быть.

— Тогда я хотела бы расспросить.

Он согласился. Они остановились возле следующей группы. Маргарета назвала имя мужа и объяснила, что тот весной ушёл с вооружёнными людьми, действовавшими под Хойнице. Один из солдат припомнил человека с таким именем, но не был уверен, что речь идёт о её муже. Женщина расспрашивала его долго. Мартин не вмешивался. Когда разговор закончился, Маргарета вернулась к лошадям.

— Он не знает, — сказала она.

Мартин кивнул. Женщина взяла сына за руку и пошла дальше.

Возле повозки Маргарета вдруг попросила у Мартина тот лист, на котором он записывал имена потерявшихся. Сама она писать не умела, но заставила его ещё раз повторить имя мужа, название селения и приметы его одежды. Потом указала на один из соседних дворов, где женщины давали раненым воду, и попросила оставить там вторую запись. Мартин не был уверен, что кто-нибудь прочтёт её вовремя. Всё же он оторвал чистый край от торгового листа, записал необходимые сведения и передал хозяйке двора. Маргарета проследила, чтобы женщина спрятала бумагу от дождя. Лишь после этого согласилась ехать дальше. У неё больше не было возможности идти за каждым отступавшим и задавать один и тот же вопрос.

К вечеру следующего дня Мартин нашёл место, где можно было остановиться на ночлег. Небольшой постоялый двор оказался переполнен. В комнатах лежали раненые, конюшни заняли чужие лошади, а возле колодца стояли несколько повозок, повреждённых в дороге. Хозяин отказался принимать новых постояльцев. Мартин предложил заплатить за место под навесом. После недолгого спора договорились, что люди смогут переночевать возле хозяйственных построек, а лошадям выделят немного овса.

Матей отправился за водой. Якуб помогал Маргарете устраивать постель для мальчика. Мартин сел возле стены и достал записи. Он хотел составить полный перечень утраченного имущества, пока ещё помнил подробности. Но едва начал писать, как обнаружил, что путает количество мешков, переданных королевским служащим, с теми, которые оставались на повозках. Пришлось заново разобрать документы.

В одном месте сохранилась отметка о приёме части зерна. В другом — подпись служащего, удостоверявшая прибытие обоза. Однако несколько позиций оставались без подтверждения. Мартин провёл рукой по лицу. Рядом сел Матей.

— Много потеряли?

— Две повозки с грузом. Часть третьей успели разгрузить.

— Лошадей тоже.

— Да.

Матей помолчал.

— Люди-то целы.

Мартин отложил бумагу.

— Ты это уже говорил.

— Потому что ты всё время считаешь бочки.

Мартин посмотрел на него. Старший возчик не улыбался. Он был из тех людей, которые редко говорили о собственных переживаниях. Но сейчас в его голосе слышалась усталость, которой Мартин прежде не замечал.

— Я видел, как возле лагеря убили человека, — произнёс Матей. — Он стоял у телеги, хотел успокоить лошадь. Может, даже не понял, кто на него напал.

Мартин молчал.

— Я его знал, — продолжил старший возчик. — Ездил с ним прошлой осенью. Хороший был работник.

Он поднялся.

— Иди спать. Утром надо будет искать корм.

Матей ушёл к лошадям. Мартин остался возле стены. Он снова посмотрел на ведомости, затем медленно сложил их и убрал в сумку. В доме зажгли светильники. Из открытой двери доносились стоны раненого. Кто-то просил воды. Хозяин ругался с возчиком, который попытался поставить лошадь в уже занятую конюшню. На дворе было прохладно. Мартин поднялся и направился к Маргарете.

Женщина сидела возле спящего сына. Рядом лежали их немногочисленные вещи.

— Завтра попробуем найти повозку до Данцига, — сказал он. — Дальше пешком ребёнку будет тяжело.

Маргарета поблагодарила. Мартин хотел уйти, но она остановила его.

— А если муж вернётся домой?

Он не сразу понял.

— В деревню?

— Да. Если его отпустят или он сам вернётся. Он не будет знать, куда мы уехали.

Мартин подумал.

— Оставим известие у хозяина дома. Если он вернётся, ему скажут, где искать вас.

— А если дом сгорел?

Мартин не нашёлся с ответом. Маргарета посмотрела на ребёнка.

— Он обещал вернуться после жатвы.

Она осторожно поправила плащ, которым укрыла сына.

— Теперь жатва прошла.

Мартин постоял ещё немного. Потом вернулся к своим вещам.

Двадцатого сентября, когда первые более обстоятельные известия достигли прусских городов, в Данциге начали выяснять размеры потерь. Маттиас получил сообщение о разгроме ещё до того, как узнал судьбу отправленного им обоза.

Посланник рассказал о поражении королевского войска, захваченных орудиях и многочисленных погибших. Он не смог назвать точное число людей, сумевших отступить. Известия приходили разрозненно, а некоторые сообщения противоречили друг другу. Маттиас велел записать всё, что удалось установить. Затем приказал проверить, какие торговые обозы и городские поставки находились на западных дорогах.

В конторе началась работа. Писари развернули книги. Служащие приносили сведения о грузах, выданных под королевские обязательства. Несколько купцов явились лично, пытаясь узнать судьбу своих людей. К полудню стало известно, что обоз Мартина Краузе действительно находился неподалёку от Хойнице. Дальше след обрывался. Маттиас отправил человека к ближайшей дороге, по которой возвращались беглецы. Затем поручил другому служащему расспросить прибывших возчиков.

Сам он остался за столом. Перед ним лежала книга Хеннинга Бранта, в которой ещё весной Мартин аккуратно записывал закупки зерна и стоимость перевозок. Маттиас перелистал несколько страниц.

Он помнил, как впервые поручил молодому человеку самостоятельную поездку. Мартин тогда тщательно проверил договоры, несколько раз пересчитал деньги и долго расспрашивал старших работников о состоянии дорог. Теперь его судьба была неизвестна. В дверь постучали.

Вошёл Томас Лемке. Он принёс сведения о собственном товаре, отправленном в западные земли, и сразу спросил, что произошло под Хойнице.

Маттиас пересказал известное. Лемке выслушал, тяжело опустился на скамью и некоторое время молчал.

— Значит, городские займы теперь не вернут?

— Почему ты решил?

— Потому что войско разбито. Груз захвачен. Королевская казна и прежде задерживала выплаты.

Маттиас закрыл книгу.

— Сначала нужно установить потери. Потом будем требовать возмещения.

Лемке покачал головой.

— Ты всё ещё веришь в эти записи.

— Верю в то, что без них нам не вернут ничего.

Лемке хотел возразить, но заметил, что Маттиас устал. Он спросил о Мартине.

— Пока нет известий.

Томас поднялся.

— Если что-нибудь узнаю от своих возчиков, сообщу.

Маттиас поблагодарил его. После ухода Лемке он вернулся к книге. Работа продолжалась до вечера. На столе росла стопка требований, долговых записей и сведений о пропавших грузах. Но Маттиас всё чаще прислушивался к шагам в коридоре. Он ожидал известий о Мартине.

Вечером того же дня Мартин Краузе ехал на чужой повозке, направлявшейся к Данцигу. Ему удалось договориться с перевозчиком, возвращавшимся с западных дорог. Тот согласился взять Маргарету с ребёнком и часть вещей, но предупредил, что за лошадей и корм придётся заплатить отдельно. Мартин расплатился из денег, оставшихся после потери обоза. Матей и Якуб ехали рядом на уцелевших лошадях.

Дорога была тяжёлой. После недавних дождей колёса вязли в мягкой земле, а на некоторых участках приходилось двигаться медленно из-за встречных людей. Мартин несколько раз останавливал повозку, чтобы поправить груз. Маргарета почти не разговаривала. Её сын спал, положив голову ей на колени. В руках ребёнок держал деревянную лошадку с отломанным ухом.

В какой-то момент Мартин заметил, что мальчик проснулся и смотрит на него.

— Мы уже едем домой?

Мартин хотел ответить, что они направляются в Данциг, к сестре матери мальчика. Но понял, что ребёнок спрашивает о другом доме.

— Пока едем туда, где сможете остановиться, — сказал он.

Мальчик задумался.

— А отец нас найдёт?

Маргарета отвернулась к краю повозки. Мартин посмотрел на дорогу.

— Мы оставим ему известие, где вас искать.

Ребёнок кивнул и снова лёг на колени матери. Матей ехал впереди. Он время от времени оборачивался, проверяя, не отстала ли повозка. Якуб держался возле него. Молодой возчик уже не расспрашивал о королевских хоругвях и не пытался разглядеть вооружённых людей, встречавшихся на дороге. В сумерках они остановились у небольшого придорожного креста. Перевозчик хотел дать лошадям отдохнуть.

Пока животные пили воду, Мартин достал из сумки бумаги и нашёл запись, сделанную перед отправлением из Данцига. В ней значились пять повозок, количество зерна, солонины, железных принадлежностей и размер платы возчикам. Он долго смотрел на цифры. Потом вынул чистый лист и начал составлять новый перечень: сохранившиеся деньги, документы, три лошади, люди, вернувшиеся с ним.

Записывая имена, он остановился на последней строке. Матей. Якуб. Маргарета. Её сын. Мартин медленно положил бумагу на колено. Эти люди не входили в одну торговую ведомость. Маргарета с ребёнком вообще не имели отношения к доставленному грузу. Но сейчас все они ехали одной дорогой, зависели от одного перевозчика и от тех денег, которые удалось сохранить.

Он сложил лист и убрал обратно. Перевозчик позвал людей занимать места. Мартин помог Маргарете подняться на повозку, затем проверил, хорошо ли закреплены вещи. Матей уже выводил лошадей на дорогу. Небо темнело.

Издалека доносился звон колокола в небольшом селении. На обочине стояли две пустые повозки, оставленные неизвестными хозяевами. Одно колесо было снято, другое лежало рядом, наполовину погрузившись в грязь. Мартин прошёл мимо. Он не знал, сколько людей ещё осталось на дорогах после разгрома и сколько семей ожидали известий о тех, кто не вернулся.

Но ему предстояло доставить своих спутников в Данциг, рассказать Маттиасу о потерянном грузе и объяснить, почему на нескольких строках ведомости теперь невозможно поставить подпись получателя. Повозка медленно покатилась вперёд. Мартин некоторое время шёл рядом, прислушиваясь к скрипу колёс. Затем взялся за край кузова и поднялся на подножку. За его спиной оставались дороги, ведущие к Хойнице.

Там ещё собирали погибших, разыскивали раненых и считали захваченные повозки. В укреплённом городе принимали победителей, а в орденском лагере распределяли добычу и готовили новые распоряжения. Мартин этого уже не видел.

Он сидел возле мешков с уцелевшими вещами, придерживая рукой сумку с документами. Иногда повозку сильно встряхивало на ухабах, и он помогал Маргарете удержать спящего ребёнка. Когда совсем стемнело, Матей приказал зажечь небольшой фонарь. Его слабый свет ложился на мокрую дорогу. Обоз продолжал движение к Данцигу.

Глава 35. После победы

Пруссия. Сентябрь — октябрь 1454 года.

В Данциг Мартин Краузе вернулся с тремя уцелевшими лошадьми, испачканными расписками и людьми, которым обещал помочь. Обоза больше не было. Когда показались знакомые крыши, он не почувствовал облегчения: впереди ожидал разговор об утраченных товарах, а за спиной, на повозке, спали те, кого удалось вывезти из-под Хойнице.

У городских ворот стража задержала их, как и всех прибывавших с западной дороги. Караульный долго рассматривал испачканные бумаги, спрашивал о пропавших повозках и о том, какие отряды видели за городом. За Мартином тем временем беспокойно переступала лошадь; мальчик в повозке проснулся и стал звать мать. Он отвечал на вопросы всё короче, боясь, что при каждом новом расспросе снова услышит крики отступавших.

Пока караульный сверял последние строки, Мартин не выпускал из виду повозку. Маргарета придерживала сына, ещё не проснувшегося после дороги; Матей отошёл к лошадям, чтобы те не мешали другим прибывшим. В городе от Мартина потребуют отчёта об утраченных товарах, но сейчас он боялся прежде всего другого: довезти спасённых до ворот и оставить их здесь, среди чужих улиц, без человека, который знает, куда идти.

По распискам можно было установить только груз, принятый до сражения. Остальное исчезло вместе с обозом и людьми, отвечавшими за разгрузку. Мартин передал караульному сохранившуюся запись. Бумага была испачкана грязью и кровью, но печать ещё различалась. Он старался смотреть на неё как на документ: иначе приходилось вспоминать тот участок дороги, где уже нельзя было повернуть обратно.

Стражник наконец вернул документы.

— Поезжайте. Только у городского служащего отметьтесь. Теперь всех прибывающих с той дороги записывают.

Мартин поблагодарил его и повёл лошадь за ворота. Город встретил их обычным шумом, который после нескольких дней на военных дорогах показался почти непривычным. По улицам двигались нагруженные повозки, возле мастерских работали ремесленники, у торговых рядов спорили покупатели. Из пекарен тянуло тёплым хлебом. Где-то за домами звонил колокол, на пристанях перекликались грузчики.

Но и здесь уже чувствовалось влияние разгрома. Возле ратуши собрались люди, ожидавшие новых известий. У церковных дверей женщины расспрашивали прибывших с запада. На одной из улиц Мартин увидел пожилого мужчину, который остановил незнакомого всадника и долго показывал ему небольшую деревянную дощечку с вырезанным именем. Всадник отрицательно покачал головой.

Старик убрал дощечку под плащ и остался возле стены, словно ожидал следующего всадника. Мартин хотел подойти, но не знал, что сказать: имени, вырезанного на дереве, он не успел разглядеть. В торговом доме Маттиас сидел над книгами и поднял голову с привычной досадой занятого человека, которому помешали работать.

Он узнал Мартина не сразу. Лишь когда тот снял шапку, Маттиас заметил осунувшееся лицо и след от разорванного воротника; перо замерло у него в руке.

— Ты вернулся.

Мартин кивнул. Маттиас поднялся, обошёл стол и крепко пожал ему руку. Он заметил разорванный край куртки, грязь на сапогах, усталое лицо, но не стал сразу расспрашивать.

Маттиас прежде всего спросил, кто вернулся живым. Мартин назвал своих людей и показал перевязанную руку Якуба; рана была неприятной, но не опасной. Остальные, добравшиеся с ним до Данцига, уцелели. Лишь после этого управляющий смог спокойно выдохнуть.

Маттиас медленно выдохнул.

— Хорошо. Садись.

Мартин не сел.

— Я потерял две повозки. На третьей тоже осталось имущество. Часть продовольствия успели принять, но подтверждение у меня неполное.

— Об этом потом.

— Нет. Мне нужно объяснить сейчас.

Маттиас посмотрел на него внимательнее.

— Ты успел поесть?

— Утром.

— Тогда сначала поешь. После разберём бумаги.

Мартин хотел возразить, однако управляющий уже позвал служителя и велел принести хлеб, сыр и тёплую похлёбку. Пока готовили еду, Мартин рассказал о Маргарете и её сыне. Сестра женщины жила в Данциге, но точного расположения дома она не знала. Им удалось установить только название улицы и приблизительное место возле небольшого ремесленного двора.

Маттиас распорядился отправить с ней человека, хорошо знавшего город. До тех пор Маргарета могла оставаться в помещении при складе, где обычно размещали работников, прибывавших с дальних перевозок.

Мартин признался, что заплатил за дорогу Маргареты из общей дорожной суммы. Маттиас велел вынести расход в отдельную запись, но не стал расспрашивать о праве на возмещение. Мартин ожидал замечания и потому не сразу понял, что управляющий уже направился поручить служителю найти для женщины жильё.

Маттиас уже направился к двери, когда Мартин окликнул его. Оставалось сказать то, чего нельзя было вписать в обычную расходную ведомость.

— Её муж служил под Хойнице. Она не знает, жив ли он.

Маттиас обернулся.

— Имя записал?

Мартин достал листок. Управляющий прочитал его и положил рядом с другими сведениями о пропавших людях. Вернулся к своему столу.

— Теперь садись.

Мартин впервые за много дней ел не торопясь. Похлёбка была горячей, с густой крупой и кусочками овощей. Он сначала почти не чувствовал вкуса, затем понял, насколько голоден. Маттиас не задавал вопросов, пока тарелка не опустела. После обеда они занялись документами.

Мартин разложил бумаги в порядке составления. Сначала показал договоры с возчиками, затем ведомости закупленного товара, удостоверение о прибытии к королевскому войску и отдельные записи о частичной разгрузке. Он объяснял каждую строку, стараясь ничего не пропустить. Маттиас слушал внимательно.

Иногда просил повторить обстоятельства. Несколько раз уточнял, кто присутствовал при передаче товара. Когда дошли до утраченных повозок, Мартин подробно описал нападение на лагерь и решение вывести людей через деревню.

— Можно было попытаться спасти ещё одну, — сказал он. — Если бы мы раньше начали готовиться.

— Когда ты понял, что лагерь атакован?

— Когда от города побежали стражники.

— А до этого?

— Мы слышали, что наши побеждают.

— Значит, ты не мог знать, что придётся уходить.

Мартин промолчал. Маттиас раскрыл одну из ведомостей.

— За эти повозки придётся отвечать. Владельцы потребуют возмещения, городские власти захотят проверить поставки, а часть расходов, возможно, не признают. Всё это неприятно. Но я не собираюсь спрашивать, почему ты не остался под ударами неприятельской конницы, чтобы охранять бочки с солониной.

Мартин опустил глаза.

— Там погиб один возчик, которого знал Матей.

— Из наших?

— Нет. Но прежде они вместе ездили.

Маттиас закрыл книгу. Они некоторое время сидели молча. За окном слышалось, как грузчики передвигают тяжёлую бочку по деревянному настилу. Один из работников громко ругался на другого, требуя придерживать груз. Этот обычный складской шум прежде казался Мартину утомительным. Теперь он слушал его почти с удовольствием. Маттиас попросил оставить документы до следующего утра.

— Сегодня я больше не стану тебя мучить. Сходи домой, вымойся, выспись. Завтра начнём разбирать счета вместе.

Мартин поднялся. У двери он остановился.

— Маттиас, я видел королевское войско перед сражением. Столько людей, лошадей, оружия. Мне казалось, такую силу невозможно разбить.

Управляющий посмотрел на него.

— А потом?

— Потом всё стало происходить одновременно. Никто не знал, куда бежать, чьи повозки вывозить, кого слушать. Я даже не понял, когда наши перестали побеждать.

Маттиас подошёл к окну.

Маттиас заговорил о слухах, будто король снова собирает войско, и спросил, верит ли Мартин этим разговорам. Тот не знал, когда состоится новый поход, но теперь слишком хорошо понимал, с чего должна начинаться подготовка к нему.

— Если соберёт, ему понадобится кто-нибудь, кто заранее позаботится о дорогах.

Маттиас повернулся. Он хотел ответить, но Мартин уже направился к выходу. Вечером управляющий ещё раз просмотрел принесённые бумаги. Среди них находился лист, на котором Мартин перечислил уцелевших людей. Имена были записаны отдельно от имущества. Последними стояли Маргарета и её сын. Маттиас задержался на этой строке.

Покойный Хеннинг Брант не раз говорил, что торговый дом держится не только на товарах и деньгах, но и на людях, которым можно доверять. Маттиас часто вспоминал эти слова, особенно когда приходилось принимать трудные хозяйственные решения. Теперь он положил список людей поверх книги утраченного имущества. И лишь после этого погасил светильник.

Наутро Маттиас распорядился отправить запросы в Торн и к людям, составлявшим списки пленных. Писарь удивился: потерянные повозки грозили торговому дому немедленными и весьма крупными требованиями, тогда как поиски чужого мужа не обещали вернуть ни одной монеты. Маттиас не спорил о пользе этой работы. Он потребовал лишь, чтобы имя пропавшего не исчезло из письма среди перечней захваченного зерна и лошадей. За отправку посланника пришлось заплатить из тех же денег, которые берегли для необходимых торговых расходов. Управляющий внёс платёж в отдельную строку и сам подписал её. Мартина он не позвал: молодой человек впервые за много дней спал дома, а завтрашние счета никуда не денутся.

Двадцать первого сентября осаждавшие Мариенбург начали снимать свои позиции. Генрих Линде увидел первые признаки отступления ещё утром. С башни, куда его отправили проверить состояние запасных креплений, он заметил движение возле неприятельских земляных сооружений. Люди разбирали деревянные укрытия, уводили лошадей, готовили повозки. Там, где прежде постоянно стояли караулы, оставалось всё меньше вооружённых людей.

Сначала Генрих решил, что противник готовит очередное перемещение сил. Подобные действия происходили и раньше. Иногда осаждающие оставляли один участок, чтобы укрепиться на другом, иногда уводили людей с речных подходов и через несколько дней возвращались с новыми орудиями. Но к полудню стало ясно, что дело не ограничивается обычной перестановкой. Уходили большие отряды.

Известие о поражении королевского войска под Хойнице уже достигло замка. Весь предыдущий день братья и служащие обсуждали его, пытаясь выяснить подробности. Одни уверяли, что польский король едва избежал плена. Другие говорили о захваченной артиллерии и гибели множества рыцарей. Некоторые цифры выглядели невероятными, но никто не сомневался в самом факте победы.

Теперь её последствия можно было наблюдать собственными глазами. Генрих спустился во двор. Возле складов собрались несколько служителей. Они разглядывали уходивших осаждающих и громко поздравляли друг друга. Один из молодых воинов уверял, что неприятель больше не осмелится приблизиться к Мариенбургу. Генрих прошёл мимо, не присоединяясь к разговору.

Ему предстояло проверить припасы для отряда, которому поручили обследовать оставленные неприятелем позиции. Люди готовились выйти за пределы укреплений и установить, какие сооружения ещё пригодны для использования, не оставлено ли оружие и нет ли поблизости скрытых неприятельских постов. В кладовой Генрих встретил Маттиаса фон Розенберга. Тот держал в руках несколько ключей и пытался выяснить, сколько свободных повозок осталось при хозяйственном дворе.

— Две исправные, — ответил Генрих. — У третьей повреждена ось.

— Починить можно?

— К вечеру. Если кузнец освободится.

Маттиас велел подготовить исправные повозки и выделить людей для сбора оставленных материалов.

— Дерево тоже брать? — спросил Генрих.

— Всё пригодное. Особенно железо, инструмент и целые балки.

Генрих кивнул. На дворе по-прежнему царило оживление. Из верхнего замка доносился колокольный звон. Несколько братьев направлялись к часовне. Возле конюшен готовили лошадей для посланников. Генрих остановился у ворот и посмотрел наружу. Впервые за долгие месяцы дорога к ближайшим хозяйствам не была постоянно перекрыта неприятельскими постами. Он вспомнил Торн.

Там его дом находился недалеко от старого места службы. Утром можно было услышать шаги людей, спешивших на рынок, и знакомые голоса перевозчиков. Иногда Генрих встречал Отто Беренса ещё до начала караула, когда тот шёл к складам. Они вместе обсуждали хозяйственные дела, жаловались на неисправные ворота и спорили о том, кто должен платить за ремонт дорожных заграждений.

Теперь Генрих находился в Мариенбурге, а Отто служил городскому управлению, признавшему польского короля. Победа под Хойнице ничего не изменила в их положении. Вскоре открыли ворота. Генрих выехал вместе с небольшим отрядом.

За пределами замка земля была изрыта. В местах, где неприятель устанавливал орудия, оставались углубления, следы тяжёлых колёс и разрушенные деревянные настилы. Неподалёку от одного земляного укрепления лежали сломанные носилки. На их перекладине засохла кровь. Люди начали осматривать оставленное имущество.

Сначала нашли несколько лопат, затем повреждённое колесо, железные скобы и остатки верёвок. В одном из укрытий обнаружили мешок испорченного зерна. Под навесом сохранилась связка стрел, но большая часть оказалась подмоченной. Генрих велел отделять пригодное от негодного. Возле разрушенного укрепления один из служителей позвал его. Под обвалившимися досками обнаружили человека.

Тот был ещё жив. Мужчина лежал на боку, прижав одну руку к груди. Нога оказалась придавлена тяжёлой балкой, и самостоятельно выбраться он не мог. Одежда была грязной, лицо покрывала засохшая кровь. Судя по снаряжению, он принадлежал к осаждавшим. Молодой орденский воин, первым подошедший к нему, вытащил меч. Генрих остановил его.

— Убери.

— Это неприятель.

— Вижу.

Они вместе подняли балку. Мужчина застонал. Генрих помог вытащить ногу и увидел, что она сильно повреждена. Пришлось разрезать часть одежды, чтобы осмотреть рану.

— Воды, — попросил раненый.

Генрих передал ему флягу. Тот пил медленно, несколько раз останавливаясь.

— Остальные ушли? — спросил он.

— Ушли.

Мужчина закрыл глаза.

— Меня должны были забрать.

Генрих не ответил. Люди принесли носилки. Раненого осторожно переложили и понесли к повозке. Один из орденских воинов спросил, куда его доставить.

— В замок. К лекарю.

— А потом?

— Потом решат, что с ним делать.

Когда вернулись во двор, возле ворот собрались любопытные служители. Некоторые хотели посмотреть на пленного, другие расспрашивали о найденном оружии. Генрих приказал освободить дорогу. Раненого перенесли в помещение, где прежде лечили людей из замковых отрядов. Маттиас встретил их там. Он осмотрел пленного и спросил, известно ли его имя.

— Пока нет, — ответил Генрих. — Говорит с трудом.

Маттиас велел записать обстоятельства обнаружения. Когда носильщики ушли, он задержался рядом с Генрихом.

Маттиас хотел услышать, считает ли Генрих отступление осаждавших концом опасности. Тот покачал головой. Гарнизон никуда не исчез, как и долги, накопившиеся за месяцы осады. Входящие в ворота люди уже ожидали новых выдач со складов.

Маттиас посмотрел на него. Генрих продолжил:

— Теперь придут новые люди. Нужно будет кормить их лошадей, выдавать зерно, устраивать на постой. Если привезут раненых из-под Хойнице, понадобится ещё место.

Маттиас невольно усмехнулся.

— Ты умеешь находить работу даже после победы.

— Она сама находится.

Они вышли во двор. Верхние стены Мариенбурга освещало осеннее солнце. Со стороны Ногата тянуло влажным ветром. Несколько служителей катили повозку с найденными досками, возле конюшен переговаривались вернувшиеся всадники. Генрих остановился. Вчера ему казалось, что осада может продолжаться ещё много месяцев. Сегодня неприятель уходил, и за стенами открывалась прежняя дорога.

Но дома, куда Генрих хотел бы вернуться, на этой дороге не было. Он направился к складам.

Великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен принял известие о снятии осады без шумного торжества. Он велел отслужить благодарственную молитву, распорядился отправить послания в орденские владения и потребовал представить сведения о состоянии дорог. Но когда после службы к нему пришли сановники, разговор быстро перешёл от победы к тому, что следует делать дальше.

На столе лежала карта Пруссии. Места, находившиеся под властью Прусского союза, были обозначены отдельно от орденских владений. За последние месяцы таких отметок стало слишком много. Теперь некоторые командоры и старшие служители предлагали немедленно использовать успех под Хойнице для возвращения потерянных городов. Людвиг выслушал их.

Он действительно получил возможность действовать, которой ещё недавно не имел. Победа открывала путь новым отрядам, изменяла настроение колебавшихся рыцарей и городских советов. Люди, весной поспешившие признать новую власть, теперь могли задуматься о собственной безопасности. Но требовалось решить, какими силами воспользоваться этой возможностью. Маттиас фон Розенберг представил сведения о запасах.

Продолжительная осада не уничтожила продовольственных хранилищ замка, однако расходы оказались значительными. Кроме того, прежние источники доходов ещё не восстановили. Некоторые хозяйства разорили вооружённые отряды. Другие находились в руках неприятеля. Через третьи проходили войска, требовавшие корм и перевозочные средства. Один из сановников заметил, что после победы можно вновь потребовать положенные сборы.

— Потребовать можно, — сказал Маттиас. — Но прежде нужно установить, где их действительно сумеют собрать.

— Вчера ты говорил о недостатке денег. Сегодня неприятель ушёл. Разве это ничего не изменило?

— Изменило положение на дорогах. Но сборы ещё не поступили.

Великий магистр отложил документ. Ему не нравилась такая осторожность. Однако он понимал, что Маттиас не преувеличивает трудности. Большая часть вооружённых людей, благодаря которым одержана победа, состояла на денежной службе. Обязательства перед ними были вполне определёнными. Один из братьев предложил направить новые требования о помощи в германские владения Ордена.

Другой напомнил, что там тоже собирают средства и не всегда могут быстро перевести их в Пруссию. Людвиг выслушал обоих.

— Составьте перечень всего, что можно получить до зимы, — распорядился он. — Отдельно укажите денежные поступления и имущество, которое придётся продавать или отдавать под обеспечение долга.

Маттиас сделал запись. Великий магистр спросил о командирах наёмных отрядов. Их ждали в Мариенбурге. После победы они требовали не только распоряжений о дальнейших действиях, но и исполнения заключённых договоров. Некоторые люди уже открыто говорили, что не намерены продолжать службу без окончательного расчёта. Людвиг поднялся. Он подошёл к окну, выходившему во внутренний двор.

Внизу проходили братья в белых плащах. Рядом работали слуги, переносившие мешки с зерном. Возле стены стояли вооружённые наёмники. Их одежда и снаряжение отличались от орденских, но именно они теперь составляли значительную часть военной силы, на которую мог опереться великий магистр. Людвиг долго смотрел на них. Затем повернулся к присутствовавшим.

— Пусть командиры явятся. Будем говорить о жалованье.

Он произнёс это спокойно. Но Маттиас заметил, что великий магистр уже несколько раз возвращался к одному и тому же листу с расчётами. Там была указана сумма, которой в казне не имелось.

В Эльбинге Иоганн фон Байзен получил известие об отступлении от Мариенбурга вместе с донесением о потере Штума. Письма доставили почти одновременно. Одно привёз человек из осадного войска, другое передали через рыцаря, покинувшего окрестности крепости после того, как положение союзных отрядов стало опасным.

Иоганн находился в комнате, окна которой выходили на внутренний двор. Утром ему удалось немного пройтись, но затем боль усилилась, и пришлось вернуться в кресло. Возле стола стоял Вильгельм Иордан с приготовленными бумагами. Стибор фон Байзен, приехавший накануне, разбирал сведения о состоянии прусских гарнизонов.

Посланник из-под Мариенбурга был молодым человеком. На его сапогах засохла грязь, плащ оказался разорван возле плеча. Он говорил быстро, стараясь ничего не забыть, но несколько раз возвращался к уже рассказанному. Иоганн остановил его.

— Сначала скажи, что стало с людьми, оставшимися у осадных укреплений.

Посланник объяснил, что основную часть войска удалось вывести. Артиллерию и тяжёлое имущество спасли не полностью. Некоторые повозки бросили, поскольку для их перевозки не хватало лошадей. Отдельные отряды уходили разными дорогами, опасаясь преследования.

— Раненые?

— Кого смогли, увезли.

— Сколько осталось?

Молодой человек опустил глаза.

— Точного числа не знаю.

Стибор подошёл к столу.

— Кто приказал отступать?

Посланник назвал нескольких командиров и объяснил обстоятельства. После известия о поражении под Хойнице настроение осаждавших резко изменилось. Одни требовали немедленно уходить, другие надеялись сохранить позиции, ожидая подкреплений. Но теперь уже никто не мог обещать, что войско получит необходимые средства и продовольствие. Иоганн слушал молча.

Он сам находился возле Штума незадолго до сражения и хорошо знал, какие силы приходилось собирать для продолжения осады. Каждая повозка с хлебом, каждое орудие, каждая партия железа доставались городам и рыцарству большими расходами. Теперь значительная часть этих усилий оказалась утраченной за несколько дней. Посланника отпустили отдыхать. Стибор развернул второе письмо.

В Штуме, который ещё в августе перешёл под власть союза, положение также изменилось. После поражения королевского войска удержать укрепление не удалось. Слабый гарнизон не располагал достаточными средствами для продолжительной обороны, и крепость вновь оказалась под властью Ордена. Стибор прочитал донесение до конца и положил его перед старшим братом.

Иоганн долго смотрел на бумагу.

— Кто из наших людей сумел выйти?

Стибор назвал имена нескольких человек, о которых имелись известия. Судьба остальных оставалась неясной.

— Томас Залевит? — спросил Иоганн.

— Говорят, он остался в крепости до переговоров о сдаче.

Иоганн потребовал выяснить, что стало с гарнизоном и были ли соблюдены условия капитуляции. Стибор сел напротив. Он понимал, что брат устал, но не мог откладывать разговор. Во многих местах теперь ожидали распоряжений от губернатора Пруссии. Городские советы хотели знать, намерен ли король прислать новые силы. Рыцари спрашивали, следует ли готовить собственные отряды. На дорогах появились люди, которые уже открыто обсуждали возвращение под власть великого магистра.

— Нужно укрепить то, что ещё удерживаем, — сказал Стибор. — Иначе начнут отступать без всякого приказа.

— Сначала надо узнать, сколько людей мы действительно можем поставить под оружие.

— Я уже распорядился составить списки.

— Не только списки. Узнай, кто согласен нести службу и на каких условиях. После Хойнице прежних обещаний недостаточно.

Стибор посмотрел на него с некоторым удивлением. Иоганн продолжил:

— Нельзя отправить приказ в город, где не осталось ни денег, ни хлеба, и считать, что после этого у нас появился гарнизон.

Вильгельм Иордан начал записывать распоряжения. Следовало выяснить положение Эльбинга, Торна, Данцига и других городов, сохранявших верность королю. Необходимо было проверить запасы продовольствия, состояние укреплений и возможность перевозок по Висле. Отдельные послания предназначались рыцарям, чьи владения находились на дорогах, ведущих к Мариенбургу.

Во время работы вошёл служитель и сообщил, что во дворе ожидают люди, прибывшие из оставленного осадного лагеря. Среди них находились раненые. Иоганн велел принять их. Через некоторое время снизу послышался шум. Во двор въехали две повозки, сопровождаемые несколькими всадниками. На одной лежали трое мужчин. Двое могли сидеть, третий оставался неподвижным под шерстяным покрывалом.

Стибор спустился к ним. Возле повозок уже собрались служители. Лекарь, вызванный из соседнего дома, осматривал пострадавших. Один из раненых пытался самостоятельно слезть, но его остановили: нога была перевязана выше колена, и каждое движение причиняло сильную боль. Стибор распорядился освободить помещение в нижнем этаже. В этот момент из ворот вошёл Лукас Реннер.

Он привёз двух плотников для ремонта повреждённого настила во дворе. Работу заказали ещё до прибытия раненых, но теперь выяснилось, что в первую очередь требуется исправить въезд: одно колесо повозки застряло между досками, и люди не могли подвести её ближе к двери. Лукас осмотрел повреждение.

— Нужно поднять край настила, — сказал он. — Если тянуть повозку силой, сломаете ось.

Стибор спросил, сколько это займёт времени.

— Если дадут инструмент и двух работников, недолго.

Он снял плащ, засучил рукава и принялся за дело. Плотники подложили под колесо крепкую доску, затем осторожно приподняли повозку с помощью рычага. Работа была тяжёлой. Лошадей пришлось отпрячь, а нескольких людей попросили поддерживать кузов, чтобы раненые не пострадали от резкого движения. Когда колесо наконец освободили, Лукас заметил, что один из мужчин на повозке смотрит на него.

— Ты из Эльбинга? — спросил раненый.

Лукас подтвердил.

— Я видел тебя на пристани. Ты чинил лодку, на которой перевозили мешки с мукой.

Лукас присмотрелся к нему. Лицо было незнакомым. Но мужчина назвал имя мастера, работавшего рядом с Лукасом, и место, где они встретились. Тогда плотник вспомнил молодого возчика, помогавшего разгружать судно.

— Что с тобой случилось?

— Под Мариенбургом. Ногу задело.

Раненый попытался улыбнуться.

— Лодка твоя тогда хорошо держалась.

Лукас не знал, что ответить. Он помог перенести мужчину в дом и лишь после этого вернулся к повреждённому настилу. Пока плотники работали, во двор спустился Иоганн фон Байзен.

Служитель поддерживал его под руку. Стибор хотел отговорить брата от выхода, но тот настоял на своём. Он прошёл вдоль помещения, где разместили раненых, поговорил с лекарем и спросил, что необходимо для ухода за людьми. Выяснилось, что не хватает чистого полотна, нескольких тюфяков и тёплых одеял. Иоганн велел приобрести всё необходимое за счёт средств, которыми мог распоряжаться.

Стибор подошёл ближе.

Стибор напомнил, что новые укрепления требуют денег и городские расходы уже велики. Иоганн не стал отрицать этого. Но перед ним сидели люди, которые успели послужить союзным властям, а теперь не могли вернуться к прежней работе. Отказав им сегодня, город получил бы завтра не меньше забот, только более жестоких.

Стибор не стал спорить. Один из раненых, услышав разговор, попытался приподняться.

— Господин губернатор...

Иоганн остановился возле него.

— Лежи.

Мужчина хотел рассказать об оставленных товарищах, но голос его дрожал. Он несколько раз начинал и не мог закончить. Иоганн попросил принести воды. Когда раненый успокоился, выяснилось, что при отступлении потеряли повозку с людьми, которых собирались отправить в Эльбинг. Её колесо сломалось возле одной из деревень. Несколько сопровождавших обещали найти другую повозку, но дальнейшая судьба пострадавших оставалась неизвестной.

Иоганн спросил, где это произошло. Мужчина назвал дорогу и ближайшее селение. Губернатор велел Стибору направить туда людей для розыска.

— Дорога может быть занята неприятелем, — заметил тот.

— Тогда пусть сначала выяснят, можно ли пройти. Но знать, что стало с повозкой, необходимо.

Стибор согласился. Когда Иоганн вернулся наверх, Вильгельм Иордан уже приготовил новые бумаги. Среди них лежало письмо от одного из городских советов. Советники спрашивали, следует ли продолжать сбор средств на содержание наёмных воинов после поражения королевского войска. Иоганн прочитал его внимательно.

— Ответим, что сбор следует продолжать.

Вильгельм взял перо. Иоганн добавил:

— И напиши, что деньги предназначаются не только для новых отрядов. Нужно кормить людей, которые уже стоят в крепостях, и оплачивать перевозки. Если поставки прекратятся, мы потеряем больше, чем при одном неудачном сражении.

Он остановился, почувствовав боль. Вильгельм предложил отложить работу. Иоганн покачал головой.

— Закончим письмо.

Ему было трудно сидеть, но он не хотел передавать другим решение, за которое отвечал перед городами и рыцарством. Внизу ещё долго стучали молотки. Лукас Реннер исправлял настил, по которому на следующий день должны были пройти новые повозки.

В Торне Отто Беренс узнал о поражении под Хойнице от человека, потерявшего там старшего сына. Мужчина приехал в город вместе с отступавшими. Он был невысоким, широкоплечим, с рыжей бородой, в которой уже появилась седина. На воротах его куртки сохранились следы засохшей грязи. Отто встретил его возле складов. Незнакомец спрашивал, где можно получить сведения о погибших и пленённых. Ему сказали обратиться в городскую канцелярию, но он не знал дороги.

Отто предложил проводить. По пути мужчина рассказал, что сын служил при одном из королевских отрядов. До сражения они виделись в лагере, вместе ели хлеб и разговаривали о возвращении домой. Во время боя сын находился в коннице, а отец занимался лошадьми и хозяйственными повозками. Когда неприятель ворвался в лагерь, мужчина попытался разыскать его.

— Я думал, он уже вернулся, — объяснил он. — Всё ждал, что появится со стороны дороги. Потом увидел, что люди бегут, и сам ушёл.

Отто слушал молча. Мужчина несколько раз повторил имя сына, словно опасался, что сопровождавший его служащий забудет. В канцелярии их встретил Конрад Вельке. Он уже несколько дней занимался составлением списков людей, о которых поступали известия с западных дорог. Одни записи подтверждали гибель, другие относились к пленным, третьи содержали только сообщения родственников.

Конрад предложил мужчине сесть. Тот отказался.

— Я хочу узнать, жив ли он.

Конрад нашёл соответствующую книгу. Имени не оказалось ни среди погибших, ни среди пленных, о которых имелись достоверные сведения.

— Пока ничего не известно, — сказал он.

Мужчина тяжело опустился на скамью.

— Значит, может быть жив?

— Может.

— А если погиб?

Конрад не ответил сразу. Он не хотел давать человеку надежду, которой не мог подтвердить, но и объявлять сына погибшим не имел права.

— Мы продолжим собирать сведения. Оставьте место, где вас можно найти.

Мужчина назвал дом родственника, у которого собирался остановиться, затем долго искал в сумке небольшой предмет. Наконец достал деревянную ложку.

— Это его. Он оставил у меня перед боем. Сказал, чтобы не потерял.

Конрад осторожно взял ложку. На ручке были вырезаны две буквы.

— Возьмите с собой, — сказал он.

Мужчина покачал головой.

— Я думал, если найдут вещи...

Конрад понял.

— Если появятся сведения, мы сообщим. Ложку не нужно оставлять.

Посетитель взял её обратно. Отто проводил его до выхода. Возле дверей мужчина остановился и спросил, много ли людей погибло.

— Много, — ответил Отто.

— А орденских?

— Тоже погибали.

Мужчина посмотрел на него.

— Ты говоришь так, будто они тебе свои.

— Я прежде служил Ордену.

Незнакомец отступил на шаг. Его лицо изменилось.

— Тогда зачем помогал мне?

Отто не сразу нашёл ответ.

— Ты искал сына.

Мужчина убрал ложку в сумку и ушёл, так и не сказав, кому теперь доверяет. Отто вернулся в канцелярию. Конрад сидел над новыми сведениями, но, услышав шаги, отложил листы: по лицу товарища он понял, что разговор у ворот был не о пропуске.

— Что с тобой? — спросил он.

Отто рассказал о разговоре. Конрад отложил перо.

— Теперь нас будут спрашивать, на чьей мы стороне, даже когда мы просто открываем ворота.

Отто остановился у окна. На улице возчик торговался с хозяйкой дома о дровах; люди спорили из-за нескольких монет, не обращая внимания на вооружённые караулы у ворот. Он смотрел на них и вспоминал бывших товарищей, которым прежде сам открывал дорогу в Мариенбург.

— Я много лет открывал ворота людям, которые ездили в Мариенбург, — произнёс он. — Знал некоторых по именам. Теперь, если они приедут с оружием, мне придётся их задерживать.

Конрад ничего не сказал.

— И Генрих, наверное, думает обо мне то же самое.

Он произнёс имя почти случайно, но Конрад сразу понял, о ком идёт речь.

— Из Мариенбурга приходило письмо?

Отто кивнул. Он получил ответ Генриха Линде накануне. Тот благодарил за сохранённые вещи, сообщал о своей службе и просил не отправлять инструменты без надёжного человека. В конце письма находилось короткое пожелание здоровья семье. Отто показал его Конраду. Тот прочитал, затем вернул.

— Он ничего не просит.

— Просит сохранить вещи.

— Я не о том.

Отто сложил письмо.

— Знаю.

Конрад вернулся к столу. В книге перед ним находились имена людей, пропавших после сражения. Среди них имелись бывшие орденские служащие, городские ополченцы, крестьяне и наёмники. Некоторые прежде жили в одних селениях, работали на одних складах, ездили по одним дорогам. Теперь установить их судьбу было трудно не только из-за разбросанных отрядов.

Люди боялись назвать, кому служили их родственники. Конрад заметил это ещё после первых донесений. Одна женщина просила выяснить судьбу мужа, но отказывалась сообщить, в каком войске он находился. Другой посетитель уверял, что его брат отправился на запад по торговым делам, хотя при нём имелась служебная грамота вооружённого отряда. Конрад велел записывать имена независимо от принадлежности.

Но несколько городских советников уже потребовали отделять сведения о королевских людях от сведений о тех, кто продолжал служить великому магистру. Отто спросил, как собираются поступить.

— Пока веду две книги, — ответил Конрад. — Одну для требований и удостоверений, другую для сообщений семей. Не хочу, чтобы человек исчез из записи только потому, что его родственники боятся назвать командира.

Отто одобрительно кивнул. Затем вспомнил о прежнем жалованье Генриха.

— Нашли что-нибудь?

Конрад открыл старую ведомость.

— Городская казна признаёт не все орденские обязательства. По части долгов будут отдельные решения.

— Его имя там осталось?

— Осталось.

Отто долго смотрел на запись.

— Он ведь заработал эти деньги ещё до восстания.

— Я знаю.

Конрад закрыл книгу. Снаружи послышался стук. Прибыл новый посланник с известиями о положении на Висле. Отто направился к двери. Работа продолжалась.

Поздним сентябрьским вечером Петер Краузе возвращался с поля, когда возле его хозяйства остановились двое всадников. Они приехали со стороны большой дороги. Один был одет в короткую тёмную куртку, другой носил поверх одежды кольчужную защиту. Лошади выглядели уставшими, на ногах животных засохла грязь. Петер сразу заметил оружие.

После появления военных отрядов в округе он привык встречать вооружённых людей настороженно. Но теперь положение стало ещё тревожнее. В селениях говорили о разгроме королевского войска, об отступлении из-под Мариенбурга и о том, что некоторые укрепления снова переходят под власть Ордена. Всадники попросили воды. Петер велел младшему сыну принести ведро.

Пока лошади пили, старший из приехавших спросил дорогу к ближайшей переправе. Петер объяснил, где следует повернуть, и предупредил, что мосток повреждён недавними перевозками.

— Починить некому? — спросил всадник.

— Людей не хватает.

— А ты здесь хозяин?

Петер подтвердил. Всадник оглядел двор.

— Мы ищем несколько повозок. Нужно перевезти имущество.

— Чьё имущество?

Мужчина не ответил сразу. Петер заметил это и насторожился ещё сильнее.

— У меня одна исправная повозка, — сказал он. — Она нужна для хозяйства.

— Мы заплатим.

— Кто заплатит?

Всадник раздражённо поправил пояс.

— Ты слишком много спрашиваешь.

Петер не изменил тона.

— Я спрашиваю, потому что весной уже отдавал корм и хлеб людям, которые обещали расчёт. До сих пор никто не заплатил полностью.

Второй всадник вмешался. Он назвал место службы и объяснил, что они сопровождают груз, предназначенный орденскому гарнизону. Теперь, после победы под Хойнице, необходимо срочно наладить движение по нескольким дорогам. Петер посмотрел на них. Ещё недавно на

этой же дороге стояли люди Прусского союза. Они требовали задерживать повозки, которые могли направляться к великому магистру.

Теперь перед ним находились люди, открыто говорившие об орденской службе.

— Значит, вы вернулись на эти земли? — спросил он.

— Дороги снова будут под надлежащей властью.

Петер не стал спорить. Он понимал, что два всадника не могут представлять всю власть, но от их решения зависело, не заберут ли у него единственную пригодную повозку.

— Я могу показать, где живёт человек, у которого есть свободные подводы, — сказал он. — Но сначала договоритесь с хозяевами.

Старший всадник задумался. Затем спросил, далеко ли до того дома. Петер объяснил. Когда люди уехали, жена вышла во двор.

— Что им было нужно?

— Повозки.

— Отдал?

— Нет.

Она посмотрела вслед всадникам.

— А если вернутся?

Петер медленно снял шапку.

— Тогда будем разговаривать снова.

Жена не ответила. Вечером они сидели за столом, разбирая собранное зерно. Младший сын помогал отделять повреждённые колосья. Работа шла медленно, но Петера успокаивала её понятность. Здесь всё зависело от состояния урожая, труда и погоды, а не от того, чьи вооружённые люди завтра появятся возле переправы. Вдруг сын спросил:

— А Мартин тоже был под Хойнице?

Петер остановился. Письмо сына пришло ещё до сражения. Мартин писал, что направляется с торговым грузом на запад и не собирается приближаться к неприятельским укреплениям. После этого никаких известий не поступало. Жена подняла глаза.

— Мы не знаем, — ответил Петер.

— Но он мог быть там?

Петер посмотрел на мальчика.

— Мог.

Сын замолчал. В тот вечер они впервые за долгое время отложили хозяйственную работу раньше обычного. Петер сел возле окна и долго смотрел на дорогу. Наутро он собирался отправить человека в Данциг. Письмо Мартина пришло раньше. Его привёз перевозчик, направлявшийся в соседнее селение. Он передал небольшой свёрток, обвязанный тонкой верёвкой, и попросил подтвердить получение.

Петер развернул бумагу прямо во дворе. Сын сообщал, что вернулся в Данциг живым. Обоз потерян, но все его люди спаслись. Он просил родителей не тревожиться и обещал написать подробнее, когда удастся закончить разбирательство с торговыми документами. Петер прочитал письмо один раз, затем второй. Жена вышла из дома и остановилась рядом.

— От Мартина?

— Жив?

Петер протянул ей бумагу. Она взяла письмо, но не стала читать сразу. Сначала прижала его к груди, затем присела на скамью возле двери. Младший сын подбежал к ней.

— Что пишет?

— Вернулся.

Мальчик радостно закричал и бросился в дом сообщать новость. Петер остался во дворе. Он посмотрел на дорогу, по которой ещё недавно прошли орденские всадники. Затем медленно сложил письмо и убрал в карман. Ему хотелось немедленно ехать в Данциг и увидеть сына

собственными глазами. Но во дворе стояли рабочие лошади, в сарае лежало зерно, а за домом требовал ремонта мосток.

Петер отправился к конюшне. Теперь он знал, что Мартин жив. И впервые за многие дни смог работать, не прислушиваясь к каждому приближавшемуся всаднику.

В Хойнице после победы стало теснее, чем во время осады. Городские ворота открывались почти непрерывно. Через них проходили вооружённые отряды, въезжали повозки с захваченным имуществом, доставляли раненых и пленных. На улицах появились новые лица. Люди, ещё недавно находившиеся под стенами в составе орденского войска, теперь требовали помещения, пищи и места для лошадей.

Городской совет пытался сохранить порядок. Но распоряжений становилось всё больше. Одним служащим поручали размещать прибывших, другим — собирать хлеб, третьим — готовить помещения для больных. Несколько домов пришлось освободить, чтобы разместить командиров и их людей. Николай Хартман обнаружил, что победа изменила его жизнь не так, как он ожидал.

Осада закончилась, но хлеба требовалось ещё больше. С утра в пекарне работали все. Николай месил тесто, старший сын носил воду, жена следила за выпечкой и готовила следующую партию муки. Младшему поручили складывать готовые караваи на деревянные полки. В середине дня пришёл городской служащий. Он предъявил распоряжение о дополнительной поставке хлеба для наёмных отрядов.

Николай прочитал документ. Количество оказалось значительно больше обычного.

— У меня не хватит муки.

— Совет велел выдать дополнительную.

— Когда?

Служащий не знал.

— Придётся ждать распоряжения заведующего зерновыми запасами.

Николай положил бумагу на стол.

— Тогда и хлеб придётся ждать.

Служащий раздражённо вздохнул.

— Люди находятся на службе. Их нужно кормить.

— Я это понимаю. Но печь не работает без муки.

После недолгого спора договорились, что Николай выдаст уже приготовленный хлеб, а оставшуюся часть заказа исполнит после получения зерна. Когда служащий ушёл, жена пекаря спросила, заплатят ли за новую поставку. Николай показал ей документ. В нём имелась запись о последующем расчёте. Женщина покачала головой.

— Таких бумаг у нас уже целая коробка.

Она указала на деревянный ящик, стоявший возле стола. Там хранились старые расписки, требования и удостоверения о хлебе, выданном за последние месяцы. Николай не стал спорить. Ему самому всё чаще приходилось занимать деньги на покупку дров. Вечером он отправился к городскому управлению, чтобы выяснить условия расчёта. На улице его остановила пожилая женщина, жившая неподалёку от пекарни.

Она спросила, не видел ли Николай среди пленных молодого человека по имени Павел. Он хорошо знал его. Павел прежде работал у кузнеца, чинил железные принадлежности для пекарских печей и несколько раз помогал Николаю укреплять дверцы. Весной молодой человек поддержал Прусский союз и ушёл из города. Его мать осталась.

— Говорят, его взяли под Хойнице, — объяснила женщина. — Один из солдат видел человека, похожего на него.

Николай спросил, обращалась ли она к городским властям.

— Обращалась. Мне велели ждать, пока составят списки.

Женщина тяжело опустилась на ступеньку возле дома.

— А если его там нет?

Николай сел рядом.

— Тогда будем искать дальше.

— Ты ведь знаешь, что он не разбойник.

— Знаю.

— Он ушёл потому, что его товарищи ушли. Говорил, что город сам решил освободиться от Ордена.

Николай вспомнил февральские события. Тогда многие горожане поддержали новую власть, некоторые с оружием в руках. Другие старались не вмешиваться. После возвращения орденских отрядов люди, ещё недавно споривше на городских собраниях, начали избегать встреч друг с другом.

— Я узнаю, где держат пленных, — сказал он.

Женщина поблагодарила. На следующий день Николай отправился к одному из городских служащих, ведавших размещением военнопленных. Он объяснил, кого разыскивает, и попросил проверить имя. Служащий нашёл соответствующую запись. Павел находился среди пленных. Николай почувствовал облегчение, но тотчас спросил, ранен ли молодой человек.

— В записи указано повреждение плеча. Тяжёлым раненым не считается.

— Можно передать ему хлеб?

Служащий помедлил.

— Через караульного. Лично встречаться пока не разрешено.

Николай поблагодарил. Возвращаясь домой, он купил небольшой кусок сыра и велел жене завернуть его вместе с хлебом. Она спросила, для кого предназначен свёрток.

— Для Павла. Кузнецкого подмастерья.

Женщина остановилась.

— Он ведь был у союзных.

— Был.

— И теперь пленён?

Николай подтвердил. Она долго смотрела на приготовленный хлеб. Затем добавила ещё один небольшой каравай.

— Передай оба.

Вечером пекарь отнёс свёрток к караульному помещению. Солдат принял еду, но предупредил, что не может обещать немедленной передачи. Николай попросил хотя бы сообщить пленному, от кого она. Караульный посмотрел на него.

— Родственник?

— Нет.

— Тогда зачем тебе это?

Николай помолчал.

— Он чинил мне печь.

Солдат пожал плечами и унёс свёрток. Николай остался возле ворот. Изнутри доносились голоса. Кто-то кашлял, другой просил воды. По двору прошёл вооружённый человек с ведром. Пекарь не увидел Павла. Но теперь знал, что тот жив. Он отправился к его матери. Женщина встретила известие молча. Попросила повторить, действительно ли имя было записано среди пленных.

Николай подтвердил. Она закрыла лицо руками. Он постоял некоторое время у двери, затем вернулся домой. В пекарне ещё горел огонь. Старший сын вынимал последнюю партию хлеба. На столе лежало новое требование о поставке для орденских наёмников. Николай взял бумагу и принялся читать. За окном по-прежнему звучали победные разговоры.

Казимир Ягеллончик встретился с посланниками прусских городов после возвращения из неудачного похода. Он уже получил сведения о потерях, хотя окончательных списков ещё не

существовало. Среди погибших и пленённых находились люди, занимавшие важные должности. Королевское войско лишилось значительной части артиллерии и обоза. Многие дворяне разъехались по своим землям, увозя раненых и спасённое имущество.

Король находился в тяжёлом положении. Ещё недавно прусские представители рассчитывали на скорое завершение войны. Теперь им предстояло объяснять городским советам, почему после принятия королевской власти они снова оказались перед угрозой орденского наступления. Посланники прибыли с письмами.

В одних сообщалось о подготовке новых укреплений, в других просили денег для содержания гарнизонов. Некоторые города выражали опасение, что соседние земли могут перейти под власть великого магистра, после чего торговля и снабжение станут ещё труднее. Казимир выслушал представителей. Он не пытался отрицать размеры поражения.

— Под Хойнице мы потеряли людей и оружие, — сказал король. — Но города, принесшие нам присягу, не оставлены.

Один из посланников спросил, когда следует ожидать нового войска. Казимир ответил, что уже направлены распоряжения о сборе сил. Однако представитель одного из городов заметил, что после разгрома многие дворяне не желают немедленно возвращаться в поход. Кроме того, содержание ополчения обходится дорого, а городские средства не бесконечны. Король не стал спорить.

Он потребовал представить точные сведения о наиболее опасных участках обороны. Постепенно разговор перешёл от общих обещаний к отдельным крепостям, дорогам и перевозкам. Посланники сообщили, где имеются свободные суда, какие города могут выделить зерно и где требуются дополнительные вооружённые люди. Казимир велел канцлеру записывать сведения. В конце встречи один из прусских представителей попросил разрешения сказать несколько слов без остальных.

Король согласился. Мужчина был пожилым, с усталым лицом. Он представлял людей, чьи владения находились возле важных дорог.

— Государь, — произнёс он, — наши люди спрашивают, правильно ли поступили, когда принесли новую присягу.

Казимир посмотрел на него.

— А что отвечаешь ты?

— Что присяга остаётся в силе.

— И они тебе верят?

Посланник помолчал.

— Не все.

Король долго смотрел на лежавшие перед ним бумаги. Затем спросил, что именно заставляет людей сомневаться.

— Они боятся возвращения орденских отрядов. Если крепости снова перейдут к великому магистру, будут искать виновных в восстании. И первыми пострадают те, кто открыто поддержал королевскую власть.

Казимир понимал эту опасность. Он уже слышал о городах, где после поражения начались споры о прежней присяге. Некоторые советники предлагали искать соглашение с Орденом, другие требовали продолжать сопротивление. Там, где ещё недавно существовало единое выступление против великого магистра, теперь возникали подозрения и взаимные обвинения.

— Передай своим людям, что я не отменяю принятых обязательств, — сказал король.

Посланник поклонился. Когда он ушёл, Казимир остался с канцлером. На столе лежали новые требования о деньгах. Король взял одно из них.

— Сколько понадобится для нового похода?

Канцлер назвал приблизительную сумму. Казимир покачал головой.

— Столько сейчас нет.

— Придётся искать дополнительные средства.

Король подошёл к окну. Во дворе служители занимались лошадьми. Несколько животных были ранены, и конюхи осторожно меняли повязки. Возле конюшни стоял молодой оруженосец с перевязанной рукой. Казимир видел его прежде при одном из дворян, погибших под Хойнице. Он велел позвать юношу. Тот вошёл неловко, стараясь скрыть повреждённую руку. Король спросил о его господине.

Оруженосец сообщил, где видел его в последний раз. Они находились возле орденского обоза, когда началось отступление. Рыцарь приказал ему вывести запасную лошадь, но пробиться через толпу не удалось.

— Ты видел, как он погиб?

Юноша опустил голову.

— Нет, государь.

— Значит, нельзя утверждать, что он погиб.

— Я искал его среди вернувшихся.

Казимир попросил назвать имя и велел включить его в список разыскиваемых. Затем спросил, что стало с лошадью. Оруженосец смутился.

— Потерял.

— А оружие?

— Тоже.

Король посмотрел на его перевязанную руку.

— Сам вернулся?

— С двумя товарищами. Один ранен.

Казимир велел позаботиться об их содержании до выяснения дальнейшей службы. Когда юноша вышел, король долго стоял у стола. Он помнил первые часы сражения, когда неприятельская конница отступала и казалось, что победа уже близка. Помнил дым над орденским обозом, крики бегущих людей и тесную дорогу, на которой не удалось остановить отступление. Теперь перед ним лежали письма из городов, ожидавших защиты, и требования военачальников, которым нужны были деньги и люди.

Казимир вернулся к столу.

— Готовь распоряжения о новом сборе, — сказал он канцлеру. — И отдельно послания прусским городам.

Канцлер взял бумаги. Работа продолжилась.

Двадцать восьмого сентября в Мариенбурге великий магистр получил окончательное подтверждение того, о чём Маттиас фон Розенберг предупреждал его уже несколько дней. Денег для расчёта с наёмниками не было.

Казначей представил сведения о поступлениях. Часть ожидавшихся средств задерживалась, некоторые платежи оказались значительно меньше обещанного. После потери большинства прусских городских доходов орденская казна не могла покрыть огромные расходы на содержание прибывших вооружённых отрядов. Людвиг фон Эрлихсхаузен выслушал казначея, затем попросил ещё раз назвать сумму задолженности.

Тот повторил. В комнате стало тихо. На столе лежали книги, письма и небольшая шкатулка с печатями. Возле окна находился Маттиас. Он уже знал содержание расчётов и теперь наблюдал за великим магистром. Людвиг некоторое время рассматривал документы.

— Сколько можно выдать немедленно?

Казначей назвал сумму. Она составляла лишь часть необходимого.

— А если использовать церковное серебро?

Присутствовавший брат насторожился.

— Это имущество предназначено для богослужения.

— Я знаю, для чего оно предназначено.

Людвиг говорил спокойно, но в голосе его появилась жёсткость. Маттиас вмешался осторожно.

— Даже если обратить часть серебра в деньги, задолженность полностью не исчезнет.

Великий магистр поднял глаза.

— Тогда что ты предлагаешь?

Маттиас ответил не сразу.

— Нужно договариваться о сроках.

— Они уже требовали денег.

— Теперь придётся предложить обеспечение.

Один из братьев резко повернулся к нему.

— Чем?

Маттиас показал на документы.

— Тем, что ещё находится под нашей властью и может быть принято в качестве залога.

Брат возмутился.

— Ты предлагаешь закладывать орденские владения людям, которых мы наняли защищать эти владения?

— Я предлагаю решить, что мы сможем обещать, не обманывая самих себя.

Людвиг остановил спор. Он велел пригласить представителей наёмных командиров. До их прибытия оставалось немного времени. Великий магистр прошёлся по комнате, затем остановился возле окна. Внизу виднелся внутренний двор, где работали служители. Несколько вооружённых людей стояли у конюшни. Один из них смеялся, рассказывая что-то товарищам, другой чистил сапог ножом.

Это были люди армии, победившей под Хойнице. Они оставались при Ордене не по монашескому обету. Им обещали жалованье. Людвиг вернулся к столу. Вскоре вошли командиры. Разговор начался с поздравлений по случаю победы, но быстро перешёл к денежным обязательствам. Наёмники требовали выплатить положенное. Некоторые уже открыто заявляли, что дальнейшая служба невозможна без надёжных гарантий.

Людвиг сообщил, что казна испытывает временные затруднения. Один из командиров ответил, что его люди тоже испытывают затруднения. У них изношено снаряжение, лошади нуждаются в корме, часть воинов должна деньги за постой и продовольствие.

— Мы привели войско, — сказал он. — Выполнили договор. Под Хойнице многие из наших погибли. Теперь оставшиеся спрашивают, когда получат заработанное.

Великий магистр не стал отрицать этих требований. Он предложил рассмотреть отсрочку. Командиры выслушали его. Но на этот раз обычного обещания оказалось недостаточно. После совещания Маттиас вернулся к хозяйственным помещениям. Там его ожидал Генрих Линде.

Генрих ожидал нового приказа о выдачах, когда Маттиас вернулся из зала переговоров. Управляющий подтвердил, что распоряжения будут, в том числе по поставкам, но не достал обычной ведомости. Его усталый вид заставил Генриха отложить книгу.

Генрих заметил усталость на лице Маттиаса.

— Что случилось?

Маттиас некоторое время молчал.

— Командиры требуют расчёта.

— Разве им не заплатили после победы?

— Нет.

Генрих посмотрел на него с недоумением. Он видел прибывших из-под Хойнице людей. Видел захваченные повозки, оружие и лошадей. В замке говорили о новых возможностях, открывшихся после разгрома королевского войска. Теперь выяснялось, что победа не принесла денег, необходимых для содержания победителей.

— А если не заплатят?

Маттиас не ответил сразу. Возле склада проходили несколько наёмников. Один нёс повреждённое седло, другой держал под мышкой свёрнутую попону. Они разговаривали о лошадях и жалованье, не обращая внимания на стоявших у стены орденских служащих. Маттиас посмотрел им вслед.

— Будут требовать обеспечения долга.

Генрих нахмурился.

— Как купцы?

— Почти.

Они вошли в складское помещение. Там находились несколько работников, готовивших очередную выдачу зерна. На полу стояли мешки, возле стены лежали деревянные лопаты и мерные сосуды. Из открытой двери тянуло прохладным осенним воздухом. Генрих прошёл к дальней полке и достал книгу, в которую записывали выдачу припасов.

— Сколько им понадобится на следующую неделю?

Маттиас назвал количество. Генрих открыл книгу. Несколько мгновений он внимательно проверял записи. Затем отложил перо и посмотрел на управляющего.

Генрих сверил зерно и мясо с числом людей в гарнизоне. Пока припасов хватало; он показал Маттиасу строки, по которым можно было накормить служащих без новых изъятий у горожан. Но ни в одной из них не было ответа, когда наёмники получат деньги.

Генрих задержал палец на последней строке, где кончались сведения о запасах и начиналась пустая графа следующего месяца.

— Значит, люди будут сыты.

Маттиас не ответил. Он понимал, что голодных наёмников ещё можно удержать хлебом на короткое время. Но люди, заключившие договор за деньги, не собирались бесконечно менять жалованье на продовольствие. Вскоре Генриху пришлось отправиться к конюшням. Маттиас остался один. Он закрыл книгу и провёл ладонью по деревянной обложке.

Через открытую дверь Маттиас увидел наёмника, который долго стоял возле весов, дожидаясь положенного корма. На нём был добротный пояс, но сапоги совсем износились. Солдат не просил лишнего; когда ему отмерили овёс, он тщательно пересчитал мерки и ушёл. Склад оставался полон зерна, однако от одной этой выдачи человек не становился довольным своей службой. Маттиас приказал положить рядом с книгой припасов сведения о ближайшем сроке выплаты: теперь эти две ведомости следовало смотреть вместе.

Орденские братья всё ещё отдавали распоряжения, писари вели книги, великий магистр распоряжался крепостями. Но для следующего приказа о выдаче корма уже требовалось знать, какие наёмные командиры согласятся продолжать службу без монет. Маттиас свернул последнюю ведомость и понёс её в канцелярию. Решение о денежных гарантиях больше нельзя было откладывать до появления очередного обоза с трофеями.

Там нужно было приготовить новые документы.

Ночью Людвиг фон Эрлихсхаузен остался в своём помещении почти один. Служители погасили большую часть светильников. За стенами замка стояла тишина, изредка нарушаемая шагами караульных. Где-то в нижнем дворе скрипнула дверь, затем послышался короткий разговор. Великий магистр сидел за столом. Перед ним лежали письма из германских владений, перечни доходов и донесения о городах, положение которых изменилось после Хойницкой битвы.

Некоторые известия были благоприятными. Орденские отряды продвигались по дорогам, ещё недавно контролировавшимся противником. В отдельных городах сторонники великого магистра начали действовать решительнее. Прусский союз потерял уверенность, которую приобрёл весной. Но рядом лежали требования наёмных командиров. Людвиг взял одно из писем.

В нём подробно перечислялись обязательства по содержанию вооружённого отряда. Были указаны число людей, количество лошадей и сумма жалованья. Отдельно оговаривались расходы, понесённые после прибытия в Пруссию. Великий магистр дочитал до конца. Положил письмо на стол и открыл небольшую шкатулку. Внутри лежала печать. Людвиг взял её в руку.

Он хорошо помнил день своего избрания великим магистром. Тогда ему передали власть над орденскими владениями, обязанность защищать их и право распоряжаться ими в пределах установленных правил. С тех пор он не раз принимал трудные решения, но почти каждое из них опиралось на прежний порядок: земли приносили доходы, командоры управляли хозяйствами, братья исполняли приказания, служащие собирали положенные средства.

Теперь этот порядок перестал обеспечивать даже содержание армии. Людвиг положил печать обратно. Ему хотелось верить, что после победы под Хойнице всё можно восстановить. Вернуть земли, получить доходы, расплатиться с воинами, восстановить подчинение городов. Но командиры требовали денег сейчас. Он снова открыл письмо. За окном поднялся ветер. Створка слегка дрогнула, и служитель, дежуривший в соседней комнате, вошёл проверить, не нужно ли закрыть окно.

Людвиг велел ему принести ещё один светильник. Попросил вызвать казначея утром, до начала совещаний. Служитель поклонился и вышел. Великий магистр остался за столом. До следующей встречи с наёмными командирами требовалось решить, что Орден может предложить вместо денег. Он придвинул к себе карту прусских владений. На ней были обозначены города, замки и дороги, за которые ещё недавно сражались под Мариенбургом и Хойнице.

Людвиг начал выписывать названия тех крепостей, которые оставались в его распоряжении. За окном гасли последние огни хозяйственного двора. Перо продолжало двигаться по бумаге.

Глава 36. Наёмники

Мариенбург — Диршау — Данциг — Торн. Октябрь 1454 года.

В начале октября Мариенбург охраняли не только от неприятеля. Возле собственных амбаров поставили вооружённых людей: победившие под Хойнице наёмники требовали жалованья, а замковые служители уже не могли отвечать за каждую выдачу овса и хлеба.

Генрих Линде узнал об этом утром, когда пришёл принимать овёс для конюшен. Возле складских ворот стояли шестеро вооружённых людей. Четверо принадлежали к наёмному отряду, прибывшему после победы под Хойнице, двое были замковыми служителями. Они не ссорились, но по тому, как держались обе стороны, Генрих сразу понял, что распоряжения у них разные.

Старший наёмников предъявил бумагу, удостоверявшую право его роты на получение корма. Замковый распорядитель отказывался выдавать овёс, поскольку на документе отсутствовала отметка о количестве. Наёмник утверждал, что корм требуется немедленно: к полудню часть всадников должна выступить на дорогу к Эльбингу. Генрих попросил показать бумагу.

Она была составлена правильно. В ней действительно говорилось о выдаче припасов, но ни числа лошадей, ни положенной нормы не указывалось. Из-за этого спор мог продолжаться до вечера, а лошади всё равно остались бы голодными.

— У конюшен двадцать восемь лошадей, — сказал старший наёмников. — Две после перехода едва стоят.

Генрих послал мальчика за конюхом и вышел посмотреть на лошадей. Одна берегла разбитое копыто, у другой распух сустав. Старший роты говорил о двадцати восьми животных, но в бумаге не было ни числа, ни нормы выдачи. Генрих сам пересчитал головы, велел отмерить овёс и записал расход в ведомость под собственную ответственность. Когда мешки понесли к стойлам, солдаты перестали спорить. У больной лошади дрожала нога, и Генрих подумал, что

спорить о грамоте было бы легче, чем объяснять утром её хозяину, почему животное осталось без корма.

Старший оказался мужчиной лет сорока с обветренным лицом и двумя неправильно сросшимися пальцами на левой руке. Его куртка была хорошо сшита, но сильно изношена. Возле плеча виднелась аккуратная заплата. На поясе висел короткий меч в потёртых ножнах. Когда выдача закончилась, мужчина неожиданно спросил:

— Ты брат Ордена?

— Нет. Служитель великого магистра.

— Давно служишь?

— Достаточно.

Наёмник оглядел двор.

— Тогда знаешь, когда нам заплатят.

Генрих задержал взгляд на неправильно сросшихся пальцах незнакомца. Следы старой травмы были заметнее, чем изношенная куртка.

— Этим занимается казначей.

— Казначей говорит, что денег нет.

— Значит, пока нет.

Мужчина усмехнулся, но без веселья.

— У вас здесь всё просто. Деньги есть — платите. Денег нет — велите ждать. А у меня люди спрашивают, чем им платить за собственное оружие и лошадей.

Он указал на свою левую руку.

— Эти пальцы мне сломали под Прагой. Я три месяца не мог держать поводья. Потом снова нанялся, потому что дома остались долги. За коня, который погиб под Хойнице, мне ещё предстоит рассчитаться.

Генрих хотел заметить, что потери людей великого магистра также значительны, но промолчал. Наёмник продолжил:

— Мы не просим милостыни. Нам обещали жалованье. До сражения говорили, что получим его после победы. Победили. Теперь говорят, что нужно ещё подождать.

Он взял расписку за овёс, аккуратно сложил и спрятал под куртку.

— У тебя есть семья? — спросил он.

— Нет.

— Тогда тебе легче. Ты можешь служить за хлеб.

Генрих почувствовал раздражение.

— Я тоже получаю жалованье.

— Получаешь?

Генрих не ответил. Часть его собственного содержания задерживалась. Несколько недель назад ему выдали зерно вместо денег, а за ремонт инструмента пришлось заплатить из прежних сбережений. Он не жаловался, поскольку считал службу делом, которое не следует измерять одной только платой. Но теперь перед ним стоял человек, не приносивший никакой монашеской присяги и имевший полное право требовать исполнения договора.

Наёмник поблагодарил за овёс и ушёл. Генрих ещё некоторое время стоял возле мешков. Распорядился закрыть кладовую и отправился к Маттиасу фон Розенбергу. Тот находился в хозяйственной канцелярии. На большом столе лежали ведомости по конюшням, сведения о выданном продовольствии и требования наёмных командиров. Возле стены стояли два сундука с денежными книгами.

Маттиас выглядел утомлённым. Генрих рассказал о происшествии.

Маттиас одобрил решение Генриха накормить лошадей по фактическому числу, но велел впредь требовать отметку о каждой лишней выдаче. Генрих показал приказ, в котором коли-

чество не было указано. Управляющий провёл ногтем по пустому месту рядом с печатью и тяжело вздохнул.

— Лошади не станут ждать, пока писарь уточнит бумагу.

— Я это понимаю.

Он вернулся к ведомости. Генрих заметил, что на столе лежит новая книга. В неё записывали не обычные хозяйственные выдачи, а расходы, сделанные в счёт будущих выплат наёмникам. Там значились продовольствие, подводы, корм и денежные суммы, выданные отдельным командирам.

— И эти выдачи тоже записаны в долг? — спросил Генрих. Маттиас подтвердил: новая книга не отменяла прежних расходов, а прибавляла к ним следующие. Строки уже переходили на вторую страницу.

Генрих подошёл ближе. На нескольких страницах стояли такие суммы, каких он прежде не видел в хозяйственных книгах. Особенно велики были обязательства перед конными отрядами. Помимо жалованья требовалось учитывать потерянных лошадей, повреждённое снаряжение и расходы на содержание людей во время переходов.

— После Хойнице ведь захватили большой обоз, — сказал Генрих. — Там было имущество.

— Было.

— Разве нельзя покрыть хотя бы часть долга?

— Захваченные лошади не превращаются в деньги, пока их не продадут. Орудия нужны для войны. Продовольствие уже распределяют между людьми. Кроме того, на добычу претендуют те, кто её захватил.

Генрих посмотрел на книгу.

— Значит, победа обошлась нам дороже, чем предполагали.

— Мы наняли войско для сражения. Оно сражалось. Теперь нужно исполнить договоры.

Маттиас произнёс это без раздражения. Он слишком хорошо понимал, что спорить с подобным требованием бесполезно. Орденские братья могли отказаться от удобств, переносить лишения и подчиняться распоряжениям великого магистра как главы своего сообщества. Наёмные воины находились в другом положении. Они принесли с собой оружие, лошадей и военный опыт, а взамен ожидали платы.

Генрих попросил разрешения вернуться к складам. Маттиас остановил его.

— Проверяй не только количество выдаваемого зерна. Узнай, кто получает его. Некоторые роты перемещаются между крепостями, а старые требования остаются в книгах. Если за одну и ту же выдачу предъявят два документа, отвечать придётся нам.

Генрих согласился. Перед уходом он спросил:

— А что будет, если командиры вовсе откажутся служить?

Маттиас посмотрел на закрытые сундуки.

— Великий магистр ведёт с ними переговоры.

— Договорятся?

— Должны.

Генрих вышел. Во дворе снова слышались голоса наёмников. Возле конюшен несколько человек осматривали лошадь, которая хромала после недавнего перехода. Кузнец стоял перед животным на коленях, осторожно проверяя копыто. Один из воинов держал лошадь под уздцы и гладил её по шее. Генрих остановился возле них.

— Что с ней?

Кузнец показал повреждённую подкову.

— Гвоздь вошёл не туда. Придётся снять.

Воин нахмурился.

— Завтра мне выступать.

— На этой лошади завтра не выступишь, — ответил кузнец.

Генрих посмотрел на животное. Оно стояло спокойно, доверчиво опустив голову к плечу хозяина.

— Есть запасная? — спросил он.

— Нет.

— Тогда скажи старшему, что потребуется другая.

Воин провёл ладонью по гриве.

— Другую мне никто не даст. А эту ещё не выплатил.

Генрих ничего не сказал. Он направился к складам, где его уже ожидали люди с новыми требованиями.

Четвёртого октября переговоры о жалованье перешли от отдельных просьб и претензий к вопросу о том, на каких условиях наёмное войско вообще продолжит службу. В комнате, отведённой для совещаний, собрались представители орденского руководства и несколько ротмистров. Среди них находились Генрих Рейсс фон Плауэн, великий госпитальер и опытный военачальник, и Вит фон Шёнбург, участвовавший в организации наёмных сил.

Людвиг фон Эрлихсхаузен выслушивал сообщения сидя за столом. После Хойницкой победы перед Орденом открылись военные возможности, которыми необходимо было воспользоваться быстро. Польские отряды были рассеяны, осада Мариенбурга снята, некоторые города снова признали великого магистра. Но продолжить наступление без наёмной армии Орден не мог. Ротмистры это понимали.

Их требования становились настойчивее. Генрих Рейсс фон Плауэн представил сведения о положении людей. Несколько рот отказывались выступать дальше, пока не будет определён порядок расчёта. Другие соглашались оставаться в крепостях, но требовали продовольствия и корма. Отдельные командиры предупреждали, что не смогут долго удерживать воинов одним обещанием.

— Они получили часть денег при найме, — заметил один из орденских сановников.

— Получили задаток, — ответил Рейсс фон Плауэн. — Договоры предусматривают остальное.

— Но ведь они захватили добычу.

— Добыча не отменяет жалованья.

Великий магистр попросил прекратить спор. Он уже слышал подобные доводы на предыдущих совещаниях. Теперь требовалось не обсуждать, справедливы ли требования, а установить, чем их обеспечить. Маттиас фон Розенберг принёс новые расчёты.

Их составляли несколько дней, сверяя договоры отдельных рот с книгами казначейства. Выяснилось, что даже при самом благоприятном предположении о предстоящих доходах Орден не сможет немедленно выплатить всё причитающееся. Великий магистр просмотрел цифры.

— Какие поступления ожидаются из германских владений?

Маттиас назвал сумму, указанную в последнем письме.

Дату перевода назвать не удалось, как и размер помощи из Ливонии. На карте между замком и далёкими владениями лежали дороги, по которым нельзя было отправить приказ так же легко, как поставить печать.

Один из братьев предложил отправить новых сборщиков по владениям, где власть Ордена восстановилась после сентябрьской победы. Маттиас возразил не сразу.

— Мы можем это сделать. Но прежде следует установить, сколько хозяйств сохранилось и что они способны дать. На некоторых землях зерно ещё не собрано полностью. В других местах отряды уже взяли продовольствие.

— Значит, снова ждать?

— Значит, считать действительные поступления, а не те, которые хотелось бы получить.

Сановник недовольно отвернулся. Рейсс фон Плауэн, до того молчавший, развернул лежавший перед ним документ.

— Командиры согласны обсуждать отсрочку. Но хотят получить обеспечение, которое не будет зависеть от очередного письма о помощи.

Людвиг поднял голову.

— Какое обеспечение?

— Крепости и владения, находящиеся под нашей властью.

В комнате стало тихо. Один из братьев резко отодвинул кресло.

— Это невозможно.

Рейсс фон Плауэн не ответил ему. Он смотрел на великого магистра. Людвиг положил руки на стол.

— Поясни.

— Не передавать владения немедленно. Записать их в обеспечение долга. Командиры продолжат службу, если получат право потребовать предусмотренного возмещения при нарушении срока платежа.

Сановник, недавно возражавший, поднялся.

— Орденские замки принадлежат не наёмникам.

— Пока никто не предлагает объявить их собственностью наёмников, — ответил Рейсс фон Плауэн.

— Но ты сам говоришь о передаче.

— Я говорю об условиях, без которых люди не соглашаются оставаться.

Людвиг велел обоим сесть. Он попросил Маттиаса объяснить, насколько подобная сделка отвечает существующим обязательствам. Управляющий осторожно изложил возможный порядок. В документе следовало перечислить задолженность, установить срок полного расчёта и определить, какие крепости могут служить обеспечением. При этом орденская власть и обычные доходы владений должны сохраняться за великим магистром, пока договор исполняется. Наёмникам же предоставлялись гарантии на случай нарушения условий.

Один из братьев спросил:

— А если мы не выплатим долг?

Маттиас остановился. Это был вопрос, ради которого, собственно, и собрались.

— Тогда придётся исполнить условие об обеспечении.

— То есть отдать замки?

— Если именно такое условие будет согласовано.

Сановник посмотрел на великого магистра.

— Мы собираемся поручить оборону крепостей людям, которые смогут распоряжаться ими за наши долги.

Людвиг долго молчал. Он хорошо знал историю орденских владений, понимал, какой труд потребовался для возведения и содержания Мариенбурга, Диршау, Эйлау и других укреплений. Каждый замок имел не только военное значение. За ним стояли хозяйства, мельницы, деревни, дороги, повинности и люди, связанные с орденским управлением. Теперь их предлагали включить в денежное обязательство.

Но перед великим магистром лежали расчёты, показывавшие, что без такого обязательства значительная часть наёмников может прекратить службу уже в ближайшие дни.

— Продолжайте переговоры, — сказал Людвиг.

Сановники посмотрели на него.

— Установите условия, при которых Орден сохранит верховную власть над крепостями и их доходами. Никаких немедленных уступок, выходящих за пределы денежного обеспечения.

Рейсс фон Плауэн склонил голову.

— Я передам это командирам.

После совещания Маттиас остался, чтобы собрать бумаги. Великий магистр не отпустил его сразу.

— Ты считаешь, что иного выхода нет?

Маттиас аккуратно сложил ведомости.

— Я считаю, что сейчас мы не можем выплатить обещанное.

— Я спросил не об этом.

Управляющий поднял глаза.

— Если наёмники уйдут, потребуется новое войско. Для него тоже понадобятся деньги. А время, которое удалось получить после Хойнице, будет потеряно.

Людвиг прошёл к окну. Во дворе стояли вооружённые люди. Несколько лошадей водили по кругу после кормления. У стены работали плотники, укреплявшие повреждённую деревянную галерею.

— Они защищали замок, — произнёс великий магистр.

Маттиас не ответил.

— И теперь требуют сам замок в обеспечение платы.

Управляющий подошёл ближе.

— Пока требуют гарантий.

Людвиг обернулся.

— Ты полагаешь, разница велика?

— Пока мы способны исполнить договор, велика.

Великий магистр вернулся к столу. Маттиас собрал документы и вышел. В коридоре его ожидал писарь. Тот держал несколько листов, приготовленных для составления нового обязательства.

— Какие владения указывать? — спросил он.

Маттиас посмотрел на пустые строки.

— Сначала подготовь перечень тех крепостей, где стоят наёмные гарнизоны. И отдельно — прежние долги по каждой роте. Не смешивай их с расходами на продовольствие.

Писарь кивнул.

— А кто подтвердит цифры?

— Казначей и соответствующие командиры. Каждый свою часть.

Они направились в канцелярию. Там уже приготовили свежие листы, чернила и сургуч. Писарь сел за стол и принялся выводить заголовок. Маттиас остановился возле окна. Ещё недавно в этой комнате составляли распоряжения о защите крепостей от неприятеля. Теперь предстояло определить, какие из них могут обеспечить задолженность перед людьми, нанятыми для той же защиты.

Он вернулся к столу и начал диктовать перечень.

В Диршау Ульрих Червонка узнал о переговорах в Мариенбурге от посланника, прибывшего на измученной лошади. Посланник привёз письмо от одного из командиров, с которым Червонка служил под Хойнице. В нём говорилось, что великий магистр готов обсуждать обеспечение долга, но окончательного решения ещё нет. Большинство рот намеревалось сосредоточиться возле орденской столицы, оставив в Диршау небольшой гарнизон.

Червонка прочитал письмо в комнате над воротами. Внизу, во дворе, работали люди, ремонтировавшие повреждённую конюшню. С улицы доносились голоса торговцев. Возле переправы ожидали повозки с зерном, и городские служители проверяли документы перевозчиков.

Диршау располагался на важной дороге, связывавшей орденские владения с переправами через Вислу. После возвращения города под власть Ордена здесь снова разместили вооружённых людей. Но вместе с ними пришли прежние трудности: нехватка денег, необходимость кормить гарнизон и споры между военными и городским управлением. Червонка хорошо знал,

как опасно оставлять небольшое войско в городе, население которого не вполне уверено, кому следует подчиняться.

Он велел позвать старших своей роты. Собралось пятеро человек. Все были опытными воинами, прошедшими не один поход. Они различались возрастом, положением и достатком, но одинаково внимательно слушали, когда речь заходила о жалованье. Червонка развернул письмо.

— Большая часть наших товарищей идёт к Мариенбургу. Мы остаёмся здесь.

Один из воинов спросил, значит ли это, что их долг выплатят позднее остальных.

— Не значит, — ответил Червонка. — Требования будут представлены вместе.

— А кто поручится?

— Наши записи и соглашение командиров.

Мужчина недовольно покачал головой.

— Я приехал с тремя лошадьми. Теперь у меня одна. Две погибли, а корм за третью приходится покупать в долг. Если вернусь домой без денег, жена не станет спрашивать, какую крепость мы удержали.

Червонка выслушал его.

— Сколько должен за корм?

Воин назвал сумму.

— Принеси запись. Проверим.

Он не собирался обещать немедленную плату. Денег у него самого было недостаточно, а выдавать солдатам собственные средства, рассчитывая получить их обратно от великого магистра, он уже не мог. После совещания Червонка вышел к воротам. Там спорили два горожанина и один из его людей.

В центре спора находилась телега с сеном. Солдат требовал передать груз в крепость, ссылаясь на необходимость кормить лошадей. Хозяин утверждал, что сено предназначено покупателю из соседнего селения и уже оплачено. Червонка попросил показать документы. Торговец предъявил запись о продаже. Солдат не имел письменного распоряжения о реквизиции.

— Отпусти телегу, — велел Червонка.

Воин возмутился.

— Нам нужен корм! — выкрикнул воин. Червонка потребовал, чтобы тот получал припасы по установленной норме и обращался к нему лично, если замковая кладовая откажет. Солдат отступил, хотя по лицу было видно, что слова о порядке сами по себе лошадей не накормят.

Торговец поспешно направился к воротам. Червонка остановил его.

— Сколько у тебя ещё сена?

Мужчина насторожился.

— Немного.

— Я не требую отдать даром. Назови цену за половину оставшегося запаса.

Торговец долго размышлял. Затем предложил сумму, заметно превышавшую обычную. Червонка не стал торговаться сразу.

— Ты знаешь, что мы нуждаемся в корме, — сказал он. — Но если возьмёшь с нас втрое дороже, в следующий раз никто не станет покупать, а просто заберёт.

Горожанин покраснел.

— Мне самому приходится платить за зерно больше прежнего.

— Назови цену, по которой ты согласился бы продать его соседу.

После продолжительного разговора они договорились о поставке части сена с отсрочкой платежа. Червонка собственноручно удостоверил запись, поскольку не хотел, чтобы хозяйственный спор на следующий день превратился в драку. Когда торговец ушёл, один из воинов спросил:

— Зачем ты подписал долг, если великий магистр и нам должен?

— Потому что хозяин завтра придёт за деньгами ко мне.

— А ты придёшь к великому магистру.

— Именно.

Воин рассмеялся. Червонка не улыбнулся. Он давно перестал считать такие обязательства мелочью. Каждый день гарнизон ел хлеб, кормил лошадей, изнашивал обувь и требовал ремонта оружия. Пока войско находилось в походе, можно было рассчитывать на добычу, на захваченные припасы или на помощь соседних отрядов. Но когда люди останавливались в крепости, расходы становились постоянными.

Даже победа не прекращала их. Вечером Червонка отправился к переправе. На берегу работали несколько плотников. Они исправляли деревянный настил, повреждённый тяжёлыми повозками. Один из мастеров жаловался, что необходимое железо задержали в другом городе. Червонка осмотрел сооружение.

Ему предстояло обеспечивать движение людей и грузов через Диршау, а значит, переправа должна была оставаться исправной. Но для ремонта требовались деньги, которых не хватало и на жалованье. Он приказал выделить из гарнизонных запасов пригодные скобы и гвозди. Плотник поблагодарил.

— А за работу?

— Запишем долг.

Мастер устало покачал головой.

— У меня уже три таких записи.

Червонка попросил показать их. Две были выданы городскими служителями, третью удостоверил орденский распорядитель. Все обещали оплату после получения средств. Червонка прочитал документы и вернул.

— Новую работу запишем отдельно. Я не стану обещать, что за старые долги рассчитаюсь вместо других.

Плотник вздохнул, но согласился. Работа продолжилась. Червонка задержался у воды. По реке медленно проходило небольшое судно с зерном. Возле пристани несколько женщин стирали бельё, хотя из-за постоянного движения военных повозок берег стал грязнее прежнего. Он смотрел на город, который ему поручили удерживать.

Здесь были дома, мастерские, хлебные лавки, мельницы, церковные дворы и люди, не имевшие отношения к его военным договорам. Однако кормить гарнизон приходилось за счёт тех же запасов, которые обеспечивали жизнь горожан. Червонка вынул письмо из Мариенбурга. Он ещё раз прочитал последние строки. Командиры намеревались добиваться письменного обеспечения долга.

Впервые за много лет военной службы он задумался не о том, сколько укреплений сможет захватить или удержать его рота, а о том, насколько надёжным может оказаться обещание, обеспеченное крепостью. Крепость нельзя положить в кошель. Её приходится охранять, содержать и кормить людей, которые стоят на стенах. Если не хватает денег, сами стены не помогут расплатиться с воинами.

Он сложил письмо и вернулся к воротам. Наутро ему предстояло принимать новые припасы и проверять караулы.

Седьмого октября в Мариенбург начали прибывать основные наёмные отряды, оставившие прежние места расположения. Сначала появились конные люди с небольшим обозом. Затем пришли пешие воины, сопровождавшие повозки с оружием. К полудню нижние дворы и примыкавшие к ним улицы оказались заполнены лошадьми, телегами, слугами и вооружёнными людьми. Генрих Линде находился возле хозяйственных ворот, когда началась новая выдача продовольствия.

Он заметил, что прибывшие держатся иначе, чем прежде. После Хойницкой победы многие наёмники громко обсуждали свои подвиги, показывали захваченные вещи и рассказывали о неприятельских хоругвях. Теперь разговоров стало меньше. Люди быстро занимали помещения, устраивали лошадей и требовали корм. Некоторые открыто говорили, что не собираются отправляться в новый поход, пока вопрос о жалованье не решён.

Один из старших привёл к Генриху шестерых воинов.

— Нам положена выдача на три дня.

Генрих попросил документ. Мужчина предъявил письмо своего командира. На этот раз запись содержала число людей и лошадей, но требовала больше зерна, чем предусматривала обычная норма.

Генрих потребовал подтверждения добавочной нормы от замкового распорядителя. Наёмник показал подпись своего ротмистра и признался, что о согласовании с хозяйственной службой ничего не знает. Две печати, поставленные на разных приказах, снова требовали от одного кладовщика двух несовместимых действий.

Генрих объяснил, что без подтверждения не сможет отпустить всё требуемое. Мужчина приблизился к нему.

— Мы пришли не просить.

— Я тоже не от себя выдаю.

Наёмник положил ладонь на рукоять меча. Генрих не отступил. Он слишком долго служил у ворот, чтобы пугаться каждого человека, привыкшего подкреплять требование оружием. Но теперь понимал, что перед ним находится не случайный возчик, которого можно задержать до появления начальника. Эти люди составляли часть армии, без которой Орден не мог продолжать войну.

— Если нужен корм немедленно, получишь положенную норму, — сказал Генрих. — За остальным отправь человека к управляющему.

Наёмник долго смотрел на него. Затем убрал руку с меча.

— Вы, орденские, думаете, что мы будем исполнять приказы бесплатно.

— Я думаю, что в книгах должно быть написано, сколько вы получили.

Мужчина рассмеялся.

— Пиши. Только и о долге не забудь.

Они ушли с выданным зерном. Но на этом неприятности не закончились. К вечеру по замку распространились сведения, что наёмные люди начали самостоятельно брать продовольствие и ценности в счёт невыплаченного жалованья. В некоторых помещениях возникли споры о принадлежности имущества. Из церковных хранилищ потребовали выдать серебро и драгоценные предметы.

Генрих впервые услышал об этом возле часовни Святого Лаврентия. Там собрались служители, обсуждавшие появление вооружённых людей у хозяйственных помещений. Один утверждал, что наёмники уже забрали несколько серебряных сосудов. Другой возражал, что предметы лишь опечатали до решения великого магистра. Генрих не стал расспрашивать. Он направился к Маттиасу.

В канцелярии было шумно. Приходили люди с требованиями, писари составляли перечни, казначей отправлял посланников к командирам. На столе лежала открытая книга, куда записывали имущество, изъятое сверх обычных поставок. Маттиас стоял возле окна, держа в руках небольшой свёрток. Когда Генрих вошёл, управляющий положил свёрток на стол.

Внутри находились серебряные предметы из церковного хранилища. На них ещё оставались следы воска и тщательно натёртые участки, по которым было видно, что прежде вещи содержали в порядке.

— Что происходит? — спросил Генрих.

— Командиры требуют обеспечения долга. Некоторые люди решили, что могут сами определить, чем его покрывать.

— Это имущество часовни.

— Знаю.

Генрих осторожно развернул край ткани. Среди предметов лежала небольшая серебряная чаша. Он видел её прежде во время богослужения.

— Великий магистр разрешил?

— Нет.

— Тогда почему она здесь?

Маттиас устало опустился на скамью.

— Потому что я потребовал записать всё изъятое и передать на хранение до решения. Иначе завтра никто не установит, что именно забрали.

Генрих посмотрел на чашу. Ему казалось немыслимым, что люди, нанятые для защиты христианского Ордена, могут требовать церковное серебро как плату за службу. Но он вспомнил утренний разговор возле кладовой. Наёмники уже не верили обещаниям о скором расчёте.

Генрих спросил, дошло ли до угроз. Маттиас объяснил, что часть наёмников явилась с перечнем вещей, которыми собиралась покрыть долг, а некоторые уже говорили о силе. Великий магистр приказал охранять церковное имущество и продолжить переговоры; чашу, однако, предстояло сейчас прятать от собственных защитников.

Маттиас осторожно завернул серебро. Затем попросил Генриха привести двух надёжных служителей. Предстояло перенести предметы в запираемое помещение и составить подробную опись. Часть вещей уже успели вынести в счёт долга; необходимо было выяснить, какие именно и у кого они находятся. Генрих выполнил распоряжение. Работа заняла почти весь вечер.

Один писарь называл предмет, другой записывал его вес и приметы. Генрих проверял упаковку. Служитель, отвечавший за церковное имущество, стоял рядом и с трудом сдерживал возмущение.

— Они победили под Хойнице ради этого? — спросил он наконец.

— Они победили, потому что мы наняли их воевать.

— Но ведь они христиане.

— Христиане тоже заключают договоры.

Служитель хотел возразить, но Маттиас продолжил:

— Я не оправдываю того, что они берут без разрешения. Потому и составляем опись. Но если бы им выплатили жалованье, они не пришли бы за этим серебром.

Разговор оборвался. Генрих запер сундук, проверил, не перекосило ли металлическую накладку, и передал ключ Маттиасу. В коридоре темнело; возле двери стояли двое наёмных караульных. Они не спрашивали, чья печать на документе, — им велели никого не впускать без письменного разрешения, и каждый из них намеревался выполнить именно этот приказ.

Когда они вышли во двор, возле одной из стен горел костёр. Вокруг него сидели наёмники. Мужчины ели хлеб, передавали друг другу чашу и негромко разговаривали на знакомых и незнакомых Генриху наречиях.

У дальнего края костра молодой наёмник пытался прошить сапог. Игла гнулась о толстую кожу, нить путалась, и после каждой неудачи он прижимал оторванную подошву к колену, будто мог удержать её одной рукой. Генрих задержался возле него: в таком сапоге невозможно было простоять ночной караул на сырой стене.

— Сапожник в нижнем дворе.

Воин поднял голову.

— Денег нет.

Генрих посмотрел на повреждённый сапог. Подошва отошла почти до пятки. В такой обуви трудно было долго стоять на стене, особенно осенью.

— Подожди.

Он вернулся к кладовой, где хранились инструменты, и принёс небольшое шило. Затем показал, как проколоть кожу возле старого отверстия, не разрывая её окончательно. Юноша попробовал. С первого раза не получилось. Генрих помог ещё раз.

— Теперь сможешь прошить.

Молодой воин поблагодарил. Генрих собирался уйти, но тот спросил:

— Ты из Мариенбурга?

— Нет. Из Торна.

— Там у меня сестра.

Генрих остановился.

— Давно живёт?

— Несколько лет. Муж у неё бондарь. Я хотел послать письмо, но говорят, город неприятельский.

Генрих посмотрел на юношу.

— Город теперь служит польскому королю.

— Я знаю. Но сестра там живёт.

Генрих вспомнил Отто Беренса, оставленные инструменты и книгу, которую старый товарищ продолжал хранить для него.

— Если напишешь, отнеси письмо в канцелярию. Иногда находятся люди, способные передать.

Юноша кивнул. Он снова склонился над сапогом. Генрих направился к складам. За стенами замка шумел ветер. На дворе пахло мокрой соломой и лошадьми. Из конюшен доносились удары копыт. Он думал о серебряной чаше, которую вечером заперли в сундуке, и о молодом наёмнике, не имевшем денег даже на починку сапога. Оба принадлежали к одной и той же службе великого магистра.

Восьмого октября Маттиас фон Розенберг почти не выходил из канцелярии. К утру стало ясно, что переговоры достигли той стадии, когда каждое слово будущего соглашения придётся проверять особенно тщательно.

Ротмистры соглашались продолжать службу, но требовали письменного признания всей задолженности. Одних общих обещаний они больше не принимали. Следовало установить срок расчёта, порядок обеспечения и права, которые получат военные командиры, если Орден нарушит договор. На столе лежали несколько черновиков.

В одном говорилось о временном предоставлении доходов. В другом — о передаче крепостей в обеспечение жалованья. Третий предусматривал право наёмников распоряжаться заложенным имуществом после истечения установленного срока. Маттиас перечитал последний документ. В нём его особенно беспокоило положение о населении крепостных округов.

Если крепость оставалась под властью Ордена, люди продолжали исполнять прежние повинности. Но что произойдёт, если по истечении срока её придётся передать наёмникам вместе с зависимыми от неё землями? Маттиас вызвал писаря.

— Найди перечень хозяйств, относящихся к этим крепостям.

Писарь принёс несколько книг. Они начали разбирать владения. За каждым названием обнаруживались деревни, мельницы, переправы, пастбища, пахотные земли и люди, обязанные платить сборы или исполнять работы. Некоторые хозяйства давно не приносили прежних доходов. Другие были разорены войной. Третьи ещё продолжали поставлять зерно и корм. Маттиас остановился на записи о небольшой мельнице.

Она находилась возле дороги, по которой весной проходили отряды Прусского союза. Мельник уже жаловался на повреждение плотины и просил уменьшить платёж, поскольку часть зерна потеряли при перевозке. Теперь его хозяйство могло оказаться в числе имуществ, обеспечивавших долг наёмникам.

— Они ведь не знают, что здесь происходит, — сказал писарь.

Маттиас поднял голову.

— Кто?

— Люди в деревнях. Мельники, крестьяне. Мы записываем их владения, а они сейчас, наверное, готовятся к зиме.

Маттиас посмотрел на книгу.

— Пока их обязанности не меняются.

— А потом?

Управляющий закрыл её.

— Пока мы составляем условия. Не записывай то, чего ещё никто не решил.

Писарь замолчал. Маттиас понимал, что вопрос был справедливым. Но не мог ответить на него иначе. Он занимался договором, который должен был сохранить армию, и пока не знал, удастся ли собрать необходимые деньги к назначенному сроку. В полдень его вызвали к великому магистру. Людвиг находился в небольшом помещении рядом с залом совещаний. Перед ним лежал черновик соглашения.

Он попросил Маттиаса объяснить отдельные положения. Особенно внимательно великий магистр изучал условие, сохранявшее за Орденом верховную власть над крепостями и доходы от них до истечения срока выплаты.

— Это должно быть написано ясно, — сказал он. — Не оставляй места для двух толкований.

Маттиас подтвердил. Затем Людвиг указал на следующую строку.

— А здесь?

Управляющий прочитал условие о предоставлении наёмникам права распоряжаться крепостями при невыполнении денежного обязательства.

— Это их главное требование, — сказал он.

— Иначе не соглашаются?

— Пока нет.

Людвиг поднялся. Некоторое время он ходил по комнате, затем остановился возле карты.

— Я могу приказать брату держать крепость до последнего, — произнёс он. — Могу назначить комтура, заменить управляющего, потребовать отчёт о расходах. Но эти люди исполняют договор. И если я обещаю им деньги, которых нет, они спрашивают не о послушании, а о залоге.

Маттиас молчал.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы крепость служила обеспечением такого долга?

— Земли и замки закладывали и прежде. Но здесь речь идёт не об одном владении и не об обычном займе.

Людвиг повернулся.

— Именно.

Маттиас хотел продолжить, однако великий магистр сам указал на карту.

— Если завтра мы потеряем эту армию, многие крепости всё равно окажутся без защиты.

Он сказал это после долгого молчания. Маттиас понял, что решение почти принято.

— Я приготовлю окончательный перечень, — произнёс он.

Людвиг кивнул. Когда управляющий вышел, великий магистр остался возле карты. На стене висел небольшой деревянный крест. Он подошёл к нему, остановился и некоторое время стоял неподвижно. Затем вернулся к столу, где ожидали бумаги. Ему ещё предстояло подписать документ, условия которого были определены не только его волей.

Девятого октября 1454 года в Мариенбурге заключали соглашение, которого ожидали не только командиры наёмных рот, но и сотни людей, стоявших в замковых дворах и соседних городах. Утром Маттиас фон Розенберг пришёл в канцелярию раньше остальных. Он проверил

приготовленные документы, распорядился принести свежие чернила и попросил писаря ещё раз сверить имена представителей наёмного войска.

От их имени должны были выступить Бернард Шумборский, Адольф фон Глейхен и граф Ганс фон Монфорт-Пфанненберг. Каждый из них представлял людей, имевших собственные договоры и денежные требования. Их объединяло стремление получить обещанное жалованье, но в остальном интересы рот не всегда совпадали. Одни командиры хотели продолжать военную службу, рассчитывая на новые поступления. Другие стремились прежде всего обеспечить уже заработанные деньги и не желали подвергать людей новым опасностям.

Маттиас понимал, что договор должен учитывать эти различия. Если одна рота согласится продолжать службу, а другая откажется, Орден снова окажется перед необходимостью вести отдельные переговоры. Если же все получат общее обеспечение, появится возможность восстановить порядок подчинения и снабжения. Но цена такого согласия была велика. Маттиас взял окончательный черновик.

В нём указывалось, что великий магистр обязуется погасить задолженность перед наёмными отрядами до девятнадцатого февраля следующего года. До этого времени командиры должны продолжать службу против польского короля и Прусского союза и защищать порученные им крепости.

Орден сохранял верховную власть над городами и замками, а также доходы с их владений. Одновременно он принимал обязанность обеспечивать гарнизоны продовольствием и кормом. Особое положение определяло последствия невыплаты долга.

Если к установленному сроку обязательства останутся неисполненными, наёмники получали право потребовать передачи крепостей и городов, находившихся под их охраной, и распорядиться ими для удовлетворения своих денежных требований. Маттиас несколько раз перечитал эти строки. В перечне находился и Мариенбург. Он отложил бумагу и подошёл к окну.

Маттиас придвинулся к окну. Под ним возчики разгружали дрова, возле конюшни ждали овса солдаты, на дальнем дворе кузнец менял подкову. Шум голосов и железа доходил до канцелярии ровно так же, как вчера. Ничто снаружи не выдавало того, что всего несколькими строками замок превращали в обеспечение чужого жалованья.

Маттиас попробовал представить день, когда у этих ворот появится командир с подписанным договором и потребует ключи. Для него это были не отвлечённые слова о владениях. Он знал, какая дверь ведёт к зерну, где лежат запасные канаты и у какой башни весной течёт кровля. Если условия не исполнят, все эти подробности станут предметом чужих распоряжений.

Снаружи постучали. Вошёл казначей с исправленными денежными требованиями рот. Маттиас выпрямился, убрал от окна руки и вернулся к работе.

Он принёс окончательное подтверждение задолженности и несколько исправлений к прежним расчётам. Выяснилось, что один из ротмистров предъявил дополнительное требование за потерянных лошадей. Другой согласился исключить расходы, уже возмещённые захваченным имуществом. Маттиас велел внести изменения в отдельную ведомость.

— Основной договор не переписывать, — сказал он. — Там должен оставаться общий порядок обеспечения. Частные суммы приложим отдельно.

Казначей ожидал, пока Маттиас приложит к соглашению исправленные требования рот. Один командир прибавил стоимость потерянных лошадей, другой исключил уже возмещённые расходы. Маттиас настоял на отдельных приложениях, чтобы частный спор не позволил затем оспорить главный залог. Казначей молча провёл пальцем по строке о девятнадцатом февраля: обещанные из германских владений деньги ещё не значились среди наличных поступлений.

Маттиас сложил бумаги.

— Если бы я был уверен, нам не понадобился бы этот договор.

Казначей ничего не ответил. Вскоре пришло распоряжение начать совещание.

Людвиг фон Эрлихсхаузен встретил наёмных командиров без торжественной церемонии. В помещении находились несколько орденских сановников, казначей, Маттиас фон Розенберг и писари, которым предстояло удостоверить условия соглашения. Бернард Шумборский вошёл первым.

После битвы под Хойнице его положение заметно укрепилось. Он сумел сохранить влияние среди наёмных командиров и теперь выступал одним из главных представителей людей, требовавших расчёта. За ним следовали Адольф фон Глейхен и Ганс фон Монфорт-Пфанненберг. Они приветствовали великого магистра с соблюдением установленного порядка. Заняли приготовленные места.

Людвиг попросил Маттиаса прочитать согласованные условия. Управляющий развернул документ. Чтение продолжалось долго. Приходилось останавливаться на отдельных положениях, уточнять смысл слов и сверять записи с приложенными ведомостями. Когда дошли до срока погашения задолженности, Шумборский попросил повторить дату. Маттиас прочитал:

— Девятнадцатого февраля тысяча четыреста пятьдесят пятого года.

Шумборский кивнул. Глейхен спросил, будет ли Орден обязан предупредить командиров заранее, если возникнет невозможность исполнить договор в назначенный срок. Маттиас указал на соответствующее условие. Перешли к обеспечению. Один из орденских братьев ещё раз потребовал подчеркнуть, что верховная власть над крепостями сохраняется за великим магистром.

— Мы не передаём вам орденское управление, — сказал он.

Шумборский посмотрел на него.

— Пока договор исполняется, мы его и не требуем.

— А доходы?

— Остаются за Орденом, как записано.

Глейхен добавил, что наёмники ожидают своевременных поставок продовольствия и корма. Если гарнизоны должны продолжать службу, их содержание необходимо обеспечить независимо от окончательного расчёта жалованья. Маттиас подтвердил наличие такого обязательства. Начали обсуждать последнее положение. Писарь прочитал условие о праве распоряжения крепостями при невыплате долга.

В комнате стало тихо. Один из братьев попросил уточнить, распространяется ли это право на города и население, относящееся к крепостным владениям. Представители наёмников подтвердили, что требуют действительного обеспечения, а не одного перечня стен и башен. Шумборский говорил спокойно.

— Если нам обещают крепость в обеспечение долга, мы должны иметь возможность воспользоваться этим обеспечением. Пустые стены без земель и людей не возместят жалованья.

Орденский брат резко поднялся.

— Люди не являются имуществом ротмистров.

— Я не требую обратить их в рабов, — ответил Шумборский. — Я говорю о владении, со всеми его установленными правами и повинностями. И только в случае, если договор не будет исполнен.

Людвиг остановил дальнейший спор. Он попросил Маттиаса прочитать соответствующую часть ещё раз. Управляющий сделал это медленно. Условие предусматривало передачу находившихся под охраной наёмников городов и крепостей вместе с зависимыми владениями и правами, необходимыми для распоряжения ими, если Орден не погасит задолженность к установленному сроку.

Отдельно оговаривались пленные, удерживавшиеся ради выкупа. Великий магистр внимательно выслушал текст. Затем спросил:

— До истечения срока командиры обязуются защищать перечисленные крепости?

Шумборский подтвердил.

— И продолжать службу против неприятеля?

— Да, при соблюдении условий содержания.

— А прежние права орденского управления сохраняются?

Глейхен указал на соответствующую строку.

— Сохраняются.

Людвиг откинулся в кресле. Он хорошо понимал, что получает взамен: вооружённых людей, способных продолжать войну, и несколько месяцев, за которые можно попытаться собрать необходимые средства. Но теперь эти месяцы имели вполне определённую цену.

— Тогда приступим к удостоверению, — сказал он.

Писари подготовили документы. Казначей ещё раз проверил приложения. Маттиас сверил имена и должности. Затем соглашение представили сторонам для окончательного подтверждения. Людвиг фон Эрлихсхаузен принял документ. Он не торопился. Сначала внимательно просмотрел последние строки, затем взял приготовленную печать. На мгновение его взгляд задержался на перечне крепостей.

Среди них находилась столица Ордена, в которой он сейчас сидел. Печать опустилась на приготовленный воск. После великого магистра соглашение удостоверили представители наёмных командиров.

Шумборский действовал уверенно. Глейхен ещё раз посмотрел на приложения. Ганс фон Монфорт-Пфанненберг потребовал проверить одну из записей, касавшихся его людей, и только после подтверждения признал документ. Когда всё закончилось, бумаги разложили для изготовления копий. Людвиг поднялся.

— Договор заключён. Отныне требую от командиров исполнения принятой службы.

Шумборский также встал.

— Наши люди будут знать условия. Но прошу не забывать, что срок платежа установлен определённо.

— Он записан, — ответил великий магистр.

Командиры поклонились и вышли. Сановники начали собирать бумаги. Маттиас остался возле стола. Людвиг подошёл к нему.

— Проследи, чтобы копии получили все, кому следует. Особенно коменданты крепостей и хозяйственные управляющие.

— Будет исполнено.

— И пусть никто не считает, будто мы уже отдали замки.

— В документе ясно указано, что власть и доходы пока сохраняются за Орденом.

Великий магистр кивнул. Он посмотрел на закрытую дверь, за которой только что исчезли ротмистры.

— Теперь у нас есть время.

Маттиас не ответил. Людвиг заметил это.

— Ты сомневаешься?

— Время есть, — осторожно сказал управляющий. — Деньги ещё нужно найти.

Великий магистр вернулся к столу.

— Значит, займёмся деньгами.

В коридоре Маттиас встретил молодого орденского брата, которому поручили развезти копии по крепостям. Тот взял приготовленные листы и спросил, какой из них следует вручить комтуру первым. Маттиас назвал общий договор, затем показал приложение с перечнем заложенных владений. Молодой брат прочитал название Мариенбурга, поднял глаза на управляющего и хотел что-то спросить. Маттиас остановил его: документ следовало передать целиком, без устных объяснений, способных заменить его смысл. Позднее, оставшись у себя, он приказал проверить два комплекта замковых ключей и отдельно записать, кто распоряжается каждым складом. Приказ касался обычного хозяйственного порядка; но впервые он составлял его

с мыслью о том, что однажды при предъявлении этого самого договора служителям придётся отвечать уже перед другими людьми.

Генрих Линде узнал о заключении соглашения в тот же день. К нижним складам пришёл служитель с новым распоряжением о содержании наёмных гарнизонов. Теперь выдачи предстояло учитывать по отдельным ведомостям, согласованным с ротмистрами. Генриху велели принять список людей и лошадей, числившихся при нескольких отрядах. Он внимательно прочитал документ.

В нём не было ничего необычного: количество припасов, порядок проверки, должности ответственных служителей. Но внизу стояла отметка о новом соглашении. Генрих спросил, что она означает. Служитель объяснил, что великий магистр предоставил наёмникам обеспечение по невыплаченному жалованью.

— Чем обеспечил?

— Крепостями.

Генрих медленно положил бумагу на стол.

— Какими?

Служитель назвал несколько. Среди них был Мариенбург. Генрих посмотрел на него.

— Значит, мы теперь служим ротмистрам?

— Нет. Великий магистр остаётся нашим господином. Условия касаются долгов.

— А если их не выплатят?

Служитель пожал плечами.

— Тогда будут решать по договору.

Генрих не стал расспрашивать дальше. Он велел работникам приготовить необходимое зерно и отправился к конюшням. Там уже ожидали несколько наёмников. Один из них был тем самым молодым человеком, которому Генрих помог чинить сапог. На этот раз юноша выглядел довольным.

Молодой наёмник рассказал Генриху, что командиры наконец договорились о жалованье. Радость у него быстро сменилась сомнением, когда выяснилось: деньги обещаны лишь к февралю. До тех пор придётся нести службу, как прежде, следить за конями и чинить изношенное оружие. Он провёл ладонью по заплате на сапоге, которую Генрих помог ему поставить, и вернулся к своим товарищам.

Юноша произнёс это спокойно. Он не знал всех условий соглашения, но понимал главное: командиры получили письменное обязательство, а значит, появилась возможность рассчитывать на деньги. Генрих выдал ему положенное количество овса. Наёмник забрал мешок и поблагодарил. Затем спросил:

— А ты рад?

— Чему?

— Что мы остаёмся.

Генрих задумался. После победы под Хойнице он видел, насколько велики силы наёмного войска. Без этих людей Орден не смог бы удерживать многочисленные крепости, преследовать противника и обеспечивать безопасность дорог. Но теперь существовал договор, по которому при невыплате долга сама столица великого магистра могла оказаться средством расчёта.

— Если будете исполнять службу, это хорошо, — сказал Генрих.

Юноша рассмеялся.

— А что ещё нам делать?

Он взвалил мешок на плечо и ушёл. Генрих вернулся в кладовую. Работники продолжали пересчитывать зерно. Один из них заметил, что новая ведомость требует больше овса, чем выдавали прежде. Генрих проверил запись. Количество действительно увеличилось. Прибывшие отряды содержали больше лошадей, и теперь их нужно было кормить ежедневно. Он попросил принести новую книгу.

Старые страницы уже почти закончились. Взяв перо, Генрих начал записывать выдачи. За стенами замка снова стояли вооружённые люди. Но теперь они ожидали не немедленного расчёта, а наступления установленного срока. Генрих вписал последнюю сумму и закрыл книгу. Потом попросил работников закончить разгрузку до наступления темноты.

В Данциге о соглашении узнали через несколько дней. Известие привёз торговый человек, проезжавший через земли, где вновь действовали орденские отряды. Он сообщил, что великий магистр договорился с наёмниками и предоставил им крепости в обеспечение жалованья. В торговом доме Маттиаса новость вызвала продолжительный разговор. Томас Лемке, пришедший обсудить судьбу задержанного зерна, сначала не поверил сообщению.

— Целые крепости?

— Так говорят.

— И Мариенбург?

— Называют и его.

Лемке посмотрел на Маттиаса.

— Если это правда, они теперь будут держать замки ради собственных денег.

Маттиас не стал делать выводов до получения более точных сведений.

— Пока речь об обеспечении, — сказал он. — Нужно знать условия.

— А разве это меняет дело?

— Меняет. Если право распоряжения возникает только после невыплаты долга, до срока ещё может многое измениться.

Лемке раздражённо провёл рукой по столу.

— Купцы понимают такие договоры лучше рыцарей. Заложенная вещь остаётся у хозяина только до тех пор, пока он способен исполнить обязательство.

— Поэтому я и хочу знать точные условия.

Разговор продолжался недолго. Лемке пришлось уйти к пристани, где ожидало судно с товаром. После его ухода Мартин Краузе принёс новые сведения о потерянном обозе. Им удалось установить владельцев двух повозок. Один согласился ждать решения городских властей о возмещении убытков. Другой требовал немедленной платы и угрожал обратиться в суд. Мартин подготовил отдельные расчёты.

Маттиас изучил их.

— Сколько мы можем выплатить сейчас?

Мартин назвал сумму.

— Остальное?

— Придётся ждать расчёта по королевским поставкам.

Маттиас задумался. Сходство с услышанной новостью о Мариенбурге было неприятным. Торговый дом тоже имел обязательства, которые не мог полностью исполнить, пока не получит денег от своих должников. Но здесь речь шла о двух повозках, нескольких лошадях и товаре. Там — о крепостях, городах и целых владениях. Маттиас вернул ведомость.

— Предложи владельцам частичный расчёт. И письменно признай остаток долга.

— Без нового срока?

— Срок установим, когда получим подтверждение о возмещении поставок. Не обещай того, чего пока не можем выполнить.

Они некоторое время разбирали документы. Затем Мартин рассказал, что нашёл сестру Маргареты. Женщина с ребёнком уже поселилась у родственников. Её сестра помогала ей искать работу, а мальчика собирались пристроить к одному из ремесленников, чтобы со временем он мог учиться делу.

— А муж? — спросил Маттиас.

— Известий нет.

Мартин достал небольшой лист. На нём были записаны имена людей, которые могли знать пропавшего. Он уже расспросил нескольких возвращавшихся из-под Хойнице, но никто не смог сообщить ничего определённого. Маттиас посмотрел на список.

— Оставь его. Если появятся новые пленные или раненые, проверим.

Мартин поблагодарил. За окном шумела гавань. К пристани подошло торговое судно. Грузчики начали переносить мешки, на соседнем причале плотники исправляли повреждённый настил. Возле складов спорили о цене железа. Работа не прекращалась.

Но теперь каждый новый договор составляли осторожнее. Купцы требовали письменных гарантий, перевозчики просили часть платы заранее, а владельцы судов отказывались отправляться в опасные места без дополнительного вознаграждения. Мартин вернулся к своей книге.

Он постепенно понимал, что для продолжения торговли одного товара недостаточно. Требовались люди, согласные везти его, дороги, по которым можно проехать, и деньги, которые получатель действительно способен заплатить. Если хотя бы одно из этих условий исчезало, самая аккуратная запись не спасала дело. К вечеру он закончил новые расчёты и отправился к Маргарете.

Женщина встретила его в небольшом доме возле ремесленной улицы. Мальчик сидел на полу и играл деревянной лошадкой. Сестра Маргареты занималась шитьём, рядом лежали несколько законченных рубашек. Мартин передал немного денег за работу, которую женщина помогла выполнить для торгового дома, и спросил, не нужны ли дополнительные припасы. Маргарета поблагодарила.

Она выглядела спокойнее, чем в дороге, но при упоминании мужа сразу отвела глаза.

— Я всё ещё жду письма, — сказала она.

Мартин ответил, что продолжает расспрашивать прибывающих людей. Мальчик подошёл к нему.

— А ты опять поедешь туда, где сражались?

— Пока нет.

— Хорошо.

Мартин присел рядом.

— Почему?

Ребёнок показал деревянную лошадку.

— Ты её тогда не потерял.

Мартин вспомнил ночь в лесу, повозку, испуганных лошадей и маленький свёрток, который Маргарета успела вынести из дома.

— Нет, не потерял.

Мальчик улыбнулся и вернулся к игре. Когда Мартин вышел на улицу, уже темнело. Он направился к гавани. Ветер доносил запах воды и мокрых канатов. Возле склада кто-то громко требовал принести фонарь. На другом берегу виднелись огни. Мартин остановился у причала. Он подумал о Мариенбурге, о великих крепостях, которыми теперь обеспечивали долг наёмникам, и о собственных утратах под Хойнице.

Ему не казалось удивительным, что люди требуют заработанное. Но он никак не мог представить, как можно будет расплатиться крепостью. Он ещё немного постоял у воды и вернулся в контору.

Через несколько дней после заключения соглашения Людвиг фон Эрлихсхаузен получил новые сведения о положении наёмных отрядов. Часть командиров уже распорядилась продолжить службу. В крепостях проверяли гарнизоны, готовили припасы на зиму и восстанавливали движение по дорогам. Некоторые роты отправились к участкам, где сохранялась угроза со стороны Прусского союза.

Великий магистр поручил Маттиасу представить расчёт ожидаемых доходов до установленного срока платежа. Управляющий принёс несколько книг. Они работали долго. Сна-

чала рассматривали германские владения Ордена, затем возможные поступления из прусских хозяйств. Отдельно учитывали средства, которые можно было получить за счёт займов и продажи части имущества.

Людвиг несколько раз останавливал расчёт.

— Здесь указано больше, чем в прежнем письме.

Маттиас объяснял, что сумма основана на новом обещании, ещё не подтверждённом поступлением денег.

— Тогда запиши её отдельно.

Маттиас закончил расчёт и положил рядом две страницы. На первой значились деньги, уже поступившие в казну; на второй — суммы, которых ещё только ожидали из германских земель и займов. Если сложить оба столбца, жалованье казалось почти обеспеченным. Если считать только первый, до него оставалось далеко. Людвиг долго смотрел на разделённые записи и велел не переносить ожидаемое в наличное. Теперь приходилось просить о деньгах тех, кто уже однажды обещал их прислать.

— Значит, придётся снова писать.

Великий магистр велел приготовить послания. Он намеревался обратиться к орденским владениям, к людям, сохранявшим верность, и к тем, кто мог предоставить деньги под обеспечение будущих доходов. Когда управляющий собрался уходить, Людвиг остановил его.

Перед уходом Маттиаса великий магистр осведомился о наёмниках. Управляющий сообщил, что люди продолжают службу и в замке стало спокойнее. Людвиг принял это как действие соглашения, но, когда дверь закрылась, ещё раз посмотрел на письмо о деньгах, без которых спокойствие не могло продлиться долго.

Великий магистр некоторое время сидел молча, затем отпустил управляющего. Поздно вечером он спустился в замковую церковь. Там было прохладно; перед алтарём горели свечи, их свет ложился на каменные плиты пола. В тишине отчётливо слышались его шаги. Он остановился там, где прежде молился в самые тяжёлые дни осады.

Теперь неприятель уже не стоял под стенами. Но Людвиг знал, что за сохранение замка пришлось принять обязательства, которых нельзя исполнить одной военной победой. Он опустился на колени. Молитва продолжалась долго. Когда великий магистр поднялся, свечи почти догорели. Он вернулся в свои покои и велел подготовить письма к отправке на следующее утро.

Генрих Линде заканчивал вечерний обход складов, когда возле ворот появился пожилой возчик. Мужчина привёз несколько мешков овса из ближайшего хозяйства. Его повозка была небольшой, лошадь заметно устала. При разгрузке выяснилось, что один мешок повреждён, а часть зерна высыпалась на дно кузова. Генрих велел собрать всё пригодное. Возчик помогал молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.